ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 41 (4431)

10 октября 1973 г. СРЕДА

ЕСТЬ УКРАИНСКИЙ МИЛЛИАРД!

Хлеборобы орденоносной Украины, претворяя в жизнь решения XXIV съезда КПСС, добились крупных успехов — на 5 октября в закрома республики было засыпано один миллиард двадцать три миллиона пудов зерна.

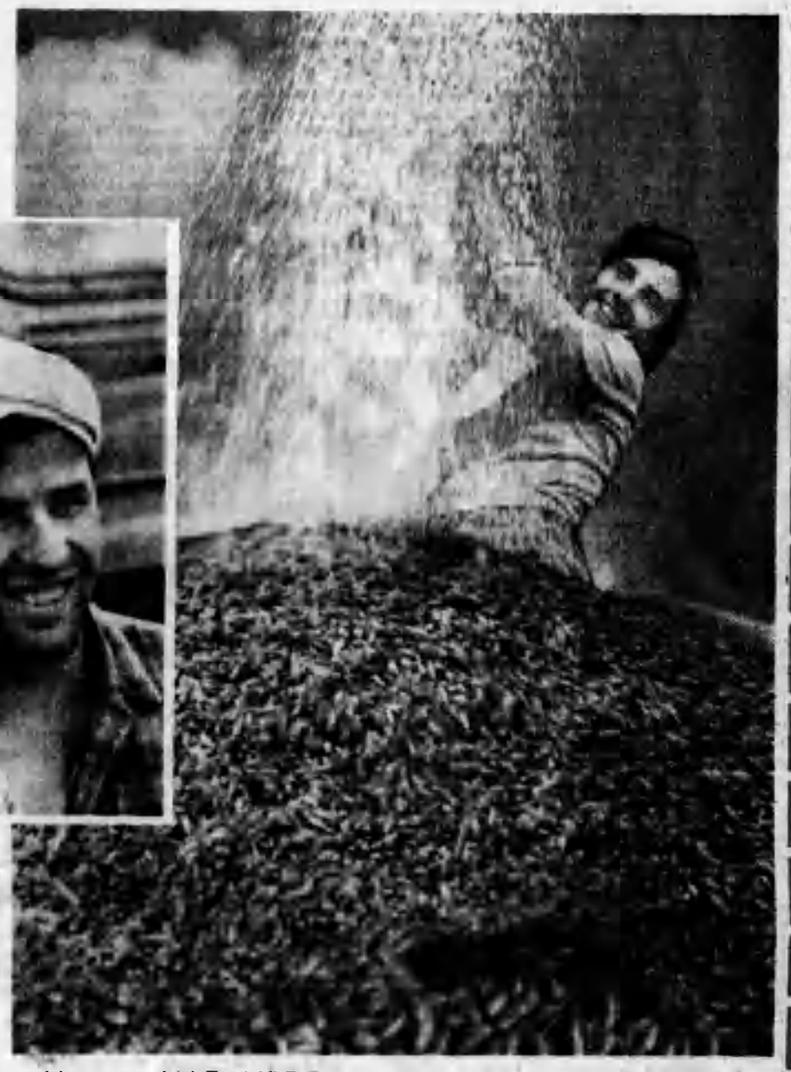
Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР сердечно поздравили колхозников и рабочих совхозов, специалистов сельского хозяйства и ученых, тружеников заготовительных и транспортных организаций Украины — всех, кто активно участвовал в борьбе за хлеб.

Сегодня Родина чествует своих героев, тружеников украинского села, собравших небывалый урожай со своих полей. С победой вас, украинские хлеборобы!

Украинский писатель Иван Цева рассказывает

Герои украинской жатвы — бригада комбайнера Владимира Славацкого (Запорожская область)

Фото В. АХЛОМОВА и К. ЛИШКО



БАГРЯНЫМ шелестом прибрал он зеле. Украинцы... [illegible] шеренгой над полем, дружными рядами. Пора зрелости, пора подведения итогов.

Но не [illegible] горячие, [illegible] и то и тревожные летние дни.

В эту горячую пору я много ездил по полям Полтавщины, [illegible] в [illegible] Зеньковщина, [illegible] и между реками Ворсклой и Пеной.

Разное [illegible] знают. Тут и Фонция — [illegible] о ее товарках дабы [illegible] по белу снегу, и Диманды, [illegible] нашим земляком Пиньоном. Ва[illegible] Гиллем. Не[illegible] от моего [illegible] Белов — [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Украине всего только. У [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

И МИРУ МИР ДАДИМ!

«Народы мира в борьбе за мир» — так назывался первый вечер только что начавшегося сорокового сезона Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева. Он был посвящен предстоящему Всемирному конгрессу миролюбивых сил.

В президиуме видные общественные и политические деятели планеты — активные борцы за мир, представители общественности столицы, рабочие, писатели, ученые.

Вечер открыл секретарь правления Союза писателей СССР Виталий Озеров.

— Дом, в котором мы собрались, — сказал он, — видел многое... Видел свет первых пятилеток, о которых рассказывали прославленные литераторы, выезжавшие на передовые стройки Страны Советов. Этот Дом помнит и суровые годы Великой Отечественной, когда писатели, одетые в армейскую форму, прилетали с фронта и делились рассказами о том, как куется победа над гитлеризмом... Видел этот Дом и гостей, прибывавших из разных концов нашей земли, сообщавших о том, как народы борются за мир. Этот Дом — участник и сегодняшнего нашего вечера... Считанные дни остаются до Всемирного конгресса миролюбивых сил, который будет обсуждать задачи исторической важности. Программа мира, предложенная всем народам всех континентов XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза, стала притягательной силой для прогрессивных людей земли. Надо, чтобы эту программу взяли на вооружение все передовые представители общественности, все честные труженики планеты...

В. Озеров останавливается на важной роли деятелей культуры, и в частности писателей, в развитии международного сотрудничества, в борьбе с идеологической экспансией. В этом свете большое значение приобретают международные контакты советских писателей.

— Мы всегда активно откликаемся на события, происходящие в любой горячей точке мира. Боевой силой своего оружия — слова — ведут советские писатели борьбу против любых форм агрессии, против человеконенавистнических идеологий империализма, колониализма, сионизма, встают на защиту народов мира, борющихся за свое освобождение, за социальный и культурный прогресс.

На трибуну поднимается председатель Международного подготовительного комитета по созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил, генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

В своем выступлении Ромеш Чандра отметил огромное значение Московского конгресса для укрепления мира и безопасности, борьбы против колониализма и расизма во всем мире.

— Конгресс миролюбивых сил, — сказал он, — отражает уверенность народов в силе общественного мнения. В Москву со всех концов земного шара съедутся представители организаций и движений, все те, кто понял, что для успеха дальнейшей борьбы за мир и национальную независимость необходимо объединение сил.

Особое место в работе конгресса займет обсуждение положения, сложившегося в результате реакционного переворота в Чили. Захват власти военной хунтой означает угрозу делу мира во всем мире. Конгресс должен будет разработать наиболее эффективные меры помощи Чили, стать мощной манифестацией солидарности с чилийским народом, борющимся против реакции и фашизма.

— Московский конгресс станет событием не только огромного политического, но и культурного значения, — так начал свое выступление известный аргентинский поэт, выдающийся борец за мир Альфредо Варела. — И не только потому, что в рамках его будет работать Комиссия по проблемам сотрудничества в области культуры и образования, но и потому, что проходить он будет в Москве, столице страны, достижения которой в деле развития культуры вдохновляют всех нас, служат для нас примером.

Как и все выступавшие, Варела посвятил часть своей речи событиям в Чили. С огромным волнением говорил он о Сальвадоре Альенде, о Пабло Неруде.

К собравшимся обращается представитель народной Польши профессор Болеслав Ивашкевич. Он вспоминает о Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира, состоявшемся в 1948 году в польском городе Вроцлаве. В те годы деятели науки, литературы и искусства поняли, что отвратить угрозу новой мировой войны можно только в том случае, если защиту мира возьмут в свои руки миллионы людей, сами народы. Так зародилась идея необходимости защиты мира.

— С тех пор обстановка изменилась, — подчеркнул Болеслав Ивашкевич.— Борьба ведется сейчас не только против войны, но и за укрепление мира, безопасности, национальной независимости. Именно эти цели и преследует открывающийся в Москве конгресс.

Выступает Евгений Долматовский. Он посвящает свое слово большому другу Советского Союза поэту Пабло Неруде, вспоминает о встречах с Нерудой, потом читает отрывок из поэмы великого чилийского поэта.

Бурными аплодисментами, стоя приветствовал зал представителя мужественного чилийского народа — члена Политической комиссии ЦК Коммунистической партии Чили писателя В. Тейтельбойма.

— Я из страны, в которой сейчас бесчинствуют фашистские орды, — сказал В. Тейтельбойм. — Страны, где убили президента, законного избранника народа, где вооруженные банды ворвались в дом Пабло Неруды, страны, где жгут книги... Для меня борьба за мир не абстрактное понятие. Навсегда положить конец войнам, убийствам, насилию на всей нашей планете — вот грандиозная задача, стоящая сегодня перед прогрессивным человечеством.

В. Тейтельбойм рассказывает о Сальвадоре Альенде и Пабло Неруде, плечом к плечу с которыми он многие годы сражался за свободу родины, о Лунсе Корвалане, томящемся в фашистском застенке...

— Я не могу забыть последнего выступления Альенде по радио. Он героически вел неравную схватку с врагами, но не сложил оружия. Он умер как солдат и, умирая, завещал народу продолжить начатое им дело.

На трибуну поднимается белорусский поэт Герой Социалистического Труда Петрусь Бровка, который говорит о величайшем долге каждого человека — участии в борьбе за мир, затем читает одно из своих стихотворений.

В заключение к собравшимся обращается поэт Андрей Вознесенский. Свое выступление он посвящает Пабло Неруде.

Присутствовавшие на вечере гневно и возмущенно осуждали агрессию израильской военщины на Ближнем Востоке. Участники состоявшейся недавно в Алма-Ате V Конференции писателей стран Азии и Африки решительно осудили разбойничьи действия Израиля против арабских народов и выразили солидарность с их справедливой борьбой. Правительство Израиля, упорно продолжающее свою экспансионистскую политику, не желает считаться ни с решением ООН, ни с общественным мнением. В этой обстановке особое значение приобретает поддержка всеми миролюбивыми силами законных требований арабских государств об освобождении Израилем всех оккупированных территорий.

С трибуны московского конгресса вновь страстно прозвучат голоса, обвиняющие империализм, расизм, сионизм. Голоса борцов против войн и агрессий, за обеспечение мира во всем мире.

Н. ВЕТЛОВА, А. МОСКАЛЕВ

На встрече с участниками Конгресса миролюбивых сил: лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Альфредо Варела (Аргентина), член Политкомиссии ЦК Компартии Чили Володя Тейтельбойм, Герой Социалистического Труда Петрусь Бровка, Хенаро Карнеро Чана (Перу) и Виктор Уго Моралес (Венесуэла).

Фото М. ТРАХМАНА

Писательские контакты

11—12 октября в Будапеште состоится очередная, четвертая встреча главных редакторов литературных журналов социалистических стран. На эту встречу в Венгрию выехала делегация Союза писателей СССР в составе секретаря правления СП СССР, главного редактора журнала «Вопросы литературы» В. Озерова (руководитель делегации), секретаря правления, главного редактора журнала «Театр» А. Салынского, главного редактора журнала «Нева» А. Попова, главного редактора журнала «Вітчизна» Л. Дмитерко, главного редактора журнала «Неман» А. Макаенка, главного редактора журнала «Нямунас» Л. Иннинса, члена редколлегии журнала «Новый мир» В. Литвинова и консультанта Иностранной комиссии СП СССР И. Салимона.

На встрече будут обсуждены вопросы о взаимосвязи научно-технической революции и литературы, о дальнейшем развитии творческих контактов между литературными журналами социалистических стран.

ВЯЧЕСЛАВУ ШИШКОВУ

Калининская область широко отпраздновала 100-летие со дня рождения своего земляка, замечательного советского писателя В. Я. Шишкова. Научная конференция, посвященная жизни и творчеству автора «Угрюм-реки», прошла в Калининском государственном университете, литературно-художественный вечер — в областной библиотеке имени А. М. Горького.

В областном драматическом театре состоялось торжественное заседание. Его открыл член всесоюзной юбилейной комиссии, первый секретарь Калининского обкома КПСС Н. Г. Корытнов.

— Годы не отдаляют, а сближают миллионы читателей с творениями В. Я. Шишкова, помогающими советским людям строить новую жизнь, воспитывать нового человека. И потому Шишков — наш современник, наш единомышленник, — сказал он.

Слово о В. Я. Шишкове произнес профессор, заведующий кафедрой Литературного института имени А. М. Горького В. Панков.

На торжественном собрании выступили также секретари правления Союза писателей СССР Б. Полевой, О. Шестинский, ответственный секретарь Красноярской писательской организации А. Чмыхало, ткачиха Калининского хлопчатобумажного комбината Е. Мормужева, ответственный секретарь Калининской писательской организации А. Гевелинг, первый секретарь Бежецкого горкома партии Ю. А. Шестаков.

Среди гостей на собрании присутствовали вдова писателя К. М. Шишкова, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляев и другие.

Торжества были продолжены в Вышнем Волочке. Здесь на здании бывшего технического училища, где учился В. Я. Шишков, была открыта мемориальная доска, в городском драматическом театре состоялось торжественное собрание.

6 октября праздник вступил в город Бежецк, где был открыт Музей В. Я. Шишкова. Затем распахнулись двери нового книжного магазина.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Научная конференция на тему «Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы» прошла 27—28 сентября в Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР.

Во вступительном слове член-корреспондент АН СССР Б. Сучков кратко обрисовал современное состояние литературного процесса, идущего в странах социализма, выделив ведущие позитивные тенденции его развития и подчеркнув, что именно социалистическое искусство — а в первую очередь искусство социалистического реализма — является ныне подлинно революционным авангардом мировой культуры.

Н. Балашов и Н. Гей остановились на эстетико-философских аспектах проблемы. Л. Арутюнов посвятил свой доклад общему и специфическому в литературах народов СССР. В остальных выступлениях было показано, как преломляется диалектика общего и особенного в наиболее заметных новейших явлениях литературы и эстетической мысли Болгарии (Р. Филипчикова, Т. Серкова), Венгрии (Ю. Гусев, О. Россиянов), ГДР (А. Дымшиц, А. Хирше, Г. Егорова, И. Млечина), Польши (А. Пиотровский, Я. Станюкович, В. Хорев, А. Липатов), Румынии (Ю. Кожевников), Чехословакии (Ю. Богданов, И. Бернштейн, С. Бэлэ, Л. Будагова, С. Шерлаимова) и Югославии (Н. Яковлева, Г. Ильина).

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Беляускаса А. П. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писателя Беляускаса Альфонсаса Петровича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 4 октября 1973 г.

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

И, как на войне, наступление все же продолжалось. Несмотря ни на что. Как только погода давала возможность, снова выходили машины в поле. И врезались комбайны в густую пшеницу, оставляя за собой ровные покосы...

Как они работали — Кулибаба и Кирса! Кирса собирал пшеницу «одесская-51», намолачивая за день по девятьсот центнеров зерна. Не отставал от него и соперник в соревновании Владимир Кулибаба — те же девятьсот центнеров за день. И мчались автомашины с зерном на Гадяч, наполняя полтавским хлебом государственный элеватор...

* * *

Я был среди земляков и в те дни, когда Украина принимала орден Дружбы народов из рук Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева. Зеньковцы послали своих делегатов на этот праздник в Киев. Среди них были первый секретарь райкома партии П. Радченко, председатель райисполкома Н. Выборный, начальник производственного управления А. Цимбал, председатель колхоза «Маяк» М. Пинчук, многие передовики. А наутро они были на полях района. Предпринимались все меры, чтобы обеспечить хлеборобам и механизаторам оптимальные условия для успешного выполнения нелегкой задачи — такого урожая никогда ведь не было в наших местах! По зернышкам, по пудам, по тоннам набирал вес этот поистине исторический украинский миллиард. Только лишь мои земляки из Зеньковского района сдали государству два миллиона восемьсот восемьдесят тысяч пудов хлеба!

...Уже новая осень в разгаре. Там, где недавно переливалось колосистое море пшеницы, греется под осенним солнцем вспаханный чернозем, зеленеют всходы озимей, из которых прорастет, должен прорасти щедрый урожай будущего года.

Иван ЦЮПА

КИЕВ

ЕСТЬ УКРАИНСКИЙ МИЛЛИАРД!

БЕРЛИН, ГДР СОЮЗ НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Дорогие друзья!

Советские писатели шлют вам в связи с национальным праздником — 24-й годовщиной образования Германской Демократической Республики — самые искренние и сердечные поздравления.

Желаем вам, дорогие друзья, дальнейших творческих успехов в создании произведений о судьбах современников, о строительстве развитого социалистического общества и новой, социалистической культуры, которое успешно осуществляет народ Германской Демократической Республики под руководством Социалистической единой партии Германии, во имя мира и социализма.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

ЖАТВА

Закончилась битва за украинский миллиард. Это был трудный бой... Бой за хлеб. Сегодня мы расскажем о некоторых его эпизодах. «Место действия» — один из глубинных районов Харьковской области — Красноградский.

«ПШЕНИЦА ГОРИТ!»

Не этом паровом поле была выращена отборнейшая пшеница. Лучшая в колхозе имени В. И. Ленина, да и не только в нем — наверное, во всем Красноградском районе.

Едва начали жать, как моторы комбайнов завыли натужно, со «слезой» — пришлось идти на первой пониженной — таким «монолитом» стояла пшеница. Комбайн Антона Парахина прошел буквально полтора десятка метров, как бункер был полон.

Снизу, из распадка, выполз «газик». Шофер Иван Астапеев вырулил на стерню.

Вдруг, пришедшая откуда-то, пронеслась низом лохматая неряшливая туча. Парахин оглянулся удивленно. За первой, еще ниже и еще быстрее, промчалась другая, и ослепительно синее небо неожиданно посерело. Как все изменилось! В считанные секунды. Потом боку оглушительно ударил разряд — будто орудие рявкнуло, — и длинная, в рогах веток молния стеганула по макушкам стеблей, потянулась к комбайну, но не достала, выдохлась. В лицо Парахину хлынула упругая теплая волна воздуха, потянуло серой. Над кромкой пшеничных стеблей легкой косынкой взметнулось почти прозрачное пламя. Взметнулось и тут же опало, будто спряталось.

— Иван! Пшеница горит!

— Ты что?

Огонь вновь взметнулся в самом центре поля и, не таясь уже, пошел полыхать по верхушкам, стричь колосья.

Астапеев рванул с борта «газика» огнетушитель. Копнильщику Сане Золотареву кинул лопату:

— Быстрее!

У комбайна он задержался, скомандовал Парахину вмиг осипшим, ставшим сырым голосом:

— Гони в бригаду! За помощью!

Собственно, о помощи Иван Астапеев в тот момент не подумал, гораздо важнее было убрать дорогостоящий комбайн с поля, но сделать это так, чтобы не обидеть Парахина...

...Впереди мелькала белая Санина рубаха да взбрыкивали над пшеницей ноги в кедах. Астапеев побежал за ним вслед. А огонь тем временем набрал силу, и Саня Золотарев, не добежав, остановился, растерянно оглянулся.

— Не дрейфь, парень! — прохрипел Астапеев.

Он ударил клапаном огнетушителя о землю. Но земля была вязкой, ухоженной, и огнетушитель не сработал; тогда он, озлясь, долбанул еще раз и еще — бил до тех пор, пока не вырвалась пенная струя, а огонь не ответил ей злым постреливанием сквозь сизое дымное облако.

Саня носился в чаду, как метеор, со своей лопатой, сбивал ею огонь, выворачивал целые пласты земли, забрасывая пламя. Примчавшийся ветер подстегнул огонь, как кнутом, — желтые языки, пригибаясь к земле, стали обходить людей. И слева, и справа. Еще чуть — и возьмут в кольцо. Астапеев с остервенением ударил струей по этим языкам, но они, как живые, отпрыгнули метра на полтора, поползли дальше... Помощи бы, помощи... Вдруг Астапеев споткнулся и, падая, угодил рукой в огонь — вскрикнул, обожженный. А огонь, будто зверь, учуяв момент, кинулся на него, лизнул волосы, лицо. Иван с силой оттолкнул ногой огнетушитель, откатился в пшеницу. Пламя прыгнуло за ним, заурчало, но опоздало — Астапеев успел подняться на четвереньки и, зацепив огнетушитель за широкую дужку рукояти, снизу полоснул по опасным желтым языкам пенной струей.

...Сейчас кончится жидкость в огнетушителе — и все! Придется рубахой отбиваться от пожара. Он в отчаянии оглянулся и облегченно вздохнул — к ним бежали люди. Впереди, подпрыгивая, бережно прижав к себе огнетушитель, — шофер Дмитрий Ярмалюк, за ним — комбайнер-орденоносец Володя Иванов, грузчик Леня Джепа, а парахинский помощник, студент Федя Власов, тащил за собой длинное брезентовое покрывало.

Огнетушитель фыркнул последний раз, зашипел, выдавливая из своего чрева мелкие брызги. Астапеев отшвырнул его в сторону.

Когда загасили последние островки пламени, Астапеев уже едва стоял на ногах, земля кренилась из стороны в сторону, в ушах звенело, боль прокалывала все тело.

— Еще две-три минуты — и все, — проговорил Володя Ковалев. — Поле бы слизнуло, как коровьим языком. Девяносто пять гектаров...

Астапеев молча побрел по границе выгоревшего участка. Впрочем, не молча — губы его шевелились, он считал: раз, два, три... Шофер замерял выгоревший кусок поля. У середины он задержался— глубоко в землю уходила узкая нора с оплавленными до кремнистости краями — сюда ударила молния. Астапеев двинулся дальше: девять, десять, одиннадцать...

Всего выгорело шестнадцать квадратных метров пшеницы — для девяностапятигектарного поля не так уж много.

Через полчаса хлынул ливень, плотный, густой — в десяти шагах ничего не разглядеть. Остановились комбайны, умолкли моторы тракторов, затихли жатки... Пришла новая беда...

ДОЖДЬ

— Чувствуешь себя в этом дожде, как солдат в захлебнувшейся атаке, — лежишь на голом поле, обдуваемый со всех сторон, а тебя секут и секут пулеметным огнем, и головы не поднять. Ни в поле выехать, ни... Надо же — в день выпадает, можно сказать, месячная норма воды!

Михаил Иванович Нартов, председатель колхоза имени В. И. Ленина, умолкает, ему хочется выругаться, но он сдерживает.

Из-за непрерывных ливней жатва затягивалась... А дождь все шел и шел. И стояли беспомощными комбайны, разбухал, намокал влагой хлеб. Еще немного, еще чуть-чуть — и ничем его уже не взять. Тревога овладела людьми.

Иногда ливень делал небольшие перерывы — всего на несколько часов, и тогда, дав немного обсохнуть колосьям, в поле вновь выходили комбайны. Так и вырывали у ливня время по крохам — иногда часы, иногда минуты.

В райкоме партии трезвонят телефоны — требуют кого-нибудь из секретарей. Но рабочие кабинеты секретарей райкома находятся в это время в поле. Николай Терентьевич Мариненко, первый секретарь Красноградского райкома КП Украины, по три-четыре дня не появляется дома, а если и появляется, то только за тем, чтобы сменить рубашку, взять несколько бутербродов, забежать в райком на заседание штаба по уборке урожая да подписать срочные бумаги.

Комбайнеры — молодые ребята, вчерашние школьники—рассказывали, что Мариненко работал вместе с ними до четырех-пяти утра. Без сна, без отдыха.

Наконец наступил момент, когда Мариненко явился к себе на работу в райком, как на праздник. Перед ним положили листки сводки. Он заглянул в окно — на улице по-прежнему бушевал ливень. Раздался телефонный звонок. Звонили из обкома:

— Как дела? Урожай как?

Мариненко, помолчав, ответил:

— Выполнили.

А вечером по дороге, ведущей к станции, я встретил колонну комбайнов. На железнодорожных путях их ожидали открытые платформы — красноградцы посылали свою технику в помощь другим районам области. Машины шли впритирку к обочине, разбрызгивая колесами грязь, подсвечивая в дождевой темноте фарами. Машины все шли и шли, соблюдая дистанцию, и обнаруживалось в этом строгом движении сходство с фронтовыми колоннами сороковых годов. Люди бросили все силы, чтобы победить в этой трудной жатве.

СЛАГАЕМЫЕ УСПЕХА

Рассказывают...

...секретарь Красноградского райкома партии **В. М. Руденко:**

— *Приехали как-то к нам американские фермеры. Привели мы их в колхоз «Красный партизан», граничащий с городом, показали все, чем богаты. Каждый из них увез с собой по горсти нашей украинской земли — для лабораторных исследований... Но разве можно в лаборатории определить долю человеческого труда, вложенного в эту землю?*

...председатель районного комитета народного контроля **М. С. Пономаренко:**

— *Меня спросили в области: останется ли на дорогах зерно? Привели факт, что одна рытина может съесть урожай пяти гектаров... Мы так подготовили дороги, что из машин в этом году ни одного зерна не выпадалось. Дороги колхозные, каждый председатель за них головой, что называется, отвечал: ежедневно осматривал, ежедневно подправлял.*

...комбайнер колхоза имени В. И. Ленина **А. В. Парахин:**

— *В этом году в нашей области стал очень популярным знак «Д-73». Если он стоит, то это означает, что машина допущена к уборке урожая 1973 года. Проверялись все комбайны без исключения. На стендах, на полигонах... И не дай бог, если во время испытания комбайна на земле оказывалось хотя бы одно зерно...*

Валерий ПОВОЛЯЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Харьковская область

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. В. СМИРНОВОЙ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Веры Васильевны Смирновой секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению, Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со славным 75-летием со дня рождения. Около полувека верно и талантливо служите вы нашей советской литературе, выступая как критик и литературовед, детский писатель и драматург, переводчик. На Вашем творческом счету — десятки книг и сотни статей, очерков, критических обзоров, написанных с партийной принципиальностью, с большим мастерством.

Особенно велики Ваши заслуги в области литературоведения. С позиции марксистско-ленинской науки Вы всегда оценивали и оцениваете литературный процесс, активно поддерживаете произведения, которые ярко и правдиво исследуют жизнь народную, воспевают подвиги человека-созидателя, строителя коммунизма, требовательно оцениваете творческий труд писателей и критиков — своих коллег.

Заслуженно получили признание Ваши критические и литературоведческие труды, широко известны, любимы читателями Ваши произведения, адресованные нашему юношеству: «Книги и судьбы», «Аркадий Гайдар», «О литературе и театре», «Современный портрет», «О детях и для детей», «Девочки», «Герои Эллады».

Много сил отдаете Вы общественной и редакторской деятельности, являясь членом общественных советов Союза писателей СССР, редакционных советов издательств, редколлегий журналов.

Ваши большие заслуги в области литературы высоко оценены партией и правительством: Вы награждены орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

От всей души желаем Вам здоровья, новых талантливых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Когда мне случилось редактировать воспоминания Веры Смирновой о Театре-студии Всеволода Мейерхольда, я не удивилась ни их взволнованной лиричности, ни легкости и уверенности мастерства рассказчика-автора. У Смирновой же я встретила мысль о том, что «каждая книга «выстрадана» автором в той или иной степени... на ней печать его личности, его пристрастий и раздумий, его отношения к миру и его мечты». Сказано о Гайдаре, но это формула, обобщение, и я отнесла бы его к полной мере и самой Вере Васильевне Смирновой. Нет у нее пока еще отдельной книги мемуаров, в которой бы выплеснулась вся большая жизнь, от Бестужевских курсов и студии режиссера-новатора до нынешних дней активно действующего советского литературного критика. Но я каждой статье, в каждом портрете писателя, написанных Смирновой, есть такое личное свидетельство, соучастие, а то и картина, образ. Пишет ли Смирнова об А. М. Горьком или К. Федине, о С. Айни или об А. Гайдаре, о С. Маршаке или о М. Исаковском, она не преминет начать с чего-то личного, увиденного или услышанного от того, о ком пишет.

Еще в 1916 году пришла в студию В. Э. Мейерхольда Вера Смирнова. Но делом ее жизни стала литература. Этим «делом» Смирнова занимается полвека, если считать началом первые публикации 24-го года. Студия Мейерхольда была еще до «Чудесных превращений одного стула», до «Заморян» и других книжек для детей и о детях. В первую в стране Комиссию по детской литературе, формировавшуюся на квартире у Горького, на Никитской, Смирнова пришла как детская писательница.

И все же Вера Смирнова — критик, театральный и литературный. Хорошо помню отличную книгу статей Веры Смирновой, вышедшую в свет в 1956 году. Она так и называлась — «О литературе и театре». Это была талантливая и умная книга. И следующий сборник — «Книги и судьбы», теплый и задушевный, не лишенный, однако, полемических страниц. Держу в руках новое издание книги Смирновой о Гайдаре, которому она посвящала статьи еще при жизни писателя. И если в аннотации сообщается о дополнениях, сделанных автором к новому изданию, этому можно верить: Смирнова взыскательна не только к другим, но прежде всего к себе.

Благородный талант критика — в расцвете. Я желаю Вере Васильевне новых «неожиданных» книг.

Лидия ФОМЕНКО

А. П. БЕЛЯУСКАСУ — 50 лет

Литовскому писателю Альфонсасу Петровичу Беляускасу исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по литовской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского писателя и общественного деятеля, с пятидесятилетием со дня рождения.

С юных лет связали Вы свою судьбу с передовыми идеями века, мужественно вступив в борьбу с фашистским сметоновским режимом в рядах подпольного комсомола Литвы. С тех пор вся Ваша жизнь посвящена защите интересов трудового народа, воспитанию молодого поколения в духе идей коммунизма.

Перо литератора-коммуниста с первых лет своей творческой деятельности Вы поставили на службу нашему общему делу — построению нового мира. Ваши романы «Улица Труда», «Цветут розы алые», «Мы еще встретимся, Вильма!», посвященные жизни литовской молодежи на сложном переломе истории, когда рушился старый строй и закладывались основы советской жизни, прочно вошли в нашу многонациональную литературу.

Ваш «Каунасский роман», переведенный на многие языки и в нашей стране, и за рубежом, стал заметным явлением в советской прозе, углубившим социально-психологический анализ современного героя и общества.

Мы знаем и ценим Вас как боевого публициста, активного литературного критика, опытного редактора и, наконец, как руководителя Литовской писательской организации — одного из боевых отрядов советской литературы.

В день Вашего юбилея горячо желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и новых творческих свершений».

■

В романах Альфонсаса Беляускаса любят и ненавидят, работают и сражаются его ровесники и соотечественники, те, чья юность совпала с Великой Отечественной войной, те, кто вырастал в боях и трудах, доказывая свое право быть человеком, достойным своего времени.

Книги Беляускаса имеют прочную, достоверную основу. Он, как и его герои, ушел на восток, в Россию, когда его родину захватили враги, был лесорубом и стал солдатом, а потом в освобожденной Литве вел ответственную комсомольскую работу и учился, овладевал сложным искусством понимания и воспитания людей. Вот почему писатель с полным на то основанием мог однажды сказать: «Моя биография — это мои книги. Если они не открывают до конца мою личность, это значит — я сделал далеко не все, что должен был сделать».

Да, люди, изображаемые Беляускасом, стали неотъемлемой частью его собственной судьбы — гражданской и творческой: он проникает в их умы и сердца, полно и убедительно обрисовывает их поведение и воссоздает душевную жизнь, определяя тем самым их гражданскую ценность и место, занимаемое в нашем обществе. В этой четкости изображения и полноте анализа, в точности психологических характеристик и остроте проблем — источник обаяния, свойственного прозе Беляускаса.

Они отнюдь не схожи — главные действующие лица его произведений, хотя принадлежат к одной и той же среде, одному и тому же поколению. Саулюс Юозайтис из книги «Мы еще встретимся, Вильма!» только готовится к большим, ответственным свершениям; он — порыв, обещание, надежда. А Витас Чепонис, выступающий в романе «Цветут розы алые», несмотря на свою молодость, уже многое имеет за плечами. Требовательный и окружающим, он строг и к себе; более того — хочет и умеет отвечать за других людей. И заметно отличен от своих сверстников Сигитас Селис, чья судьба, ставшая основной коллизией «Каунасского романа», свидетельствует о том, что и в мирной обстановке людям нужны мужество и отвага; любой нравственный компромисс может стать началом тяжких заблуждений и проступков, искупаемых только таким искренним и серьезным раскаянием, таким беспощадным осуждением своих ошибок, к какому пришел Селис.

Различными, нелегкими путями идут к истине нашего времени герои Беляускаса и, добывая ее, устремляются к новым открытиям.

Писатель вместе с ними постигая глубинный смысл их повседневных усилий, переживаний, поисков, он верен своему призванию исследователя человеческих душ, романиста, общественного деятеля.

Сделанное и добытое—обещание новых завоеваний...

И. ГРИНБЕРГ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

САХАЛИН ДАЛЕКИЙ–БЛИЗКИЙ

Мой неразлучный спутник в этой поездке — том Чехова, где напечатан знаменитый «Остров Сахалин» — книга, потрясшая когда-то всю мыслящую Россию.

«Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и поэтому в счет не идет», — писал Чехов в начале книги, исходя из тогдашних представлений. Я же перечитываю эти строки на самом «верху» этой «верхней» части острова, в нефтяной столице Сахалина — Охе, современном городе с 30-тысячным населением, куда прибыла наша группа...

Остались позади напряженные рабочие дни в областном центре. Это не оговорка: рабочие, именно рабочие. Были, конечно, и аплодисменты, и цветы, и автографы, но сейчас вспоминаются почему-то прежде всего те мгновенья, когда мы стояли с Даниилом Граниным за кулисами городского драматического театра имени Чехова перед самым началом «главного» торжественного вечера и мучительно решали сложнейшую задачу: как распределить время на следующий день, как все успеть? Программа была плотной, и все интересно. А руководитель писательского «десанта» загорелся желанием обязательно встретиться с монтажниками-энергетиками, которые в прошлом году проявили поистине чудеса героизма, в рекордные сроки возвращая к жизни линии высоковольтных передач, вышедшие из строя из-за непогоды. Этот эпизод писатель «взял на карандаш» еще утром, во время трехчасовой обстоятельной беседы участников декады с первым секретарем обкома КПСС П. А. Леоновым. И, конечно, не случайно автора «Искателей» заинтересовал именно этот материал: он ведь и сам по первой своей специальности инженер-энергетик, и многие герои его принадлежат к этой славной профессии.

...Театральный зал тем временем заполнился до отказа, люди стояли в проходах. Открыл вечер П. А. Леонов, первый секретарь обкома КПСС. С ответным словом выступил руководитель писательской делегации Д. А. Гранин. Чутко и заинтересованно принимали слушатели стихи украинца Виталия Коротича, балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой, русских поэтов Юлии Друниной и Александра Николаева (Москва), Сергея Давыдова (Ленинград), других писателей. О своей работе в кинематографе рассказал Алексей Каплер.

Встреча с героями-энергетиками — работниками управления «Сахалинэнерго» и механизированных колонн №№ 68 и 106 — состоялась на следующее утро. Это был интересный, профессиональный разговор.

В тот же день в Доме культуры «Родина» встретились с читателями Ю. Друнина, А. Каплер, В. Санги, молодые сахалинские поэты С. Завьялова и Е. Баранов, на рудоремонтном заводе побывали В. Коротич, С. Давыдов, писатели-сахалинцы Н. Максимов, И. Арбузов, О. Голубева, в институте «Сахалингражданпроект» — Д. Гранин, А. Николаев, местные литераторы А. Мандрик, В. Кольцов, О. Кузнецов, Ю. Николаев, у рабочих рыбокомбината — Г. Горышин, ответственный секретарь Сахалинской писательской организации И. Белоусов, В. Богданов, В. Матковский и другие. А утром — ранняя побудка и разъезд. Д. Гранин, Ю. Друнина, А. Каплер, А. Николаев, С. Давыдов и другие отправляются на юг, в Корсаков, наш путь — на север, в Оху.

Итак, Оха. Северный Сахалин — это совсем иной мир, чем Сахалин южный. Нас встретила тундра, покрывшаяся как раз в это утро снегом. «Живой водой» для этого сурового края оказалась нефть. И естественно, что первая обстоятельная беседа состоялась у нас в объединении «Сахалиннефть». Главный инженер объединения А. Н. Егурцов подробно рассказал об истории, о сегодняшнем дне здешних нефтепромыслов, ответил на вопросы гостей.

Во Дворце культуры нефтяников состоялся литературный вечер.

Низенький, обшитый тесом домик — и мемориальная доска на фасаде, сообщающая, что именно здесь останавливался некогда А. П. Чехов. Это уже Александровск-Сахалинский, старейший город острова и первая его столица. «Чеховская комната» музея располагает интересными экспонатами, и все это в значительной мере благодаря трудам и заботам общественного директора И. Г. Миромановa.

После короткого совещания писатели, гости Александровска, приняли единодушное решение: просить перечислить в фонд чеховского музея авторский гонорар за произведения, опубликованные во время декады в сахалинской прессе.

Новые встречи — в Углегорске, Шахтерске.

Следующий этап — возвращение в Южно-Сахалинск, встреча с бригадой, ездившей по другому, «южному» маршруту, вылет на Курилы...

Илья ФОНЯКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

САХАЛИНСКАЯ ОБЛ.
(По телефону)

«...СТРОИТЬ И ЖИТЬ ПОМОГАЕТ»

Как рождается песня, какой нужен толчок, чтобы она появилась на свет? Этот вопрос нередко задают в своих письмах читатели «ЛГ». «Разумеется, у каждой песни есть какая-то своя история, маленькая или большая,— пишет И. Александров из Омска. — Я знаю, к примеру, как создавались «Катюша», «Летят перелетные птицы», «Белая береза», «Приходите свататься», «Марш коммунистических бригад»... Но это уже известные, полюбившиеся всем песни. А как входят в жизнь новые?»

Редакция обратилась к поэту Сергею Васильеву, автору многих популярных песен, с просьбой ответить на это письмо.

«...Песня строить и жить помогает». В этом я лишний раз убедился, когда получил письмо из своего родного города Кургана. Земляки — ветераны старейшего завода «Кургансельмаш», который славен своими революционными и трудовыми традициями, сетовали, что у них нет своей песни, которая звучала бы утром по заводскому радио, исполнялась на торжественных вечерах в дни юбилеев и революционных праздников. «Напишите такую песню, — просили они. — Думаем, что у Вас есть друзья композиторы, которые создадут музыку к Вашим словам...»

Получил я письмо и задумался: как быть? Написать песню — дело не такое простое, как кажется на первый взгляд. Настоящая песня требует точности, высокой простоты и задушевности. А в данном случае еще и исторической достоверности. Конечно, я выполнил просьбу своих земляков. Не мне, автору слов, судить, как они получились, но я очень старался. Текст песни я показал своему старому другу композитору Анатолию Новикову, с которым меня связывает многолетняя творческая дружба.

Должен сказать, что с Новиковым мы написали немало песен и среди неудавшихся, «проходных», на мой счастье, родились и такие, что поются уже не одно десятилетие. Это «Слава нашей Москве», «Марш артиллерии», «Белая береза», «Подмосковье», «Приходите свататься»...

И на этот раз Анатолий Григорьевич отнесся к решению задачи с присущими ему вдумчивостью и изобретательностью.

Мы спросили народного артиста СССР, лауреата Государственных премий Анатолия Новикова, что его привлекает в поэтической манере Сергея Васильева.

— Прежде всего образность, — ответил композитор. — На стихи Васильева хочется сразу сочинить музыку. Мне нравится, как хорошо он решает в своих стихах патриотическую тему. У иных авторов встречаются строки, которые не только спеть, но и выговорить трудно. Как, например, сделать музыкальной фразу: «Трещит прогнивший строй, к гибели близясь»?

Меня устраивает ритмическая основа стиха С. Васильева. И в новой песне он нашел верные, точные слова:

Отцов сноровка деловая
в задорной юности живет.
За бурным веком поспевая,
ударно трудится завод.
И за уменье огневое,
за труд
и бравый вид
все Зауралье трудовое
родной завод благодарит.

А новая песня уже начала свою жизнь. Недавно поэт был в гостях у рабочих «Кургансельмаша» и слышал, как душевно и просто, увлеченно и весело исполняли новую песню самодеятельные артисты.

Такова история песни, родившейся по социальному заказу...

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О награждении журнала «Дальний Восток» Почетной грамотой

За плодотворную работу по пропаганде художественной литературы и коммунистическому воспитанию трудящихся наградить журнал **«Дальний Восток» Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.**

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР
М. ЯСНОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР
Х. НЕШКОВ.

МОСКВА.
3 октября 1973 года

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ГОВОРЯТ ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Несколько месяцев назад состоялся пленум правления СП СССР «Писатель и пятилетка», обсудивший важнейшую задачу, стоящую сейчас перед литературой,— правдиво и глубоко запечатлеть образ современника, его труд, его дерзания, все величие его помыслов. В выступлениях участников пленума много говорилось о необходимости увеличения количества книг, пропагандирующих наши достижения в промышленности и сельском хозяйстве. Что уже предпринято в этом направлении!

В. СОРОКИН,
главный редактор издательства «Современник»:

— Коллектив издательства с самого начала своей деятельности стремился установить действенные контакты с писательскими организациями. Наши редакторы побывали более чем в тридцати краях, областях и автономных республиках России, в частности на Дальнем Востоке и в Сибири, на Урале и Средней Волге, на Кубани и в Ставрополье, на Северном Кавказе и Орловщине. Они встречались с писателями, знакомились с их новыми рукописями и книгами.

Таким образом, издания «Современника» в какой-то степени представляют всю литературную Россию.

Недавно выпущена книга стихов Михаила Львова «Живу сегодня». Она посвящена рабочим индустриального Урала, строителям КамАЗа, с которыми неоднократно встречался поэт во время работы над книгой.

Находится в производстве поэма Майи Румянцевой «Как поэт опоздал на свидание». Она посвящена депутату Верховного Совета СССР, Герою Социалистического Труда доярке Т. Ф. Куделиной.

В 1974 году будут изданы романы А. Первенцева «Черная буря», Ю. Нагибина «Ты будешь жить», И. Падерина «На крутояре», К. Лагунова «Одержимые», Ф. Углова «Сердце хирурга». Все эти произведения посвящены нашему современнику.

Многие книги издательства раскрывают тему рабочего класса. Среди них можно отметить сборник рассказов молодого уральского писателя Николая Голдена «Стержни», сборник стихотворений Валентины Мальми «Отчизна звездных кораблей».

Теме труда посвящены и книги Владимира Мирнева «Скорый поезд» и Евгения Носова «Мост».

Можно было бы продолжать перечень произведений, отражающих советскую действительность, раскрывающих внутренний мир современника, человека-труженика, человека-созидателя, потому что уже название издательства определяет основные темы, основное направление нашей работы.

И. ДАВЫДОВ,
главный редактор издательства «Советская Россия»:

— Сравнительно недавно мы начали выпуск библиотеки «Писатель и время», но она уже приобрела широкую популярность среди читателей. Вышло в свет более пятидесяти небольших книг публицистики, авторы которых — и хорошо известные, и молодые талантливые писатели. Что характерно для нашей новой серии? Прежде всего глубокое проникновение литераторов в жизнь народа, в его повседневные заботы, экономические, социальные и нравственные проблемы, которые решаются в годы девятой пятилетки на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах.

Книги М. Шолохова, К. Симонова, М. Алексеева, В. Кожевникова, С. Залыгина, В. Закруткина, А. Калинина, Г. Радова, А. Медникова, А. Первенцева, С. Викулова, Л. Иванова, С. Крутилина, Ю. Черниченко и многих других писателей, вошедшие в библиотеку, оказывают также большую помощь в идеологической работе, в пропаганде советского образа жизни.

В издательский план на 1974 год внесены произведения Л. Леонова, Г. Маркова, Б. Полевого, С. Смирнова, Л. Татьяничевой, В. Полторацкого, Г. Коновалова, Б. Галина, Г. Ахунова, Г. Рамазанова, В. Субботина Г. Кублицкого, В. Успенского. Их книги расскажут о творческом труде московских и ленинградских машиностроителей, тюменских нефтяников, челябинских трубопрокатчиков, курских добытчиков железной руды, череповецких металлургов, башкирских нефтехимиков, камчатских геологов, чувашских строителей, ставропольских и алтайских животноводов, саратовских и татарских хлеборобов, пензенских свекловодов, о людях, самоотверженно борющихся за сохранение природных богатств... Даже этот краткий и достаточно обобщенный перечень свидетельствует об актуальности и широте проблем, которые привлекли внимание наших авторов.

Недавно Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли обсудил вопрос о ходе выпуска и распространения библиотеки «Писатель и время». Одобрив работу издательства и писательской общественности, комитет предложил расширить тематику книг, ярче показывать образ советского человека, его героический труд в борьбе за претворение в жизнь решений XXIV съезда КПСС и задач девятой пятилетки, шире привлекать ведущих писателей и публицистов, особенно из братских и автономных республик, краев и областей.

Издательство «Советская Россия» вместе с общественной редколлегией принимает меры, чтобы еще выше поднять идейный и литературный уровень книг, изучает запросы читателей. С этой целью проводятся читательские конференции. Одно из таких обсуждений недавно состоялось в Башкирской АССР. В ближайшие месяцы мы проведем такие же встречи в Москве, Ленинграде и Красноярском крае.

ХРОНИКА

Под руководством вице-президента АН СССР академика П. Н. Федосеева состоялось заседание бюро Редакционно-издательского совета АН СССР. С докладом о перспективном плане изданий классиков отечественной художественной литературы на 1976—1980 гг. выступил директор Института мировой литературы имени А. М. Горького член-корреспондент АН СССР Б. Л. Сучков. В обсуждении плана приняли участие академик А. Л. Яншин, другие ученые.

Решено продолжить выпуск академических изданий собраний сочинений А. М. Горького и Ф. М. Достоевского, а также приступить к изданию академических собраний сочинений А. П. Чехова (с 1974 года), Н. А. Некрасова, А. С. Грибоедова, Н. Г. Чернышевского и С. А. Есенина.

В связи с предстоящими юбилейными датами А. Н. Радищева, Е. А. Баратынского, Н. М. Карамзина, Н. П. Огарева, А. Л. Сумарокова, Симеона Полоцкого предполагается опубликовать произведения этих выдающихся русских писателей в серии «Литературные памятники».

■

Общественность Тувинской АССР отметила 60-летие со дня рождения и 40-летие творческой деятельности писателя С. Пюрбю. Талант одного из зачинателей тувинской литературы самобытен и многогранен. Пюрбю приобрел известность не только как прозаик, но и как поэт и драматург. Вершиной его творчества стала поэма «Чечен» — о судьбе тувинской женщины. В годы войны песня Сергея Пюрбю «В бой» стала гимном тувинских добровольцев.

За поэму «О времени и современниках» поэту присуждена Государственная премия республики. Высоко оценены пьесы писателя «Любовью надо дорожить», «Красный поток», «Испытание». Тувинскому читателю их автор известен и как талантливый переводчик произведений советской и зарубежной литературы.

За большие заслуги в развитии тувинской литературы Сергею Пюрбю первому в республике присвоено почетное звание народного писателя Тувы.

■

В Чувашской АССР завершилась Неделя белорусской литературы и искусства. Писательская группа — П. Маналь, В. Зуенок, В. Павлов, Ю. Свирко, — которую возглавлял ответственный секретарь Союза писателей БССР А. Кулановский, другие гости — композиторы А. Богатырев, П. Подновыров, народный артист СССР, председатель правления Союза композиторов БССР Г. Ширма, музыкальные коллективы — встречались с рабочими завода имени Чапаева, земледельцами колхоза «Самолет» на родине космонавта Андрияна Николаева, со строителями нового тракторного завода, гидростанции в Ново-Чебоксарске.

Участники недели были приняты первым секретарем Чувашского обкома КПСС Н. А. Вороновским.

Президиум Верховного Совета Чувашской АССР наградил Союз писателей БССР, Союз композиторов БССР, Народный хор БССР, инструментально-вокальный ансамбль «Песняры» Почетной грамотой Верховного Совета Чувашской АССР.

Неделя белорусской литературы и искусства в Чувашии содействовала еще большему сближению двух братских народов.

■

Состоялся пленум правления Союза писателей Грузии по организационным вопросам. Пленум признал целесообразным учредить вместо секретариата президиум правления. Председателем правления Союза писателей Грузии избран Г. Г. Абашидзе, первым секретарем — Т. П. Бурчидзе, секретарями — Н. В. Думбадзе, В. Д. Жгенти, И. З. Конешвили. В работе пленума приняли участие секретарь ЦК Компартии Грузии В. М. Сиradзе, заведующий Отделом культуры ЦК Компартии Грузии Н. Г. Черкезишвили.

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

Л. Н. ТОЛСТОЙ И РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

Л. Н. ТОЛСТОЙ Эскиз маслом **П. П. ТРУБЕЦКОГО.** 1909 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. М. ОЛСУФЬЕВА за роялем
Рисунок **Т. Л. ТОЛСТОЙ.** 1886 г.

В Государственном музее Л. Н. Толстого открыта выставка «Л. Н. Толстой. Живопись. Графика. Скульптура». Эта выставка — своеобразный художественный комментарий к основным этапам жизненного и творческого пути великого писателя. Рисунки, эскизы, портретные зарисовки, полотна выдающихся русских художников — И. Е. Репина, М. В. Нестерова, И. Н. Крамского, Л. О. Пастернака, П. П. Трубецкого и других, дополненные воспоминаниями, письмами, редкими рукописями, первыми изданиями сочинений, воссоздают образы Л. Н. Толстого и людей, с которыми он общался.

Л. Н. ТОЛСТОЙ в дедовском кресле
Рисунок **И. Е. РЕПИНА.** (Карандаш). 1887 г.

В экспозиции — портретная галерея предков, светского окружения и семьи Л. Н. Толстого, портреты известных писателей, ученых, художников, музыкантов, а также крестьян, учителей и воспитанников Яснополянской школы — представителей того главного «большого света», с которым Лев Николаевич был тесно связан.

В 70-е годы прошлого века в Ясную Поляну по поручению П. М. Третьякова приехал художник И. Н. Крамской, создавший первый живописный портрет писателя. Кстати, сам И. Н. Крамской тоже послужил живой натурой для писателя, явившись прообразом одного из действующих лиц романа «Анна Каренина» — художника Михайлова...

Л. Н. Толстой занял немалое место в творческой жизни другого большого русского художника — И. Е. Репина. Им выполнено более 70 натурных зарисовок Л. Н. Толстого. Эти рисунки — выразительные и разнообразные — интересны и в художественном, и в биографическом плане.

В отдельном зале собраны произведения художницы Т. Л. Толстой-Сухотиной, старшей дочери Л. Н. Толстого, которая на протяжении 30 лет вела своего рода художественную хронику жизни отца.

Выставка помогает еще полнее представить живой образ великого писателя.

ПАНОРАМА „ЛГ"

5000 РЕЦЕНЗИЙ

Двенадцать лет назад, в октябре 1961 года, скромным тиражом пятьсот экземпляров начал выходить информационный бюллетень Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы «Современная художественная литература за рубежом». И вот перед нами сотый номер теперь уже прочно вошедшего в наше литературоведение и критику информационно-реферативного журнала. Собранные вместе, эти сто книжечек представляют собой летопись художественного слова и литературно-критической мысли за рубежом в последнее десятилетие. Свыше 5000 книг зарубежных писателей и критиков почти из ста стран мира отрецензированы за эти годы.

«Современная художественная литература за рубежом» — журнал, систематически рецензирующий важнейшие явления мировой литературы и критики в таком масштабе, что это позволяет говорить о панораме литературного процесса за рубежом.

Журнал использует различные жанры — от тематических сборников и обзоров до рецензий на отдельные книги. И все же приходится признать, что самым нужным и, следовательно, самым важным жанром остается рецензия на конкретную книгу — первая информация о ее выходе и в то же время первая оценка.

Мне вспоминается случай, когда один известный американский литературовед, узнав, что в Советском Союзе в «Современной художественной литературе за рубежом» появилась рецензия на его книгу раньше, чем в Америке, обратился с просьбой выслать ему фотокопию, поскольку американские библиотеки не получают этого издания.

К сожалению, до последнего времени журнал «Современная художественная литература за рубежом» выходил недостаточным тиражом. Но с будущего года на журнал объявлена подписка во всех почтовых отделениях. Пожелаем этому ценному изданию доброго плавания в ширящемся море нашей информационной литературы.

А. НИКОЛЮКИН,
доктор филологических наук

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

Еще одна невозместимая потеря постигла наше искусство слова. От нас ушел подлинный и, как все подлинное, неповторимый мастер этого нелегкого искусства. Умер Борис Николаевич Агапов — один из славных ветеранов советской очеркистики и создателей научно-художественной литературы.

Родившийся на исходе минувшего века, в 1899 году, он весь принадлежал веку нынешнему — его историческим бурям, революционной яви и небывалой новизне. Не случайно в пору юности он пришел в литературу как поэт. Хотя во всей последующей литературной деятельности он работал над материалом, казалось бы, далеким от поэзии, повествуя в своих очерковых книгах и документальных фильмах о свершениях современной техники и путях человеческого познания, он всегда и во всем оставался поэтом. И на рубеже 20—30-х годов, в эпоху первой пятилетки, его не могла не захватить целиком волнующая атмосфера индустриального преображения страны. Сразу почувствовав в первых же «Технических рассказах» Бориса Агапова глубокое лирико-философское восприятие новой необъятной темы, Максим Горький в письме к молодому очеркисту предвосхитил его творческую судьбу. «Техника — не место для романтики? Но вещество превращается посредством включения в него человеческой энергии, а она всегда достойна похвал и удивления, достойна любви», — написал ему Горький и добавил: «...пора учиться думать о взаимоотношениях вещества и существа». Борис Агапов думал об этом упорно, вдохновенно, точно и широко. Он стал у нас зачинателем и ведущим мастером научно-художественной прозы.

Многолетний труд Бориса Николаевича на этом поприще достойно увенчала фундаментальная книга «Взбирается разум», вышедшая в свет за год до его безвременной кончины. Этой книге, полной удивления перед могуществом человеческой мысли и любви к человеку, суждена долгая жизнь.

От нас ушел не только большой писатель. Ушел истинный деятель литературы: на протяжении многих лет он был членом редколлегии «Литературной газеты», по праву возглавлял творческую организацию московских очеркистов, а в последнее десятилетие был бессменным руководителем общественной редколлегии единственного в своем роде издания — сборников «Пути в незнаемое».

Человек высокой души и глубокой принципиальности, тонкий интеллигентности и требовательной доброты — таким останется в памяти его друзей Борис Николаевич Агапов.

А. АГРАНОВСКИЙ, Н. АТАРОВ, Г. БАШКИРОВА, М. БЕЛКИНА, В. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. ВЕБЕР, Ю. ВЕРЧЕНКО, Б. ГАЛИН, А. ГОРОБОВА, Д. ДАНИН, В. ИЛЬИН, Л. КУДРЕВАТЫХ, Г. МАРКОВ, А. МЕДНИКОВ, В. ОЗЕРОВ, В. ОРЛОВ, Г. РАДОВ, С. НАРОВЧАТОВ, К. СИМОНОВ, Е. СТРОГОВА, Н. ТИХОНОВ, Т. ТЭСС, М. ШАГИНЯН, А. ШАРОВ, В. ШКЛОВСКИЙ

П. М. ТОПЕРУ — 50 лет

В связи с 50-летием со дня рождения Павла Максимовича Топера секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу, Совет по международным писательским связям направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего 50-летия шлем Вам самые сердечные поздравления и наилучшие пожелания.

Мы высоко ценим многогранность Ваших литературных и научных интересов. Современная советская литература и творчество прогрессивных писателей мира, теория художественного перевода и проблемы взаимосвязи национальных литератур — вот далеко не полный перечень тем, издавна привлекавших к себе Ваше внимание исследователя и критика. Для Ваших работ характерно стремление к широкому охвату литературного процесса, сопоставление опыта литератур, развивающихся в различных социальных условиях. Такова, например, Ваша книга «Ради жизни на земле» — опыт комплексного исследования военной темы в советской и классической русской литературе и современных западных литературах. Сравнительный анализ позволил Вам рельефно выделить новаторскую роль творчества советских писателей и международное значение опыта советской культуры.

В Вашей литературно-критической деятельности особое место занимают работы, посвященные молодой социалистической культуре ГДР. Значителен Ваш вклад в новую отрасль литературоведения — науку о переводе.

С благодарностью мы отмечаем Вашу успешную деятельность в качестве члена редколлегии журнала «Иностранная литература» и активное участие в работе общественных советов правления Союза писателей СССР. Особо нужно сказать о Вашей многолетней работе в Совете по художественному переводу, одним из руководителей которого Вы являетесь.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, кипучей энергии, новых талантливых книг, статей и исследований, дальнейших успехов в общественной деятельности».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Г. Е. ЦИРУЛИСУ — 50 лет

Латышскому писателю Гунару Ефимовичу Цирулису исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по латышской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего пятидесятилетия шлем Вам, известному латышскому прозаику, очеркисту и кинодраматургу, наш товарищеский привет и добрые пожелания.

С первых шагов своей литературной деятельности Вы постоянно находитесь на переднем крае жизни, страстно пропагандируете высокие принципы советской морали и социалистического общества.

Революционному прошлому, борцам за Советскую Латвию посвящена Ваша документальная повесть о замечательном сыне латышского народа Роберте Эйхе «На яву пришли все». О судьбе латышских эмигрантов, о потерянной ими родине, о самозабвенном труде советских людей, строящих новое общество, рассказываете Вы в своей повести «Гостья из прошлого». С интересом воспринята Ваша повесть «Не верьте в аистов», а совсем недавно — сборник Ваших избранных произведений «Якорь в сердце».

Ваша активная общественная деятельность, четкость и деловитость вызывают уважение и симпатии к Вам всех, кому приходилось с Вами работать.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья и дальнейших успехов в творческой деятельности».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

«БИРЮКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

В челябинском Дворце пионеров и школьников завершились первые уральские чтения, названные именем Владимира Павловича Бирюкова — разностороннего ученого и писателя, оставившего в наследство своему краю огромные научные ценности — книги, записи, документы, коллекции, число которых достигает многих десятков тысяч. Чтения посвящались наиболее интересным находкам, связанным с литературным краеведением, революционной историей и культурой Урала.

Доклады ответственного секретаря Челябинской областной писательской организации Александра Шмакова и заведующего отделом краеведения журнала «Уральский следопыт» Юрия Курочкина, десятки сообщений, сделанных учеными, преподавателями, вызвали оживленный обмен мнениями. Много нового узнали участники чтений из сообщений профессора А. Лазарева и Л. Большакова, краеведа, члена партии с 1917 года И. Искры, критиков и литературоведов Л. Гальцевой, М. Янко и др.

В заключение состоялось награждение лауреатов премии имени В. П. Бирюкова. Первые медали лауреатов получили Александр Шмаков, Леонид Большаков и Юрий Курочкин.

Секретариат правления и партбюро Союза писателей СССР, секретариат правления Московской писательской организации Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием сообщают о смерти после тяжелой и продолжительной болезни члена СП СССР, старейшего работника аппарата правления СП СССР, члена КПСС с 1921 года

ЕВГЕНОВА
Семена Владимировича

и выражают глубокое соболезнование родственникам и друзьям покойного.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ АШОТА ГРАШИ

Президиум правления Союза писателей Армении образовал комиссию по литературному наследию видного советского поэта Ашота Граши в составе: С. Ханзадян (председатель), З. Топчян, З. Межелантис, В. Сучков, М. Рагим, А. Аршаруни, Н. Банников, Г. Овнан, З. Мирзоян, П. Микаелян, О. Гукасян, М. Атабекян (секретарь).

После тяжелой, продолжительной болезни на 62-м году оборвалась жизнь Арифа Васильевича Сапарова. От нас ушел талантливый писатель, чьи книги пользуются неизменным успехом у самого широкого читателя.

Детство и юность Арифа Сапарова прошли в городе Луга под Ленинградом. Комсомольский активист, он принимает непосредственное участие в коллективизации села, пишет корреспонденции, злободневные очерки. С 1930 года он работает в районной газете, с 1936 года — в «Ленинградской правде». В годы Великой Отечественной войны Ариф Васильевич Сапаров — военный журналист. Он работает во фронтовой и армейской печати, в Политуправлении Ленинградского фронта. Награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, орденом Красной Звезды, многими медалями. Первая повесть Арифа Васильевича Сапарова «Дорога жизни» была посвящена героическим защитникам Ладоги. Она сразу же обратила на себя внимание критики, получила читательское признание, была в последующие годы неоднократно переиздана. «Волховские были», «Рождение мастера», «На портовых причалах» — эти выходившие одна за другой книги свидетельствовали о публицистическом даровании писателя, о его растущем мастерстве.

Наибольшую известность А. В. Сапарову принесли опубликованные в журналах «Звезда» и «Нева» повести, посвященные работе советских чекистов: «Битая карта», «Фальшивые червонцы», «Гороховая, 2», «Январь сорок второго». Эти повести еще долго будут служить делу патриотического воспитания молодежи.

Светлая память об Арифе Васильевиче Сапарове навсегда сохранится в наших сердцах.

Г. ХОЛОПОВ, В. АЗАРОВ, А. БАРТЭН, П. ЖУР, П. КОБРАКОВ, В. КУКУШКИН, Б. НИКОЛЬСКИЙ, Е. СЕРЕБРОВСКАЯ, Н. МОРОЗОВ, А. ЧЕПУРОВ, А. ЗЛЬЯШЕВИЧ

Научно-техническая революция
Человек
Литература

МАРШРУТЫ ФАНТАЗИИ

А. МИХАЙЛОВА

ДАР ВООБРАЖЕНИЯ В ЭПОХУ НТР. ОБ ЭТОМ РАССУЖДАЕТ КРИТИК, АНАЛИЗИРУЯ ЖУРНАЛЬНУЮ ПРОЗУ

«ВЕЛИКИЕ исторические задачи часто вызывали великие фантазии...» Кажется, что эти слова сказаны Лениным сегодня.

Развитое воображение в эпоху научно-технической революции становится не привилегией единиц, пусть даже множества единиц, а желательным свойством большинства членов общества — строителей коммунизма. «Фантазия, — говорил В. И. Ленин, — есть качество величайшей ценности...» Способность фантазировать нужна не только поэту. «Даже в математике, — пишет Ленин, — она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии».

Пересоздание жизни тесно связано с фактором воображения, и личность человека, обладающего фантазией или осуществляющего фантастическую задачу, вызывает законный интерес. На телеэкране воспроизводится беседа космонавта со старшеклассниками, он высказывает свои соображения о психофизическом облике советского человека, вступившего в космическую эру. И сразу у вас возникает ощущение органической отмобилизованности говорящего. Приблизительное в словах и мыслях исключается. Это профессиональная привычка к быстрой и точной реакции, порождаемая неожиданно и резко меняющейся обстановкой, когда ошибаться нельзя. Безошибочность словно входит в кровь и плоть, становится второй натурой.

В числе личных и профессиональных свойств Первого космонавта называется «природная сосредоточенность». И я, выделяя критерий из всего сказанного, нахожу ключ к противоречиям рассказа В. Потанина «Тихая вода» («Наш современник», № 4, 1972). Несоответствие заключено между природными данными героя и будущим, которое предначертал ему автор. Сын летчика, пропавшего без вести, рвется в небо и, судя по глухим намекам в финале рассказа, даже достигает космоса. Повзросление десятилетнего героя, накопление опыта происходят вне поля зрения, за пределами сюжета, знаем только, что детство было отмечено мечтой о полетах и редкостной рассеянностью («Наш Василий свою фамилию помнит по пятницам. А спроси в четверг — позабыл»).

Представление о мечтателе как о забывчивом, отрешенном от жизни человеке безнадежно устарело. Современный фантазер — это провидец, вычисляющий точную траекторию полета мечты к насущной и гуманной цели. Воздаяние за мечту было щедрым — космос! — но без оснований. Фантазии мальчика дано произвольное направление.

Не знаю, можно ли искоренить в себе рассеянность в той степени, какая допускает выбор летной профессии. Если да, то нужны доказательства, и тогда писатель воспользовался не той разновидностью прозы. В жанре рассказа художественному осмыслению подвергаются факт, эпизод, пусть ряд фактов, убедительно работающих на ключевой эпизод. Рассказ не даст постепенной перемены в характере персонажей. Они сталкиваются как готовые противоположности и нередко идут к одной цели различными путями. Или преследуют разнородные цели, если занимают взаимоисключающие идейные и нравственные позиции. Потанин поспешил доказать правду своего замысла и дал результат вместо того, чтобы показать процесс — сложное течение перестройки психофизических задатков, конфликт героя с самим собой, самовоспитание которое, как можно догадываться, имело место. Такой материал предполагал работу над повестью, может быть, романом. Требуется серьезная работа мысли, чтобы глубоко понять явления действительности, и серьезное искусство, чтобы передать то, что художник видит и хочет сказать.

«ПОВЕСТЬ - ФАНТАЗИЯ» — так обозначил жанр своей «Звучности леса» Юрий Куранов («Молодая гвардия», № 5, 1973). Весь архаически причудливый антураж в снах и грезах героя (начиная с медного самовара, похожего «на царя-императора») нацелен против реальности, какую олицетворяет «сосед с пустым помойным ведром», владелец шумного телевизора. Все вокруг, кроме этого зловещего персонажа, тонет в элегическом тумане. Исчезает лесная девушка-волшебница, хозяйка Михайловского, романтический символ красоты прячется от людей, прячется от героя, ему ее «больше никогда не придется увидеть».

Задумывая «повесть-фантазию», автор, наверное, руководствовался мыслью о скуке стандарта, о трудноуловимой красоте, разлитой вокруг, о поэзии, заключенной в человеке, в дереве, камне... Но сюжет и стилистика повели к ложному выводу: прекрасное — за семью замками, оно не дается в руки, рушится, соприкасаясь с человеком.

Писарев в статье «Промахи незрелой мысли» писал, что мечта, в разладе с действительностью, может обгонять естественный ход событий и может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий не может прийти. «Разлад разладу рознь... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтою и жизнью, тогда все обстоит благополучно».

На это соображение ссылался еще молодой Ленин («Что делать?»), сказавший — «Надо мечтать!» и, по его собственному выражению, попробовавший «спрятаться» за Писарева в своей критике «легальных марксистов», с их пропагандой «осуществимых задач» и нелегального «хвостизма», с его «близостью» к «конкретному».

Суть фантазии — в революционном преобразовании действительности, ее мера — ответственность «мечтающей личности» перед людьми.

ГЕРОЙ повести В. Тублина «Доказательства» («Звезда», № 6, 1973) «принадлежал к техническому потенциалу страны», а видел себя так: «ничем не выдающийся, чтобы не сказать невзрачный» человек.

Обыкновенность героя подчеркивается: «Игорь Александрович Сычев — это вы, и я, и наш общий сосед по коммунальной квартире, речь пойдет о самом обыкновенном человеке, о самом обычном, о тех, кого в дюжине двенадцать, ну, может быть, одиннадцать, и будь автор посмелее — он назвал бы свой рассказ **повестью об обыкновенном человеке**».

Не потому Сычев молчал, что нечего сказать. Он говорил на свой лад: к себе обращается с вопросами, требованиями, наставлениями и упреками. Себя оценивает, в себе отбирает годное и бракует ненужное. Ему за тридцать, он размышляет, и этот род его занятий заявлен с первых страниц.

Герой — эгоцентрик? Один из тех, в ком внешняя скромность скрывает раздутое самолюбие? Нет, хотя «он был горд».

Руководитель транспортной группы мастерской № 1 проектного института «Гипроград», инженер Сычев как будто должен был «чувствовать свое превосходство, хотя бы потому, что общераспространенное мнение приписывает образованию самодовлеющую ценность... Но он не чувствовал никакого превосходства...» Чем отличен, чем знаменит, «что есть в нем такое?.. Ничего в нем такого нет...»

Голос героя отчетлив и в авторском комментарии, а внутренние монологи вскрывают подпочву убеждений, обнажают принципы и ходы полемики с самим собой — с наиболее серьезным и вооруженным противником, так как противник знает все. В Сычеве есть драгоценные черты истинно свободных людей — своеобразие, непохожесть (при внешней распространенности типа), принципиальная скромность, целеустремленность. У таких людей вера в то, что выбран единственно правильный путь, не отделима от мысли об общественном долге: «Для того, чтобы быть счастливыми, мы должны быть уверены, что находимся на своем месте. А там само собой получится, что на этом месте мы будем приносить людям самую большую пользу, на какую мы способны... — ибо это будет наше место».

Повесть об обыкновенном человеке... Ждем контраста, он даст развитие заявленной простоте. И находим контраст, как в музыке, где простая мелодия вступления тенет и вновь проступает в красках движущейся темы. Сдержанной и слегка иронической интонации сопутствуют ударные ноты максимальной значимости: «Только желая невозможного, можно добиться возможного. Того же, что легко достижимо, не стоит и желать». Мечта серьезного человека не смешна, безмерность купируется самоиронией («что есть в нем такое...»), и ясная мысль питает романтическую жажду «увидеть загадку... и насладиться ею». Ирония — самозащитное средство романтики и романтизма, настроения и метода (не надо путать с бесплодием суесловной иронии в чужой адрес). Он был фантазер и философ, но «внутренняя пристойность была его уздой» Максималист, он не хотел пьедестала.

Обыкновенные романтики населяют коммунальные и (даже!) изолированные квартиры. Обыкновенные романтики — словосочетание кажется искусственным? Они есть, они влиятельны, и любит их за то, что свои земные и внеземные дела они делают без мнимозначительного вида, но с мыслью о самой большой отдаче. Жажда творить несильное добро вытекает из крупной цели. У тублинского Сычева мечта про тот «берег», от которого отплывают «корабли», и куда он ищет путь, выражена с прозаической определенностью: «насколько оправдана и необходима его жизнь, исходя из доказательств, которые могли быть представлены им на сегодняшний день». Его дерзость доходчива, а вместе с тем ему дана свобода ассоциаций. Она обогащает содержание понятий, сближает действительное с желанным.

Дар воображения накладывает отпечаток на этику и творческие пристрастия, преобразует человека в его отношении к труду. Сычев мечтает о деле, которое отразило бы человечность научно-технических, социальных, этических достижений, требовало бы универсальности и давало ей почву. Идеальна та работа, «в которой участвовали все органы чувств, а не только зрение».

Проблема свободного выбора и научно-техническая революция, какова степень свободы? «Требуется Сычев», хотел бы он прочитать однажды среди объявлений, что вывешиваются отделами кадров. Но требовались «опытные инженеры. Каковым он и являлся». В свое время он сделал неверный шаг, пошел туда, где меньше конкурс. И остался «средним инженером». Но он не один такой. Инженерное дело стало массовой профессией, и престиж профессии велик.

Тублин, не в пример Потанину, обратился к сущности, а не к внешности одной из популярных профессий.

У Сычева счет не к окружающему, а к себе. Себя винит — неправильно искал путь. Но есть и другая сторона проблемы — стремление индивидуализировать свою личность на уровне выше «среднего»: «то, что он был каплей, пережить он еще мог, но что капля была безликa...»

В частных (и честных) спорах Сычева с самим собой угадывается отзвук более широких дискуссий. Они касаются места человека и его таланта в век электронных машин.

Отталкиваясь от успешного применения ЭВМ в ряде областей современной жизни и помышляя о сплошной математизации и автоматизации, некоторые энтузиасты машинной техники только то считают достойным науки (понятие творчества они неизменно ставят в кавычки), что может быть выражено количественными, математическими знаками. Результат — вот цель, остальное — трата времени. Метод количественных исследований объявляется пригодным на все.

Подсчет безликих капель... Как быть Сычеву с его неуемной жаждой совершенства и неповторимостью переживаний, с его логикой и чувствами, образующими опыт и стимул к дальнейшим поискам? Есть области, где машина бесспорно сильнее человека, но и неверие в безграничность кибернетики законно.

Сложность проблемы вызывает у думающего человека, как у Сычева, не столько ощущение обиды, сколько ощущение вины, хоть он «вины за собой и не знал». Где-то он нащупывает одно из противоречий — односторонность знаний, узость профессии: «он получил техническое образование, сумму технологических навыков и сведений, но он был некультурен, и это причиняло ему каждодневные страдания». История и философия, литература и живопись — хлеб, без которого ему трудно прожить. Но его любознательность создала «смесь разрозненных фактов, не связанных между собой». Случайность его отрывочных знаний можно было сравнить лишь с их разнообразием. В этом трудность. Без умения проникнуть в связь явлений нельзя разобраться в корнях разногласий и сблизить точки зрения на основе взаимного понимания. Необходима гуманитаризация инженерных знаний, и необходимо приближение гуманитариев к инженерной психологии как к закономерной сути сегодняшнего и завтрашнего дня.

Спор не окончен, и не окончен путь Сычева. Согласна с Ю. Нагибиным, сравнившим Сычева — и в его пользу — с литературными героями, которым все дано заранее: мораль, цели, оценки. Такие герои расходуют имеющийся запас. А Сычев обогащается в процессе поисков. Широту кругозора в любой профессии, на любом ее уровне он рассматривает не как ступень к успеху и не как самоцель, а как условие существования в социалистическом обществе.

Стоящий человек знает напряженные искания духа. Он способен «парить на расправленных крыльях воображения», опирающегося на знания. У него руки, готовые сработать любую вещь и в каждую внести артистическую завершенность. Такой человек есть. Ему пятьдесят, он, как и Сычев, спортсмен, стрелок из лука, инженер, специалист широкого профиля, защитник блокадного Ленинграда и — «Николай Семенович, я тебя очень люблю...» (произносится, понятно, без звука).

Так кто же в этой повести об обыкновенном человеке, очень современной по характеру нравственной идеи, ее главный герой? На мой взгляд, — социальность размышления.

Жаль, что автор (возможно, убоявшись упреков в бессюжетности) увенчал дело эффектным жестом героя. Сычев не виноват. Это писатель захотел, чтобы мы понимали предложенную ситуацию как естественный шаг человека от размышления к действию. Состоялся визит Сычева к его начальнику, прагматику Задорнову, отказ в недельном отпуске для участия в мировом первенстве лучников и уход Сычева с работы. Решительный шаг, а по сути дела — тормоз на пути, хотя он и развернул свою систему взглядов весьма полно перед начальником и однокашником, которому знал цену давно (тут вовсе не хула на «начальство», за другой дверью сидел другой, любимый молодежью, руководитель Иван Макарович Вертоносов). В споре Сычев — Задорнов каждый остался «при своих», а толчок извне даже убавил самостоятельности герою — у него вышла прямая от цитаты к поступку.

Торможение сюжета здесь, а не в том, что Сычев еще не окончательно определил свой следующий жизненный шаг. В этой точке конфликта писатель не усилил, а ослабил представление о целеустремленности героя.

«ДЕЙСТВИЕ света и цвета освободительно», — писал Блок в статье «Краски и слова». Он считал, что «понимание зрительных впечатлений, уменье смотреть» — действенное оружие писателя в борьбе с абстракциями.

Повесть В. Тендрякова о первооткрытиях подростка («Весенние перевертыши» «Новый мир», № 1, 1973) обращена против прямолинейных абстракций. Она написана в защиту «зрительных впечатлений» не только художника, но и человека вообще. «Уменье смотреть» развивает воображение, подготавливает точность образного мышления. Человек, обладающий даром одухотворять обыденное, всегда будет «перевертывать», по-своему оценивать факты, добираясь до их сути, будет предлагать решения, может быть, и странные на первый взгляд, как это нередко случается в практике новаторства.

Тема этой повести — становление юного характера, но сверхзадачей писателя было утвердить доверие и уважение к духовности. Воинственность, общественный темперамент тендряковской прозы проявились в наступлении на грубость и узость чувств. Нравственность — не просто сопротивление дурному, но еще и бой против узких намерений жизни с помощью шаблонных образцов.

Кто-то из литераторов назвал «Весенние перевертыши» повестью о подрастающем поколении. Образчик приблизительной рубрики, которая ничего не говорит читателю и писателю или говорит не то. Верно, что в центре сюжета подросток, его друзья и недруги. Но под углом зрения этого писателя основой сюжета стала проблема творческого своеобразия. И еще шире — проблема идеала эпохи, где содержанием является высокое нравственное и творческое начало.

Усложняются представления о моральном авторитете современника. Кажется, глубоко современен начальник сплавной конторы инженер Тягунов, вроде бы перспективно планирует дело, внедряет новую технику. А от его абстрактного подхода к людям веет вчерашним днем. Стоит пересадить неудавшегося поэта Богатова с конторского стула на сиденье крана, думает Тягунов, и все переменится в этой нескладной судьбе: «Я тебя суну туда, где некогда будет в мечтаньях парить — шевелись давай!» При энергии и полномочиях инженера такая узость чревата опасностью. А ведь он совсем незлой человек. Не совпадают у Дюшкиного отца категории профессиональной, идейной, эмоциональной грамотности. В отношениях с людьми Тягунов-старший глуховат, тут ему нужна подсказка. Глуховат он и к внутреннему миру сына: «сын растет и растет, как у всех занятых людей».

Нравственное воспитание невозможно свести к системе запретов и поощрений (предпочтительный метод в семье Тягуновых, и не только у них). Это активный процесс восприятия опыта. Дюшка проходит школу, которая отучает его от прямолинейных решений. Его тонкая душевная структура — в интересах времени. Он альтруист по натуре, то есть умеет вообразить себя на месте другого. Для него сострадание и бескорыстное понимание — «черный хлеб души» (выражение тублинского Сычева).

Дюшка — открытая душа, чуток, пытлив, активен. Жестокосердый разрушитель Санька — откровенное зло, мешающее Дюшке «жить на свете». Умный и подтянутый Левка, каменно флированный внешне и внутренне архисовременно, дальше от Дюшки, чем от Саньки. У него, лучшего математика школы, появилось «кисленькое» отношение к решению задач, связанных с фантазированием. Кисленькая оценка собственной скорости, а дальше оскудение человека. Если исходить из мысли о единстве чувства морали и чувства современности, то Левка демонстрирует шаг в сторону от морали и современности. Ему пятнадцать, он в возрасте, когда математик либо убедительно заявляет о своей незаурядности, либо уже готовится перейти на рельсы легкодостижимого. Оценим приземленность как затаившееся зло в наш век образцов интеллектуального героизма. Левка — тезка, а в проекции и двойник Льва Григорьевича Задорнова из тублинских «Доказательств».

Левка силен в математике, Дюшка был с ней не в ладах. Зато Дюшка «умеет видеть, чего никто не видит». Однажды он увидел, что математика связует, казалось бы, несвязуемые вещи. Неожиданное лицо отвлеченной науки захватило воображение, и мальчик научился молниеносно решать трудные задачи в уме. Поэтическое чувство мощнее рассудочности, хотя дар поэзии и нечаянный дар.

Каков потенциал человека, такова и будущая отдача. Широта, действенность прямодушие — задатки главного тендряковского персонажа. Это качества людей посвятивших себя борьбе за идеалы человечества.

Сегодня — дети, завтра — народ. Даже у писателей-фантастов философский интерес к поведению человека в необычных условиях начинает преобладать над замкнутым интересом к описанию научно-технической специфики этих условий. Тот, кто описывает радикальные перемены в сегодняшнем реальном дне, тем более обязан точно и глубоко мотивировать побудительные причины и результаты человеческих действий.

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

ПОЭЗИЯ РАБОЧИХ ДНЕЙ

ПУТЬ к каждой новой книге у Михаила Луконина непрост, даже медлителен, потому что для него она — сама жизнь. Стихи откладываются на сердце, как годичные кольца на стволе сосны.— рельефно, создавая еще большую прочность, откладываются навсегда. Они входят в состав его жизни. В состав его души. Отсюда и большие промежутки между каждой новой книгой. Поэт возвращает жизни своей поэзией все, что она ему дала, — и годы испытаний на разрыв, и радость дружбы, и горечь потерь, и суровую необходимость правды.

Стихи для него не проходят, их гражданственный смысл не меняется: память сердца, память о друзьях, оставшихся навсегда лежать на льду, в его поэзии величина постоянная, вот почему она действует всегда, пусть в иных словах, в ином звучании, в иной, чем прежде, выразительности.

Вот почему и в новой книге Михаил Луконин верен себе прежнему, тому, молодому, написавшему поэмы «Рабочий день» и «Признание в любви». Он как бы приглашает в сегодняшний день всех своих друзей, все, что любил, что защищал когда-то с оружием в руках. Потому что главное для него — необходимость истины. Необходимость его родных Быковых хуторов. Необходимость Волги. Он не возвращается в память, он просто ее несет в себе, и, может быть, самая главная для него необходимость в духовном смысле — неуклонная необходимость верности. Истоки продолжаются в движении большой реки:

«Завод мой, я возвращусь. Я дома — в поэзии этих рабочих дней». — определяет М. Луконин свое мироощущение. Рабочая юность поэта неотделима от сегодняшнего дня, потому что и работа на заводе, и поэтическая работа — для него все то же творчество. Не оттого ли поэт так проникновенно чувствует необходимость благодарности?!

Завод мой.
Как мне тебя не помнить.
Тяжелые, в стальной синеве.
Маслом пахнущие ладони
Меня погладили по голове.

Этой рабочей юностью, как и юностью фронтовой, поэт проверяет себя постоянно на верность и правду. Без этих двух мощных нравственных излучений, может быть, и не было бы сегодняшнего Луконина как поэта, чувствующего свою гражданственную ответственность перед павшими товарищами, перед временем, перед страной, перед миром. Вот почему в его поэзии живут, волнуются и мужественно проявляются и недавняя боль Вьетнама, и сердце Пабло Неруды, отданное чилийской революции, и рабочие рассветы над заводами Волгограда, и спокойные дали Волги, и тревога за беззащитное сердце дочурки.

Биография рабочего паренька, воина и поэта стала биографией его поэзии. Боль за погибших сверстников — это и боль страны, и его личная боль. Он их не окликает поименно. Он их не дает запечатлеть в стихах обелисках:

...Товарищи,
Братья по жарким боям
и морозным привалам
(«И вас вспоминаю»)

Это память святая. И чем подробней она, чем постоянней — тем правдивей и значительней, потому поэт имеет внутреннее право говорить от имени поколения:

Ногами застывшими
мы в реки вошли ледяные.
Обмотками нашими
Забинтовали мы раны
земные.
(Там же)

Вчитайтесь: «обмотками нашими забинтовали мы раны земные», вчувствуйтесь в масштабность гражданственности солдата, совершившего величайший подвиг во имя всей земли, — и вы поймете мужественную скорбь сердца, испытанного «на разрыв».

Поэт нам не просто напоминает о вчерашнем — он память свою воспевает в стихах как сегодняшнюю правду людей. Потому что войны проходят, а мужество остается, испытания находят свой предел — и остается верность.

Вот почему Михаил Луконин и назвал книгу таким непреклонным словом — «Необходимость». Необходимость, то есть самая главная насущность, самое главное постоянство помнящего и верящего сердца. Необходимость памяти и необходимость завтрашнего дня, необходимость мужества и мира. Таково определяющее настроение этой книги.

И когда поэт говорит, что его сердцу, его жизни нужны «необходимость возраста и срока», нужны навсегда, нужны ежеминутно, чтобы: любить и верить, «как неизбежность и неотвратимость — необходимость завтрашнего дня», — понимаешь, что это и есть мужество опыта. Мудрость, доставшаяся в испытаниях. Все связано у поэта этой жаждой в единое диалектическое целое:

В кружевье заколдованного круга
ты нам глоток податливой воды —
необходимость недруга
и друга,
необходимость счастья
и беды.

Здесь и уверенность надежды, и суровое мужское жизнелюбие, и воспламеняющее ожидание грядущего. Человек должен жить так, чтобы у него было много необходимостей, потому что, по Луконину, каждая необходимость — это долг перед павшими, и живущими, и теми, кто еще будет жить...

«Смеюсь над мельтешением наивным, вздыхаю о товарищах своих, они звучат во мне неслышным гимном, смотрю на вас, а думаю о них» («А жизнь сверх меры...»).

Это право совершенного подвига — требовать от нас, людей сегодняшнего дня, высоты и цельности.

И поэт каждою строкою утверждает, что жизнь — необходимость и песни, и испытаний.

Необходимость становится жаждой жизни во имя счастья всех.

Здесь следует вспомнить, что слово «необходимость» впервые прозвучало в поэме «Обугленная граница», поэме, посвященной героическому сердцу Вьетнама:

Слушайте, люди.
Эхо разбуженной бури —
Не ответреться —
бей в барабаны и гонги,
Где бы ты ни жил.

Такая поэзия — это поэзия интернационального товарищества, поэзия, открытая для жизни, для всего, что свершается во всем мире. Это торжественная поэзия, опирающаяся на гражданственный опыт поэзии Владимира Маяковского.

В изломанном, как линия фронтового окопа, рисунке стиха, в неукротимой жажде завтрашнего дня, выраженной звучным, подчиняющимся движению переживания стихе Михаила Луконина, запечатлена душа нашего современника, душа поэта, которому нужны все необходимости нашего времени, весь большой мир.

Это самые главные жизненные необходимости сердца, открытого радости мужества.

Владимир ЦЫБИН

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. А. НИКУЛИНУ — 75 лет

Исполнилось 75 лет Михаилу Андреевичу Никулину. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с семидесятипятилетием. Ваши повести «В просторном мире», «На холмах Самбека», «В степи», «Погожая осень», «На переправах», «Звезды нужны живым» и другие заслужили любовь и признание юных и взрослых читателей. Это для писателя самая высокая награда. Герои Ваших произведений — люди отважные, деятельные, которые могут служить и служат высоким примером для подражания. От всего сердца желаем Вам здоровья и новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

З. К. ШИШОВОЙ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Зинаиды Константиновны Шишовой секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем. Ваши произведения, посвященные знаменательным историческим событиям, стали любимым чтением наших детей и юношества. Вы проявили себя также талантливым переводчиком, сделавшим достоянием юных читателей произведения литовских, молдавских, эстонских мастеров литературы. От всей души желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника А. Виноградова к роману Степана Злобина «Степан Разин». Издательство «Художественная литература»

Михаил ЛУКОНИН: сборник «НЕОБХОДИМОСТЬ»

■

Наби ХАЗРИ: «МОРЕ НАЧИНАЕТСЯ С ВЕРШИН», «СТИХИ И ПОЭМЫ»

СОЛНЕЧНЫЙ ДОЖДЬ

Я ВЫНЕС эти слова — название одного из стихотворений Наби Хазри — в заголовок потому, что вся его поэзия, от небольшого пейзажного наброска до эпического полотна поэм, от мимолетной лирической ноты до полифонического полнозвучия философских раздумий, вся она — словно солнечный дождь. Она звенит и сверкает искристыми каплями.

Пронизанная солнцем капля дождя — казалось бы, что может быть проще? Но в этой капле отражается мир. А что бывает сложнее? Так и поэзия Наби Хазри — в одно и то же время простая и сложная, разнообразная и цельная, единая в своем существе, многогранная в своих проявлениях.

За четверть века работы в литературе им написано более тридцати книг стихов и поэм, которые издавались на родном ему азербайджанском языке, в переводах на русский и другие языки народов нашей страны. Выходили на польском, болгарском, чешском, английском, французском, фарси, монгольском, турецком. Это ли не признание высоких достоинств его поэзии, ее созвучности мыслям, чувствам и настроениям самых разных читателей! В чем же секрет такой широкой популярности его стиха?

Страница за страницей я перелистываю сборники Наби Хазри «Море начинается с вершин» («Советский писатель», М. 1971) и «Стихи и поэмы» (Азербайджанское государственное издательство. Баку. 1971), ищу ответ на этот вопрос.

Главная причина такой широкой популярности поэта — глубокая человечность, проникновенность и искренность его творчества. Сердцу Хазри свойственна широкая гамма чувств, переживаний, мыслей и настроений, которая находит живой отклик у тысяч его читателей. Чего бы ни касалось перо Хазри, к какой бы теме он ни обращался, стих его взволнован, честен и в высокой мере поэтичен.

Трудно ограничить поэзию Хазри какими-то жанровыми рамками. В равной степени подвластны ему тонкая любовная лирика и пейзажная зарисовка, философское раздумье и гражданский пафос. Все эти начала органически сливаются воедино, существуют в целостном поэтическом образе.

Стих Наби Хазри отличается удивительной легкостью, прозрачностью, изяществом и завершенностью. Читая его стихи, я каждый раз убеждаюсь, что не декларация, не красивая фраза, а выражение своего отношения к творчеству заключено в этих словах Хазри

Поэзия!
Ты не игра,
Ты — подвиг.
Пускай смеется
Надо мною тот,
Кто славой незаслуженною
Поднят, —
Он все равно
Однажды упадет.
Года
С него,
Как оперенье,
Сбросят
Всю суету
Поверхностных страстей,
И каждый стих,
Как гражданина, спросят —
Что сделал он для Родины
своей?

(Перевел А. ПЕРЕДРЕЕВ)

Этому высшему из призваний Наби Хазри остается верен всегда — и там, где в стихах раскрывает благородство и красоту простых человеческих чувств, и в поэме «Если покинешь...», где повествует о глубокой трагедии человека, лишенного Родины, и в «Сумгаитских страницах» — этом вдохновенном гимне нашей жизни, героическим деяниям нашего народа.

Поэмы Наби Хазри — это целый мир образов, мыслей, эмоций. Здесь и сюжетная поэма «Если покинешь...», и поэма-монолог «Два Хазара», лирическое излияние «Мать», эпические поэмы «Скорбь Физули», «Горы мои — горе мое...». Однако при всем своем разнообразии они обладают каким-то прочным внутренним единством. Не только потому, что написаны одной талантливой рукой. Их единство в той богатой традициями национальной почве, из которой эти поэмы выросли, — в азербайджанском народном творчестве, в классическом наследии народа. Эта преемственность ощущается во всем, что создано Наби Хазри, и само новаторство его поэзии произрастает на той благодатной почве.

В огромном обилии тем, которые наполняют собой поэзию Наби Хазри, особое место принадлежит теме дружбы и братства советских народов. Она звучит и в отдельных стихах, и в поэмах, она пронизывает все его творчество. Какой любовью к России, к российским просторам дышат, к примеру, его стихи «Сибирь в моем сердце», как глубоко раскрывается интернациональная тема в поэме «Сумгаитские страницы»!

Наш город взрастили
рабочие руки
Кавказа и Крыма, Урала,
Сибири.
Он рос в неустанном труде
и накале.
Он рос, обгоняя столетья
за годы.
И если б его «Сумгаит»
не назвали,
Назвали бы Городом
Дружбы народы.

(Перевел В. СЕРГЕЕВ)

Стихи, включенные в сборники, — это высокая апология труда, его поэтизация, так же как и поэма «Сестра солнца».

Многие стихи Наби Хазри исполняются на родине поэта как народные песни. Может ли быть признание выше и слава завидней этой! Глубоко народные по духу и фразе, музыкальные в самом своем существе, они стали одной из вершин современной азербайджанской поэзии.

Произведениям Наби Хазри свойственна высокая поэтическая культура. Она слагается из многих и многих компонентов, которые существуют в органическом сплаве его стиха. Мне хочется закончить эти заметки стихами Наби Хазри, в которых выражено художественное кредо автора:

Ты же знаешь, что главное
для поэта:
коли надобно — сердце свое
расплавь
и отдай его людям,
коль надобно это.

Только люди способны нам
жизнь продлить,
вопреки всем напастям
и всем невзгодам.
Никогда не умрет, будет
вечно жить
тот, кто радость и горе
делит с народом.

(Перевел Е. ЕЛИСЕЕВ)

Рамз БАБАДЖАН

ТАШКЕНТ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Иван БАУКОВ

Константин ВАНШЕНКИН

Леонид ЖАРИКОВ

Иван МЕЛЕЖ

Мануил СЕМЕНОВ

Юрий ЯКОВЛЕВ

ЖИВОЕ СЛОВО И КАНОНЫ ХРЕСТОМАТИЙ

А. ЧУДАКОВ

РОДНАЯ РЕЧЬ В ШКОЛЬНЫХ КНИГАХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

...богатство языка есть богатство мыслей... он служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленные науки.

Н. КАРАМЗИН

С ПЕРВЫХ ЖЕ страниц нынешних книжек «Родная речь» для начальной школы видно, что щедрее всего отпущено в них места статьям познавательным — про первый снег, про птичьи кормушки, о том, как зимуют белки, дятлы, как содержат зимой коров на ферме, каковы приметы весны и т. д. Книги приспособлены к календарю: в сентябре — октябре дети читают об осени, в мае — о лете. К календарным присоединяются, по возможности, прочие сведения — про маму, про дружбу, про армию (в феврале), про октябрят, про 1 Мая, про космос. Так же построены и белорусские, и украинские учебные книги.

Не будем обсуждать сейчас, *хорошо или дурно* такое традиционно-календарное расположение. Очень может быть, что оно наиболее рационально и удобно; его защитник сказал бы, что временное расположение книжного материала связывается в сознании ребенка с движением жизни за пределами книжно-школьного мира наиболее естественно.

Но несомненно и то, что если учебная книга особо посвящена обучению родной речи, а не естествознанию и географии, то забота о слове должна звучать в ней слышнее всего остального.

Как же учат эти хрестоматии родному слову?

Говоря о познавательном материале в них, мы не случайно назвали тексты, его содержащие, статьями. Это не беседы, не истории, а именно статьи — и прежде всего потому, что они написаны соответствующим языком. Нет, тут не тяжелый, сложный язык. С этим все обстоит как следует: фразы короткие, слова понятные, громоздких периодов нету.

«В комнате тепло, тихо. Шторы на окне неплотно закрыты. Леня спит. Его старшая сестра Зина тоже спит. А мама уже встала. Встала и хлопочет на кухне, готовит завтрак» (1-й класс).

«Настала зима. Земля накрылася снегам. Холад і голад пагражае насякомым і дзікім жывёлам, бо не усе яны могуць спакойну сабе здабываць. Што ж ратуе іх ад гібелі? Сон. Паглядзім, хто як спіць у халодную пару» («Роднае слова», 1-й класс).

«Наступила зима. Ребята перестали ходить в лес. Все кругом — и поля, и леса — засыпал снег. Посреди белого поля виднелась одна только береза. Ее ветви обледенели, покрылись инеем. И когда утром вставало солнце, береза казалась нежно-розовой, будто нарисованной тонкой кистью на синем фоне морозного неба» (2-й класс).

Как видим, есть даже сравнения. Нельзя сказать, что и синтаксис чересчур уж сух и сложен — используются и инверсии, и вопросы, и вольная «детская» парцелляция: «Не сами выросли — их люди посеяли. А как? Вот как.. Вспахали колхозники землю плугами. Большие плуги, тяжелые». Обильно — очевидно, для усиления общей эмоциональности повествования — употребляются уменьшительные суффиксы

«Полил землю дождик. Зернышки в земле набухли и проросли. Каждое зерно пустило в землю корешок, а наверх — зеленый росточек. Из ростков выросла зеленая травка, а потом стебельки и на них колосья» («Как хлеб растет», 1-й класс).

И все же — почему так бескровно, неживо? Может, только таким языком и получается сообщать детям положительные, или, как сказали бы теперь, позитивные, сведения?

Но прочтем такой текст:

«Магнит находят в земле с железной рудой. Там, где есть магнит в руде, и железо самое лучшее. Из себя магнит похож на железо.. Если одну магнитную палочку разрубить пополам, то опять каждая половинка будет с одной стороны цепляться, а с другой отворачиваться. И еще разрубби — то же будет... одинакие концы будут отворачиваться, разные цепляться, как будто с одного конца магнит выпирает, а с другого втягивает. И как его ни разломи, все с одного конца он будет выпирать, а с другого втягивать. Все равно, как еловую шишку, где ни разломи, все будет с одного конца пупом, а с другого чашечной. С того ли, с другого ли конца, — чашечка с пупом сойдется, а пуп с пупом и чашечка с чашечной не сойдутся».

Тон серьезный, ничто не «уменьшено», простота — не специально «детская», а идущая от ясности мысли и представления. Автор этого описания — Л. Толстой. В его «Второй русской книге для чтения» оно так и называется: «Магнит. Описание». Оно, несомненно, памятно читателям старшего поколения, ибо входило раньше во все хрестоматии. Мы нарочно выбрали из этой книги такой текст, а не рассказ, не басню и не сказку.

Есть еще менее благодарная тема для создания хорошего текста для детей: поучение. Всем знакомы печатные советы школьникам: как беречь зрение, зубы, сохранять правильную осанку и т. п. Есть они и в наших учебниках (особенно увлекаются ими авторы белорусских книг для чтения). И вот как об этом же в одной фразе сказал Ушинский: «Зубы береги; беззубому, брат, плохо». Этой фразой когда-то восхищался Маршак. В чем ее прелесть? Может быть, в обращении «брат», дающем ей ту дружелюбную интимность и теплоту, которая устанавливает короткость и равенство между автором и читателем? И дидактика почему-то незаметна — а ведь она есть здесь, и весьма решительная.

Толстовское описание для детей хорошо. Не будем повторять — «на то он и Толстой», а постараемся приглядеться, каким языком оно сделано и в чем язык этот отличен от языка «Родной речи».

Раньше всего видно, что оно близко к разговорной речи — словарем, синтаксисом, общей удобопонятностью, — близко к речевому опыту ребенка, пока еще целиком известному. Но вместе с тем оно не идет у него на поводу и ничего не упрощает по сути, вводя достаточно сложные понятия. Затем, в «Описании» сведены стилистически очень разные слова. «Железная руда» и «цепляться», «намагнитить» и «ходила вольно», «компас» и «пуп с чашечкой». Описание не принадлежит какому-либо одному стилю. В нем есть и просторечные слова, и слова звучащие для ребенка как специальные термины. Короче, оно использует богатства национальной речи во всем их объеме, исходя исключительно из задач наибольшей выразительности «в нужном месте».

Язык текстов из «Родной речи» отличается от толстовского прежде всего ориентацией на некую довольно строгую норму.

Толстовское описание черпает из живого общенародного языка в его целом, очерки из наших учебников опираются только на один его стиль. Это стиль книжной, нейтральной, литературной речи. Гладкий, четкий, «правильный». И никакие инверсии не сделают его другим, ибо он книжный по всему своему строю, самой своей сути. В нем нет той непринужденной живости, той простодушной непредуготовленности, с которою является слово в живорожденной народной речи или под пером писателя — любимца ее.

Что вынесет дитя из статьи о зиме? В лучшем случае некоторое количество фактов. В слове статьи нет ничего сверх того, что заключено в его основном значении.

То, что выражено живым, «разностильным» словом в рассказах Толстого и Ушинского, народной речью пословиц, можно передать и на другом языке. Но — с большими потерями. И передать человеку взрослому, апеллируя к его абстрактному мышлению и его жизненному опыту. Малому ребенку же сложные моральные максимы, такие высокие понятия, как «родина», объяснить пока невозможно никаким другим способом, как только в живом слове — не абстрактном, нейтральном, а именно живом, аккумулировавшем духовность народа и щедро возвращающем ее новым поколениям.

Не хотелось бы, чтоб нас поняли так, будто мы вообще против усвоения в школе литературно-книжного языка. К нему ребенок должен быть приобщен, ибо это язык науки, техники, философии (мечталось бы только, чтоб школьный научный язык был, при всей простоте, строгим — без «травки» и «дернышек»). Весь вопрос только в том — можно ли с него начинать?

Когда ребенок вырастет, книжное слово будет звучать ему с утра по радио, глядеть на него с газетной страницы, обступит его на работе, прозвучит вечером с экрана телевизора. И не известно, сколько раз в день, неделю, месяц ему придется слышать живую речь — живую не потому, что ее произносят, а по тому, насколько связана она с вековой народной речью. Но даже если он слышит ее и даже (предположим) понимает теперь ее ценность и красоту — все уже поздно, если он не впитал ее сызмальства. Он до конца дней своих будет ощущать ее как экзотическую, не свою. Утерянное в раннем детстве не восполнится никогда — и к слову это приложимо более, нежели к чему иному.

Есть еще одна большая опасность, если при обучении малолетних отдавать предпочтение книжному языку. Как показали еще Гумбольдт и Потебня, язык есть средство формирования мышления. Книжная речь в несравненно большей степени, чем живая, пользуется готовыми сочетаниями слов и целых фраз. И если ребенок приучается говорить только готовыми «блоками», то сколь пагубно влияет это на образование у него нетривиального способа мышления и правильных понятий о том, что значит мыслить!

Замечательный педагог, знаток и ревнитель русской речи В. И. Чернышев остерегал: «Учитель всегда должен иметь в виду, что, изучая книжный язык, он вводит детей в отвлеченную темную, до некоторой степени мертвую область, где очень трудно работать, где всегда есть опасность нахватать в свежую детскую память, вместо новых живых образов и мыслей, кучи слов и фраз».

ЕСТЬ ДВА источника живой родной речи. Первый — образцовые наши писатели.

Среди авторов статей, очерков, рассказов опасно много места занимают журналисты, очеркисты, натуралисты. При всем уважении к фенологическим познаниям Г. Скребицкого, несколько удивительно все же, что текстов из его сочинений в первых больше, чем из Л. Толстого, К. Ушинского, С. Аксакова, М. Пришвина, В. Даля, вместе взятых. Обучение русской речи буквально идет по Скребицкому. Между тем язык его очерков (отрывок о зиме принадлежит ему) никак нельзя назвать образцовым. Не годятся с этой точки зрения для начальной детской хрестоматии и помещенные там произведения О. Бедарева, Н. Павловой, В. Морозова, Н. Туричина, М. Артюховой, Л. Кон, Э. Шима, Я. Тайца, Н. Богданова, многие безымянные тексты.

Но — возразят нам — Толстой и Ушинский не писали о космосе и содержании коров на колхозной ферме, а писать об этом нужно, и что ж делать, ежели не у всех получается?

Пусть так. Но отчего же так свободно включаются в хрестоматии сказки современных авторов, например Н. Дудочкина или В. Росина, столь далекие от живой речи и литературы?

Второй незаменимый источник живой народной речи — фольклор. По сравнению с прежними годами в теперешних хрестоматиях находим некоторые перемены. В них немало пословиц, есть даже народные календарные приметы.

Но пословицы эти слишком часто невыразительны и пресны — видимо, они тоже, как и прочие тексты, подбираются исключительно по содержанию, а их речевое обличье вовсе не берется в расчет. Меньше, чем в учебниках 40—50-х годов, псевдопословиц, но они еще есть: «Скромность каждому к лицу» (2-й класс), «Тот колхоз богат, в котором лад», «Дружно за мир стоять — войны (вой не! — А. Ч.) не бывать», «Лучше даецца чалавеку для добрых спраў» (1-й класс). Не надо выдавать это за пословицы — дети хорошо чувствуют всякую искусственность, в том числе и словесную. Почти нет поговорок — очевидно, отпугивает отсутствие в них прямой морали. Правда, в «Родной речи» в 4-м классе они даются сразу — списком (в статье о поговорках). То есть предлагается их изучать. Какое уж тут свободное владение идиоматикой родной речи!

Нет считаюсь. Из всех букварей скороговорки есть только в белорусском. Я думаю, ничего страшного не было б, если бы и веселые дразнилки (вроде тех, что сочинил К. Чуковский) ребенок слышал не только на улице. Существует недопустимый разрыв между реченым игровым обиходом детей и школой. Отчасти он сокращается внеклассным чтением. Но ребенок вправе сделать очень неприятный для школы вывод: скороговорки, прибаутки — это в школе «нельзя».

МАТЕРИАЛ статей, очерков, рассказов и даже пословиц не рассматривается в хрестоматиях как пригодный для того, чтобы обратить внимание ребенка на собственно слово, поразмыслить над словом, ощутить, почувствовать его. Но, быть может, это делается на материале, который сам напрашивается на такую работу-игру, — на материале поэзии?

Делается. Примерно таким образом. Как только в стихотворении появится выражение вроде: «весне и горя мало», «подняли трезвон», «с нею солнце краше и весна милей», — ученика уже ждет вопрос: «Как вы понимаете это выражение?» или «Как сказать по-другому?». В самом деле, как сказать по-другому «весне и горя мало»?

Вред от таких вопросов очень большой. Ребенок постепенно привыкает, что все мало-мальски выбивающееся за стилистическую нейтральность нужно «переводить» и «настоящий» язык — именно этот, на который переводится, а тот, немного необычный, — какое-то украшение, почти чудачество, нечто необязательное, без чего можно обойтись. Для того чтобы образное выражение стало для ребенка естественным, он должен почувствовать, что оно — единственно возможное, что если сказать «по-другому», то это будет не только другое слово, но иная мысль, иное чувство, иная картина.

Каков же сам отбор стихов в действующих детских хрестоматиях?

Оставим сейчас в стороне стихи просто плохие. Об этом уж много писалось.

Хорошо, что в новых хрестоматиях детям вернули Маикова, Плещеева, Сурикова. Дети должны знать те стихи, которые учили в свое время их дедушки и даже прадедушки («Вот моя деревня...»), прикоснуться к тем же реалиям, хоть в слабой степени ощутить ту же атмосферу. Может быть, именно в этом залог устойчивости психики ребенка в нынешнем слишком быстро меняющемся мире.

К этим традиционно-хрестоматийным именам добавлены некоторые новые — например И. Бунин. Больше стало Некрасова, Исаковского, Твардовского.

Но позволено будет предположить, что в начальном обучении никак нельзя обойти «игровое» слово. Именно на такое слово ориентировался создатель советской детской поэзии К. Чуковский.

Это слово не представлено в хрестоматиях совсем. В них нет ни одной строки Чуковского. Нет стихотворных шутон Маршака и Хармса. Нету стихотворений, написанных самими ребятами. Получилась очень странная картина — игровое, «гнутое» слово ребенок видит только в книге, читаемой оне школы.

В хрестоматиях нет былин, нет вообще никаких текстов старше девятнадцатого века. Старое слово как бы не существует вообще. Очевидно, считается, что и с былинами, и с отрывками из летописей, и с произведениями Ломоносова школьник познакомится «в свое время» — в пятом, шестом, восьмом классах. Почему ему нужно ждать так долго? Здесь мы упираемся в одно из главных препятствий на пути речевого воспитания — в вопрос о «понятности».

НА ОДНОМ из заседаний комиссии по вопросам преподавания художественной литературы в школе при Союзе писателей СССР большинство ораторов никак не могли взять в толк, почему в хрестоматии (обсуждалась книга для второго класса) перепечатываются тексты Л. Толстого, урезаются стихи Пушкина. Недоумение справедливое.

В самом деле, зачем в рассказе Толстого слово «платье» переменять на слово «одежда»? Очевидно, из-за боязни, что современные дети не поймут, что имеется в виду не женское платье. Но ведь когда-то им нужно узнать, что раньше так говорилось? Или, по мысли составителей, с этим тоже можно обождать? По давней традиции тютчевское стихотворение «Весенняя гроза» («Люблю грозу в начале мая...») печатается без последней строфы:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок
с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Почему? Опять же из-за опаски, что ученик 4-го класса не в состоянии понять, о чем здесь идет речь. Нужды нет, что усекновение это разрушает стихотворение, цельность эстетического впечатления, не дает возможности детям познакомиться с одним из чудес русского поэтического слова — знаменитым эпитетом «громокипящий».

Дети понимают гораздо больше, чем мы думаем. Новейшие психологические и лингвистические исследования детской речи отодвинули границы восприятия связной речи к самому раннему младенчеству. Многое дитя понимает «по-своему». То же, что оно еще не в состоянии осмыслить до конца, оседает в пассивный фонд его речевой памяти и когда-нибудь будет востребовано. Но для этого нужно, чтобы этот фонд был.

Итак, все упирается в вопрос: когда начинать? С какого времени школьника можно приобщать к живому слову, слову игровому, поэтическому?

Ответ может быть только один: с самого начала. С букваря.

В своей первой книге ребенок должен увидеть не стерилизованную, упрощенную речь, а слово живое, естественное, в том виде, в каком оно звучало в фольклоре или вышло из-под пера мастеров.

Сейчас создается экспериментальный букварь, основанный на новых принципах обучения чтению. Дети не будут по три месяца складывать «У Шуры шары», «Мама мыла Лару» и «Наш малыш мил». С первых уроков уже идут тексты. Есть хорошая возможность по-новому подойти и к самому подбору этих текстов. Например, замечательной загадке Маршака о пиле («ела, ела дуб, доломала зуб, зуб») место, конечно, в букваре, а не в учебнике для 4-го класса.

Я убежден, что уже в первом классе нужно давать «Конька-Горбунка» и басни Крылова, во втором — былины и исторические песни; что в четвертом классе вместо стертых фраз о Пушкине дать отрывок из П. Анненкова, из воспоминаний С. Аксакова о Гоголе. Еще раньше можно давать пушкинское описание встречи его с Державиным на лицейском экзамене; в том же четвертом классе вполне можно читать лесковского «Левшу». И во всех классах — подлинные, а не адаптированные тексты.

В нынешней школе уже с первого класса вводятся элементы алгебры, нет арифметики, а есть математика, усложняются биология, география. Ветер перемен, однако, еще не коснулся преподавания литературы и языка. Но если школа сейчас стремится отойти от пассивного усвоения и прежде всего ставит задачу развития самого мышления, то что же поможет в этом больше, чем родное слово?

Отечественная традиция преподавания родной речи, на которую опирается и современная школа, сложилась в прошлом веке. Тогда школа была островком литературной речи в море местных диалектов. Совершенно естественно, что преподавание ориентировалось прежде всего на книжно-литературную норму, приобщить к которой было его первой задачей. Теперь ситуация в корне изменилась. Почти не осталось «нетронутых» диалектов. Уже большая часть детей живет в стерилизованной речевой среде города. И ныне прежде всего школа должна нести детям живой язык. И если она этого не сделает, за нее этого не сделает никто.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

С. И. ГРАХОВСКОМУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по белорусской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного белорусского поэта и прозаика, с шестидесятилетием.

За годы своего более чем сорокалетнего творческого

труда Вы обогатили советскую литературу многими талантливыми произведениями. Ваши книги поэзии «У синих криниц», «Высота», «Колокола» широко известны читателям нашей страны.

Высоко оценена и Ваша документальная повесть «Рудобельская республика», в которой Вы воскресили одну из ярчайших страниц революционной борьбы белорусского народа.

Значителен Ваш вклад в дело воспитания наших детей, для которых Вы написали много стихов и сказок, перевели на белорусский язык произведения А. Гайдара, Жюля Верна, Р. Тагора и многих других советских и зарубежных писателей.

Свое шестидесятилетие Вы встречаете в расцвете творческих сил, и мы желаем Вам доброго здоровья, счастья, дальнейших творческих успехов».

А. Н. ШАЛАРЬ — 50 лет

Молдавской писательнице Ариадне Николаевне Шаларь исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму:

«Сердечно поздравляем Вас, талантливую молдавскую писательницу, со знаменательной датой в Вашей жизни.

Ваши рассказы и повести, а также роман «Траянов вал», вышедший в русском переводе накануне Вашего юбилея, знакомят всесоюзного читателя с яркими характерами и судьбами тружеников молдавского села — наших героических современников.

Любовь и признательность читателей принесли Вам замечательные книги о нашей детворе и юношестве.

Желаем Вам доброго здо-

ровья, счастья, новых творческих радостей».

* * *

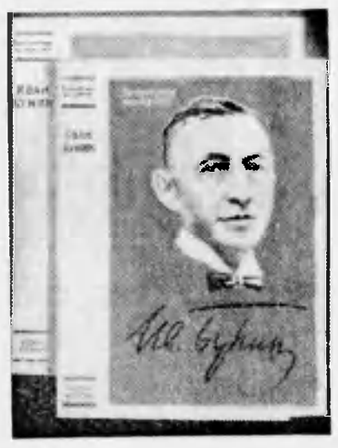
«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ЗАМЕТКИ О 84 м ТОМЕ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

ГОРЕСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СЧАСТЛИВЫМИ ОТКРЫТИЯМИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ БУНИН

Ф. ЧАПЧАХОВ



ВСЕ более смело и настойчиво обращается наше литературоведение к изучению писателей, творчество которых до недавнего времени значилось как малоисследованные области на историко-литературной карте. Целью этой весьма необходимой работы выступает стремление с позиций передовой, подлинно научной методологии глубоко и всесторонне разобраться в сложностях и противоречиях этих писателей.

Показательна судьба наследия Ивана Бунина в современном литературоведении. Его серьезное научное изучение началось сравнительно недавно, однако сделано уже немало. Выход в свет первого представительного советского собрания сочинений писателя, появление ряда содержательных работ, рассматривающих важные аспекты его человеческой и художнической биографии, публикации забытых и неизвестных произведений — все это знаменовало коренной перелом в отношении к Бунину, решительный пересмотр бытовавшей долгое время односторонней и несправедливой оценки его творчества и открывало новый этап изучения его наследия.

Исследователям жизни и творчества Бунина приходилось сталкиваться со значительными трудностями. Едва ли не главной трудностью была неполнота, ограниченность сведений о некоторых периодах биографии художника, недоступность широкому кругу литературоведов многих важных материалов, обогащавших и углублявших представление о специфических особенностях творческого пути большого русского писателя. Остро ощущалась необходимость в издании, в котором были бы собраны и систематизированы малоизвестные, а то и вовсе ранее не известные материалы: художественные произведения, статьи, наброски, заметки, записи, письма, мемуары, затерянные в периодике и в сборниках, давно уже ставших библиографической редкостью, разбросанные по различным архивам. Работой над таким изданием и был занят в течение последних лет коллектив литературоведов. Итогом этой работы стал состоящий из двух внушительных по объему и содержанию книг 84-й, «бунинский» том «Литературного наследства» (издательство «Наука», М., 1973. Редакторы тома А. Дубовиков и С. Макашин. Непосредственное участие в редактировании тома принимала Т. Динесман).

Как явствует из редакционного предисловия, составители преследовали две главные цели: 1) Расширить ранее известный фонд творческих и биографических источников изучения Бунина; 2) Исторически осмыслить место писателя в русской литературе и продолжить, при помощи новых материалов, исследование некоторых других вопросов, в первую очередь художественного метода и мастерства писателя». Эти сформулированные в привычной академической манере задачи решаются не по-академически живо и увлеченно и тогда, когда «слово предоставляется» самому Бунину и мемуаристам — родным и близким писателя, и тогда, когда в разговор вступают авторы статей, сообщений и обзоров.

ГОВОРЯ о наиболее примечательных особенностях «бунинского» тома «Литературного наследства», я назвал бы его «демократичность» — качество, отнюдь не умаляющее научных достоинств академического издания. Большинство из опубликованного на его страницах, по моему глубокому убеждению, способно вызвать неподдельный интерес не только у специалиста, но и у «просто» читателя, горячо любящего родную литературу, интересующегося ее славной историей.

Благодаря энтузиазму и кропотливой работе таких пропагандистов бунинского творчества, как А. Баборенко, покойный В. Афанасьев, А. Дубовиков, Т. Динесман, Н. Смирнов, Л. Афонин, А. Логвинов, И. Газер, и других в результате обстоятельного обследования ряда советских архивов, русской и зарубежной периодики, а также прижизненных изданий Бунина удалось выявить немало ярких и своеобразных произведений самых различных жанров.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ творчества Бунина не раз обращали внимание на многостороннее изображение в его произведениях дореволюционной русской жизни, на удивительное многообразие выведенных народных характеров, на емкость и психологическую глубину жизненных зарисовок, колоритных, исполненных глубинного смысла сцен. И среди новых публикаций выделяются превосходные миниатюры: «Сокол», «Русь града взыскующая», «Сон пресвятые богородицы», «Модест» — своего рода дополнение к вошедшим в поздние сборники Бунина коротким рассказам. Неоднократно отмечавшиеся зоркость и цепкость художнического глаза, поразительное умение несколькими точными штрихами наглядно обозначить неповторимо индивидуальное и типическое в портрете и здесь предстают со всей очевидностью.

Для понимания своеобразия творческого метода Бунина много дают и другие публикации. Надо полагать, что отныне литературоведы при характеристике антибуржуазной направленности бунинского реализма наряду с такими шедеврами, как «Господин из Сан-Франциско», «Братья», «Генрих», «Чистый понедельник», будут обращаться и к подробному анализу весьма выразительных рассказов «Когда я впервые...», «Ривьера» или «Крем Леодор».

Особую группу составляют рассказы и очерки ранних лет. Известно, что Бунин порой чрезмерно строго и взыскательно относился к произведениям, написанным в начале творческого пути, и не включал их в собрания сочинений и отдельные сборники. Между тем среди ранних произведений немало ценного и сегодня представляющего несомненный интерес. Трудно не согласиться со старейшим советским писателем Н. Соколовым-Микитовым — автором помещенного в томе прочувствованного «Слова о Бунине», назвавшим опубликованные юношеские рассказы «замечательными» на том основании, что в них «так сжато, точно и верно описана природа, изображены люди» и «уже чувствуется ритм речи зрелого писателя Бунина». Справедливость этого мнения может быть подтверждена хотя бы знакомством с рассказами и очерками «Шаман» и Мотька», «Судоржный», «Помещик Воргольский». Помимо отмеченных Н. Соколовым-Микитовым их, так сказать, «автономных» достоинств, они интересны и тем, что здесь мы видим зарождение мотивов и образов, которым суждено было во всю художественную мощь зазвучать в произведениях зрелого Бунина, в какой-то мере можем судить о жизненных и литературных истоках и «Деревни», и «Суходола».

КЛЮЧИ, питавшие творчество Бунина, пробивались из глубинных пластов народной жизни. Через всю свою долгую творческую деятельность писатель пронес трудную и мучительную любовь к России, осложненную сословно-классовыми предрассудками, трагическим непониманием исторического смысла великих социальных свершений родного народа. Ряд важных материалов, включенных в том «Литературного наследства», предоставляет широкие возможности для того, чтобы судить о жизненных, литературных, исторических и культурных источниках, питавших неизменный пытливый интерес писателя к родной стране и народу. Немало ценных свидетельств содержат мемуары и брата писателя, Е. Бунина «Расковки далекой темной старины», рассказывающие о детстве писателя, и Л. Женжурист, повествующие о полтавском периоде жизни Бунина, и особенно его жены и верной помощницы В. Бониной «Беседы с памятью». Из воспоминаний Г. Кузнецовой «Из Грасского дневника» и Н. Кодрянской «Встречи с Буниным» явствует, что и на чужбине единственным творческим стимулом для писателя были воспоминания о Родине.

Пристальный и неизменный интерес к родному народу питался не только жизненными впечатлениями и наблюдениями, но и глубокими и фундаментальными знаниями его истории, его быта, обрядов, поверий, его прекрасного устного творчества. Естественны поэтому темы «Бунин и русская история», «Бунин и русский фольклор», которые явственно звучат в публикациях «Литературного наследства». В различных ракурсах темы эти освещаются и в обстоятельной, насыщенной многими фактами статье Э. Померанцевой «Фольклор в прозе Бунина», и в интересном сообщении Н. Смирнова «Русская древность и фольклор в поэзии Бунина». Да и сам писатель не раз свидетельствует о живительной связи своего творчества с родной историей, с могучей стихией русского фольклора. Об этом красноречиво говорят и очерки из цикла «Странствия», и рассказ «Железная шерсть», и пометы и выписки из «Песен, собранных П. В. Киреевским», «Памятников народного творчества Олонецкой губернии» Е. Барсова, из которых видно, с каким вниманием относился Бунин к этим классическим фольклорным собраниям.

БОЛЬШОЙ раздел, который составляют критические статьи, рассказы, обзоры, отзывы, интервью, значительно обогащает наше представление об эстетических взглядах Бунина. Исследователи разыскали около тридцати неизвестных и забытых выступлений Бунина-критика, помеченных 1888—1916 гг. Первое, что бросается в глаза при знакомстве с этими выступлениями, — ясно выраженные демократические тенденции, последовательная и ревностная защита завоеваний и традиций русского реализма. Уже в юности, публикуя первые свои опыты в «Орловском вестнике», Бунин был твердо убежден в том, что «поэзия везде, где есть жизнь», что «поэт такой же член общества, как и все». В ранних своих выступлениях молодой писатель пылко говорит о высоком назначении литературы, с большим сочувствием отзывается о творчестве писателей-демократов Некрасова и Шевченко, Николая Успенского и Левитова.

Верность заветам и традициям русской литературы определяла стойкость и неизменность позиции Бунина в его отношении к декадансу. Эта позиция с предельной ясностью выражена и в программном выступлении писателя — впервые публикуемом в советское время полном тексте речи на юбилее «Русских ведомостей», и в чрезвычайно важном документе — отзыве на книги С. Городецкого, который почетный академик Бунин дал по поручению Академии наук. Главную опасность модернизма Бунин усматривал в его воинствующем стремлении уничтожить «драгоценнейшие черты русской литературы: глубину, серьезность, простоту, непосредственность, благородство, прямоту», в его попытках насадить и культивировать «вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый». И ранние книги С. Городецкого, впоследствии видного советского поэта, сумевшего решительно преодолеть декадентские влияния, вызывают гнев Бунина прежде всего потому, что в них он видит типичные образцы столь ненавистной ему «новой поэзии», «опошлившей русский стих, доводящей его до пустозвонства или ухабистой прозы и называющей эту прозу «вольным стихом», искажающей и насилующей русский язык, превратившей слово «стихи» в посмешище, в синоним тарабарщины...» Бескомпромиссность и твердость в отстаивании всего того лучшего, что накопила русская литература за всю свою историю, — в этом, очевидно, один из наиболее ценных уроков Бунина.

БУНИН в высокой степени был наделен тем драгоценным качеством, присущим каждому большому русскому писателю, которое еще Достоевский определил как «всечеловечность». Любовь к родной стране не застилала весь мир, не препятствовала жгучему интересу к другим странам и народам. Этот интерес выражался и в переводах, когда объектом внимания выступали не только признанные корифеи мировой литературы, но и малоизвестные писатели и фольклорные произведения, и в пересказе народных легенд, и в очерках и статьях, повествующих о жизни, быте и культуре иных народов. Из многочисленных произведений такого рода, широко представленных в томе, хотелось бы особенно выделить перевод стихотворения писателя-демократа В. Чайченко (Б. Гринченко), статью «Памяти Т. Г. Шевченко», ранний очерк «По Днепру», «Псальму про сироту», записанную Буниным в ту пору, когда он «усердно учился, писал, ездил и ходил по Малороссии», и легшую в основу прекрасного рассказа «Лирник Родион». Все это красноречивые свидетельства глубокого интереса писателя к украинской культуре, языку, литературе, народному творчеству, усвоенные еще в молодости и пронесенные через всю жизнь.

Об этом же внимании и уважении к другим народам говорят и переводы трогательных и бесхитростных песен казанских татар, и детски наивные, порой искрящиеся умной народной усмешкой «Провансальские пересказы», и очерк «В стране пращуров», как бы предвосхищающий экзотические реалии «Братьев». Словом, исследователям Бунина прибавилось материала для рассмотрения связей творчества писателя с культурой разных стран и народов.

НЕМАЛО ВАЖНЫЕ проблемы, связанные с исследованием творческих истории ряда произведений писателя, особенностей его блестящего мастерства, также углубленно освещаются в томе. Литературоведы получают новую серию автобиографических заметок и записей, автокомментариев к некоторым рассказам. Уже делаются успешные попытки постичь секреты мастерства художника, проникнуть в его творческую лабораторию. Сошлюсь для примера на опубликованную во второй книге насыщенную важными фактами и ценными наблюдениями статью Л. Крутиковой «В мире художественных исканий Бунина (Как создавались рассказы 1911—1916 гг.)», на статью Т. Динесман «По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина», на интереснейшее сообщение Л. Афонина «О происхождении рассказа «Неизвестный друг», приоткрывающее завесу над той «магией», в силу которой житейский факт поднимается до высот искусства.

НАШЕМУ литературоведению всегда были чужды стремление к идеализации того или иного художника, пресловутая лакировка его творчества, наведение на него «хрестоматийного глянца». И в «бунинском» томе «Литературного наследства» ясно и четко выражено стремление редакторов и авторов статей, сообщений, комментариев глубоко раскрыть смысл кричащих противоречий, которые раздирали творчество Бунина, в полный голос сказать не только о сильных, но и о слабых сторонах мировоззрения и художественного метода писателя. Верная, подлинно научная тенденция эта отчетливо прочерчивается и в редакционном введении, и в предпосланной тому общей статье О. Михайлова, и в статьях А. Нинова и Э. Полоцкой, рассматривающих взаимоотношения Бунина, и Горького, и Чехова, и в предисловиях и примечаниях к отдельным публикациям.

Никоим образом не амнистируя те произведения Бунина, реакционный смысл которых очевиден, мы берем из его богатого и многогранного наследства все лучшее и ценное, что находит свое место в том прочном фундаменте, на котором основывается наша социалистическая культура. А этого подлинно ценного в творчестве Бунина немало. Лишь часть его вошла в том «Литературного наследства». Хочется надеяться, что в не столь уж отдаленном будущем не замедлят появиться новые солидные публикации неизвестные произведений выдающегося русского писателя. О том, какие богатства, не доступные еще широкому кругу литературоведов и любителям литературы, таят крупнейшие наши хранилища, говорит хотя бы опубликованный в томе внушительный сводный обзор бунинских фондов в архивах Советского Союза.

Еще на заре советской литературы А. М. Горький не раз советовал молодым писателям учиться у классиков, в том числе у Бунина. Уроки Бунина — это не только филигранное мастерство, не только потрясающая сила пластического изображения. Это любовь к родной земле, к родному слову, к родной культуре. Немаловажный смысл этих уроков раскрывается и в ряде публикаций и статей «бунинского» тома «Литературного наследства».

НА ЛИСТКЕ, ПОБЛЕКШЕМ ОТ ВРЕМЕНИ...

ЕСТЬ нечто непреодолимо влекущее в журнальных и газетных рубриках — «Поиски и находки», «Из неопубликованного и забытого», «Литературный следопыт»... Нечто таинственно-притягательное в заглавиях с манящим словом «тайна» (о, неужели же раскроют?!), «Новое о...», «Неизвестное о...». Любое блюдо можно приправить этим пикантным соусом — и человек с восторгом и волнением будет вчитываться в строки затерянной среди ненужных бумаг записки Достоевского (хотя далеко не досконально изучил объемистый четырехтомник его писем) или лить слезы умиления над листком, пожелтевшим от времени, хранящим оброненную Чеховым фразу (хотя книгу «Чехов в воспоминаниях современников», быть может, в руках не держал, да и не возьмет никогда).

Вот и сам я с волнением раскрыл журнал «Радуга» (№ 3, 1973) на 144-й странице, где начинается рассказ о забытом письме Гоголя. Правда, довольно скоро убеждаешься, что речь в статье Я. Малкина (или в «заметках литературного следопыта», как аттестует жанр редакция) идет не столько о самом письме, сколько о личности выдающегося врача начала XIX века И. Е. Дядьковского. Но это так понятно — сетования Гоголя Погодину на свою болезнь, гнев против полтавских докторов, решение призвать на помощь Дядьковского и выражение величайшей признательности выдающемуся врачу, конечно же, требуют развернутого комментария к письму, счастливо обнаруженному «следопытом» в «Русском архиве» за 1866 год, и с того времени, как он сам утверждает, «нигде более не публиковавшемуся».

Вот только одно смутило меня — неужто составители собрания писем Гоголя ничего не знали о нем? Возьмем-ка десятый том Полного собрания сочинений. Ну, так и есть — письмо Погодину от 20 июля 1832 г. стоит на своем месте. А вот и более раннее издание писем Гоголя, 1901 года. И там письмо Погодину также присутствует.

«Ах, какая небрежность! Приятно, конечно, читать «Русский архив», но как же не предположить, что это доступное издание могут знать и другие», — думал я, раскрывая страницу комментариев. Однако что же это получается? Оказывается, письмо Гоголя Погодину впервые напечатано еще самим адресатом в журнале «Москвитянин» за 1855 год? Посмотрим, не воспроизведено ли оно в первом издании писем Гоголя в 1857 году. Ну, так и есть. Неужто же редактор «Русского архива» Бартенев оказался столь небрежен, что перепечатал уже опубликованное? Листаю комплект «Русского архива» за 1866 год — нет, никакого письма М. П. Погодину нет и в помине. Зато есть несколько писем И. И. Дмитриеву, знаменитому в свое время поэту и видному государственному деятелю.

Откуда же брал наш «следопыт» текст гоголевского письма? Автографом он не располагал, места публикации не знает. Уж не из Полного ли собрания сочинений Гоголя, где комментарий к письму Погодину (№ 142) так близко соседствует с комментарием к письму Дмитриеву (№ 143), что второпях можно их и перепутать!

Но цель-то, цель «следопыта» какова? Уж не мистифицировал ли он сотрудников доверчивого журнала? Или пагубная страсть прослыть первооткрывателем победила чувство элементарной научной добросовестности?

А модификации этой страсти так разнообразны!

Берешь, например, одну из центральных газет — и глаз останавливается невольно на заголовке: «Стихи Льва Толстого». «Не каждый, пожалуй, знает, что автор «Войны и мира», «Анны Карениной»... был не только великим прозаиком, но и... оригинальным поэтом»,— читаешь с изумлением.

Что произошло? Не собирается ли автор статьи А. Подольский совершить переворот в науке? Ведь до сих пор было хорошо известно, что Толстой — противник стихотворной формы вообще, что он советовал всем, кто присылал ему на отзыв стихи, бросить заниматься этим пустым делом, означающим «неуважение к слову». Но, может, А. Подольский разыскал документы, позволяющие опровергнуть это мнение? Может, он располагает неопубликованной новой поэмой Толстого или, на худой конец, десятком стихотворений, подтверждающих пристрастие Льва Толстого к стихотворному жанру?

Из дальнейшего выясняется, что А. Подольский действительно располагает «уникальным документом» — собственным старым блокнотом. «На «Толстовских чтениях», — сообщает Подольский, — мне довелось однажды слышать любопытное сообщение Валентина Федоровича Булгакова, секретаря Толстого. Темой своего исследования он избрал малоизвестную грань творчества Толстого — поэзию». Сведения, полученные много лет назад в устной беседе с Булгаковым и занесенные второпях в блокнот, автор заметки и решил наконец предать гласности.

Не совсем ясно, правда, почему А. Подольскому пришло в голову воспользоваться для популяризации изысканий В. Булгакова своим старым блокнотом, а не книгой Булгакова «О Толстом» (куда и вошло в более полном виде все, что «довелось» как-то слышать автору).

Это, по крайней мере, оберегло бы А. Подольского от утверждения, что Л. Толстой был оригинальным поэтом (ибо ничего подобного Булгаков, разумеется, и не утверждает). А Лев Толстой слишком велик, чтобы нуждаться в запоздалых похвалах своему «стихотворчеству», к которому сам относился иронически.

Но и забытые письма Гоголя, и неизвестная страница поэзии Льва Толстого — все это, конечно, меркнет перед такой сенсацией, как «Тайна X главы «Евгения Онегина». Отдыхая в этом году в одном из санаториев неподалеку от Рузы, я так и впился в этот манящий заголовок, развернув газету «Красное знамя». Статья профессора М. Артамонова публиковалась, как увлекательный детективный рассказ, в трех номерах подряд, обеспечив, должно быть, районной газете небывалый спрос.

Одна из глав статьи профессора Артамонова содержала гневный упрек пушкинистам, которые продолжали хранить удивительное, коварное, ничем не объяснимое молчание по поводу уникальной находки — X главы пушкинского «Евгения Онегина». А между тем еще в 1956 году был опубликован Н. В. Гуторовым в Ученых записках Белорусского университета этот чудом сохранившийся текст.

Пушкинисты не обратили на находку никакого внимания. Только профессор Д. Благой зло и остроумно высмеял в «Новом мире» открытие Гуторова, показав все комичные несообразности текста предполагаемой пушкинской главы, и смехотворность методологии публикатора, и его курьезное невежество. Однако через десять лет обнаружился другой текст X главы — несколькими строфами отличающийся от «белорусского списка». «Руаскую копию» десятой главы (примем терминологию профессора Артамонова) напечатали в газете «Красное знамя». Начались оживленные обсуждения текста. Через год поэт Ю. Леднев подвел итог этим спорам, заявив, что находка «весьма ценная» и что лично ему, Ю. Ледневу, не хочется не верить, что только Александр Сергеевич мог написать такие прекрасные слова:

Пылал Рылеев ярче славы —
Мой брат по песням, по борьбе,
А может быть, и по судьбе...
(Кто мне простит такие главы?!)

(Заметим в скобках, что литературоведческой эрудицией поэт Ю. Леднев по должности может и не обладать — никогда Пушкин не мог бы назвать Рылеева «братом по борьбе», — но толика поэтического вкуса по званию поэта ему бы не повредила.)

Победное шествие X главы продолжалось. Писатель Л. Шерешевский размышлял над ее строками в горьковской газете «Ленинская смена» (13 июня 1971 года), мечтал о том, «как славно» было бы, если бы это был Пушкин; в уральской газете «Знамя» (6 июня 1972 года) краевед Коровин убеждал, что подделкой текст быть не может, потому что «достаточно вчитаться в строки предполагаемой десятой главы, чтобы сразу же отпала мысль, что ее мог выполнить ради шутки какой-нибудь фальсификатор прошлого века или нашего времени».

Но все эти аргументы «за» и «против» решил поставить на научную основу профессор математики Артамонов. «Я убежден, что X главу «Евгения Онегина» ни один поэт прошлого и настоящего не может подделать под Пушкина так, чтобы методами современной математики нельзя было отличить фальсификатора...» — утверждает он. И вот, применив методы «современной математики», М. Артамонов пришел к выводу, что «рузский список» является подлинным пушкинским текстом, лишь искаженным при многократной переписке», и потребовал от пушкинистов его «дальнейшего изучения». Пушкинисты не обратили на требования профессора ни малейшего внимания, и Артамонов очень на них обиделся: подумать только, они игнорируют выводы машины! Поскольку пушкинисты, по-видимому, и не вступят в спор с профессором Артамоновым, я рискну высказать свое дилетантское предположение о причинах загадочного молчания. Хороший историк литературы отличается от счетной машины именно тем, что может судить о принадлежности Пушкину, скажем, строк:

Вскочив на трон
отца-напрала,
Он долго корчил либерала
И будто выполнить решил
Все, что Лагарп ему
внушил,

не на основании количества гласных, согласных и «выразительных средств», как действовала артамоновская машина, но руководствуясь профессиональным чувством пушкинской строки (скажем так). И если машина «научно» докажет, что стихи

Союз монархов европейских,
В своих надеждах
полицейских,
Чуть где подошвы приложит,
На наше воинство клал
расчет,

— принадлежат Пушкину, то пушкинисты все же предпочтут остаться с Пушкиным «подлинным», а не «машинным». И будут правы. «Это не научное возражение», — можно предвидеть строгий окрик. Разумеется, не научное. Но ведь и вопрос о X главе «Онегина» — вовсе не научный вопрос. Если здесь и есть научная проблема — так не для литературоведов, а для психологов: как получилось, что «жажда» уверовать в чудо воскресения сожженной главы оказалась сильнее и науки, и логики, и здравого смысла? Что эта жажда литературного чуда, открытия заставила ряд газет перепечатать более чем сомнительный текст, а людей серьезных — заняться его исследованием?

Но в литературоведении — как и во всем ином — значение имеет лишь истина. И, как бы ни была она на первый взгляд скучна, ей должны быть принесены в жертву самые эффектные, но сомнительные домыслы.

В. ВАРВАРИН

МЕМУАРЫ

Павел ЛУКНИЦКИЙ

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЛАВРЕНЕВА

Воспоминания о Б. Лавреневе писатель П. Лукницкий завершил незадолго до смерти. Сегодня мы предлагаем читателям фрагмент из них.

В САМОМ лучшем, в самом точном значении слова Борис Лавренев был романтиком, человеком, увлеченным светлою романтическою мечтою. И он всегда любил море — свободную взволнованную стихию и чистых душою, страстных покоряющих ее тружеников. Любил, вероятно, потому, что родился и детство свое провел у моря.

На заре нашей долгой, никогда ничем не омраченной дружбы (а началась она в 1921 году в Ташкенте, куда он был направлен Фурмановым после тяжелого ранения на фронте) Лавренев писал стихи, стихи о морских ветрах, кораблях и «дымных зорях»; стихи, по его собственному признанию, были плохие, и он вскоре навсегда бросил писать их. Расцвет таланта, удача, исключительный и быстрый успех ожидали его на других путях литературной деятельности — в прозе, в драматургии.

Но романтиком, влюбленным в море, в рожденные морем и воспитанные морем человеческие характеры, Лавренев на всю свою жизнь остался...

То многое и прекрасное, что написано Лавреневым о моряках, стало большой, любимой миллионами читателей, неувядающей драматургией.

Жизнь, однако, сложилась так, что, поселившись после Отечественной войны в Москве, Лавренев все реже бывал у моря: все чаще подводило утраченное здоровье.

Я навещал его на расположенной в лесу в близком соседстве от меня даче. Иногда заставал его за мольбертом — он рисовал акварелью корабли и морские пейзажи, он великолепно мастерил из дерева и всякого подручного материала модели миноносцев и тральщиков, ботиков, шаланд, шхун... И, беседуя со мною, он этих своих отдохновенных занятий не прерывал.

За этим делом он все глубже проникал в новый свой замысел, который родился в его мозгу без всякого волевого нажима.

Роман созревал быстро и сам по себе легко складывался в слова, главы, части, формируемый только всегдашней романтической мечтою писателя. Лавренева обступали десятки новых друзей, созданных неутомимой его фантазией, людей, которые будут жить, переходя живыми из поколения в поколение, когда его самого, создателя их, уже не будет. Ради этого стоило мобилизовать все свои духовные силы, вооруженные, как всегда, неиссякаемым оптимизмом, верой в несомненную творческую победу... Лавренев теперь хорошо знал, что писать он будет только о флоте — широков полотно, охватывающее огромный период: от 1914 года до наших дней. Вложит в это любовно выпестованное вдохновенное (конечно же, самое лучшее!) произведение весь свой талант, всю вольную свою душу.

Этот роман уже имел название: «Возвращение на Итаку». К концу 1958 года он был почти готов — нет, точнее, совсем готов. Оставалось только сесть за машинку и записать его — одним духом — от первой строки до последней, как это бывало всегда...

В то утро, 7 января 1958 года, на пороге осуществления своей главной мечты — вернуться и морю хотя бы этим новым, полностью сложившимся в голове романом — Борис Лавренев, написав на машинке первые полторы страницы его, на полчаса вышел из дому и внезапно, упав перед дверью в фойе Союза писателей на Софийской набережной, умер...

Но если бы, умирая, он мог знать, какая еще предстоит ему вторая жизнь, как осуществляются его романтические мечты о море и о дальних плаваниях! Скажи ему кто-нибудь о том при жизни его, он, пожалуй, и не поверил бы, потому что осуществление такой самой заветной, самой затаенной мечты представилось бы ему несбыточным...

ЧЕРЕЗ несколько лет — сначала на Волге, а потом и в разных дальних точках нашей планеты — начались дружеские встречи старых друзей и соратников Лавренева, писателей Бориса Горбатова, Александра Фадеева, Алексея Толстого, Самуила Маршака, Максима Горького... Двое из них, оказавшись в гуще боевых действий, даже были ранены — несколько раз раненный получил Самуил Маршак, четыре ранения получил Борис Лавренев.

И единственно, что я должен сделать сейчас, чтобы рассеять недоумение читателей, — это поставить все названные мною имена в навычки, потому что, говоря сейчас о второй жизни этих писателей, я имею в виду теплоходы, именами перечисленных писателей названные, — прежде всего название волжского теплохода танкерного флота «Борис Лавренев», на котором по приглашению экипажа мне довелось совершить рейс по Волге в составе маленькой делегации; я говорю о великолепном океанском теплоходе-сухогрузе, построенном по советскому заказу польскими судостроителями на Гданьской верфи имени В. И. Ленина, приписанном к порту Одесса.

Я доволен, что мне пришла в голову мысль хлопотать о присвоении имени Лавренева большому океанскому теплоходу, мысль, поддержанная друзьями и почитателями Лавренева и претворенная в дело правительством Украинской ССР, на территории которой родился и в годы гражданской войны сражался в рядах Красной Армии артиллерист Борис Лавренев.

Если бы хоть один рейс мог совершить на таком теплоходе сам Борис Андреевич Лавренев!

Но развернувшаяся во всей своей огромной значительности негаданная, неведомая ему, несущая пользу великому множеству людей во всем мире, поистине полная романтики вторая его жизнь такова, что при всей своей богатой фантазии, при всем таланте выдумывателя острых сюжетов этой нынешней, второй своей, вполне реальной жизни он даже и представить себе не мог.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Анатолий СОФРОНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

■

Каждый год все трудней и опасней,
И почти уже нет никого...
Воскрешение памяти — праздник,
Я сегодня отмечу его.
Я отмечу его небывало;
И, запрятав с бумагами грусть,
Я пройду по ростовским кварталам,
Дому каждому поклонюсь.
Поклонюсь старикам двухэтажным,
Тем, которые скоро на снос.
Постою, посмотрю я на каждый
И припомню, как в каждом жилось.
В них без лифтов мы вверх поднимались,
Без особых удобств и красот;
В них любили, встречались, прощались
И стояли вдвоем у ворот.
У ворот, у скрипучих калиток,
Что легли, как в пути рубежи...
И не будут на это в обиде
Наши новые этажи.
Пусть они с высоты небывалой
Смотрят сверху, как смотрит звезда
На старинные наши кварталы,
Что уходят уже навсегда.
Поклонюсь тополям светлокорым,
Тихим кленам еще поклонюсь...
И от этих прощаний нескорых
Я не так уже скоро очнусь.
Да и надо ли мне торопиться,
Если август еще не минул,
Если белого цвета страницы
Белым парусом я не свернул?
Память — это, как клятва, навечно,
Желтым пламенем жалит и жжет...
Потому и живет бесконечность,
Что в ней долгая память живет.

■

Пока живешь и сердце бьется,
Пока ты видишь, что вокруг, —
Тебе все так же, все неймется,
Вокруг тебя все тот же круг.
Донской излучины свеченье,
И негасимый лунный свет,
И даже, кажется, мученья,
Как в двадцать лет, как в сорок лет.
Ах, мудрость — жизни бесконечность,
Многоступенчатость ее,
И даже, кажется, беспечность,
Когда в пределе бытие.
Не надо строгости во взгляде,
Не надо мрака в тишине.
Пусть будет все, как на параде,
Как в первый раз пришло ко мне.
Все было то же, то же, то же;
Все было так, как до меня.
И даже то, что не тревожит,
Струной далекою звеня.
Недаром — нет! — совсем недаром
Я припадаю к дням былым —
Как будто по веленьям старым
Плачу я прошлому калым.
Плачу, но — памяти и чувствам,
Которым — нет! — не умирать,
И бесконечному искусству
Все роли заново играть.
Нет, не играть! Игра — забава,
А для забавы нет минут.
И для любви, как и для славы,
Нас в небо сполохи зовут!
...Как переулки, вьется память —
Готов у каждого стоять,
Смотреть на старый стертый камень,
Чтоб свой — не стертый — угадать.
Он здесь еще... Он под подошвой,
Еще асфальтом не закрыт,
Он для других еще хороший,
Дождями летними отмыт.
Еще не раз споткнутся в темень
Другие, те, что здесь пройдут;
На нем зазубринами время
От сотни лет — до ста минут.
Минут? Минут, а не мгновений,
Которым счет — из года в год;
Никто сюда по объявленью
В осенний вечер не придет.
А кто придет — тот по наитью
Найдет и свой пропавший след...
И вы за память не судите —
Для памяти и сроков нет!

■

Августовское марево над Задоньем висит,
Солнцем жарким просмоленный остывает зенит.
Подбирается осень к донским берегам,
К элеваторам белым и высоким стогам.
Подбирается осень, в камышинки свистя,
Золотистой стерней над полями летя!
Над подсолнухом рыжим, что в небо глядит,—
Черным семенем туго, словно в дисках, набит.
Подбирается осень, осторожность забыв,
Виноградные гроздья янтарем подсветив.
Подбирается осень, метелкой метя,
И в осеннюю роздымь забирает меня...

■

Я растворяюсь в тишине,
И тишина, как кровь во мне,
Уже не плещет, не клокочет;
Меня, как желтый лист, несет
На землю, вниз меня, с высот
И что-то в ухо мне бормочет.
А я не слышу. Не хочу.
Я в тишине, как лист, лечу;
Как желтый лист, лечу неслышно
И падаю я у реки...
И грохоты все далеки,
Со всей мелодией их пышной.
И звуков здесь не может быть —
Я так хочу их позабыть
И плыть, как облако, бесшумно...
Лежать — без спицы колесом
И ощущать, что невесом,
Себя не чувствуя безумным.
Так вот что значит тишина!
Она живет сейчас одна...
Но вдруг, как будто бы с пригорка,
Перерезая поперек,
Чтоб в тишине я жить не мог,
Летит безумная моторка.
Она, как ржавая пила,
По телу длинному прошла,
Прошла одна, всего одна!
Как скорпион, в сознанье влезла,
Вошла... И нет ее... Исчезла!
И тишина... И тишина...

■

Возвращенье? Нет, не возвращенье!
Это больше, чем вернуться вновь;
Это больше, чем просить прощенье
За годами смятую любовь.
А просить не надо. Все осталось.
Все полно, предельно, до краев.
Даже каждодневная усталость
Не иссушит полымем любовь.
Пальмы. Кедры. Пальмы.
Эвкалипты.
Желтые пампасы с двух сторон...
Пыль дорог, что в странствиях налипла,
В чистых водах отмывает Дон.
Как же эта сила сохранилась
Через годы странствий и смертей?
Не взяла меня, не подкосила,
Не смешала с мелочью затей.
Тех, что бесконечны и несчетны, —
Кто изобретает только их?! —
Пальцами отполированные четки,
Цвет и форма — выдумка чужих.
Четки... Четки... Очень даже четко,
Никаких различий не найдешь...
Пляска нервов, душная чечетка,
Полуправда с ложью — полуложь.
...А моя полынь... Полынь на склонах.
Горький запах. Горечь на губах.
На стерне туман лежит за Доном,
Он полынью горькою пропах.
Только странный вкус у той полыни,
И все гуще к полдню неба синь...
И судьба моя — твоя рабыня, —
Сладкая задонская полынь.

■

Я помню, как строили море,
Как сад вырубали внизу,
Играли задонские зори
В пыли, предвещая грозу.
Тогда скреперами крушили
Казачий приструненный быт,
И в шумные эти машины
Был каждый по-своему вбит.
Я помню, как двое влюбленных
Лежали под кленом в саду...
А мимо летели колонны,
Неслись за речную гряду.
А этим влюбленным все было,
Тогда уже, все нипочем;
Любовь от стыда сохранила,
Своим заслоняя плечом.
Она им была и оградой,
Свидетельством жизни навек;
И даже какой-то наградой
За шумный, клокочущий век;
За всю эту спешку и грохот,
За пыль на дорогах и дым,
За то, что зовем мы эпохой,
Когда о себе говорим.
За страсть, за любовь и за ярость,
За все напряжение сил,
Чтоб белый, как облачко, парус
Над морем Цимлянским скользил...
Видение это со мною
Сквозь годы по свету бредет
И теплою плещет волною,
Как в тот оглушающий год.
А тот, кто любовью был зачат
В порубленном наспех саду,
На море Цимлянском рыбачит,
Держа сейнера на ходу,
Обходит у берега мели,
Неся неусыпный дозор, —
И море его в колыбели
Качает волной до сих пор.

■

Глаза... Глаза... Кругом глаза.
Весь мир в тебя пытливо смотрит..
А на траве блестит роса
И золотом сверкают соты.
Летит пчела...
И ты — пчела,
И ты с цветов пыльцу сбираешь...
Хочу, чтоб это ты прочла,
Тогда ты все уже узнаешь.
Узнаешь, чем и как живу,
Куда смотрю и что я вижу,
Когда бросает на траву
Закат огонь багряно-рыжий.
Какие птицы мне поют,
Какой висит счастливый щебет,
И если место есть в раю,
Так это здесь, под этим небом;
На виноградниках в тиши,
Стоящих в рост рядами густо...
И если можешь — не пиши,
Оставь нетронутым искусство.
Олеографии вредны,
Нет полноты в них жизни честной;
Во всякой копии видны
Ремесленников изуверства.
Куда податься от себя,
От жадной страсти все увидеть;
Ослепнув сам, других слепя,
Воспев других, себя обидеть.
Глаза... Глаза... Кругом глаза.
Одно и то же видят вместе;
Приходит в жизни полоса,
Лишенная пророков лести.
Летит пчела... Летит пчела.
Находит пасеку и улей.
Она иначе не могла,
А как же я теперь — смогу ли?

РОСТОВ-на-ДОНУ—ЦИМЛА

Издательство «Лиесма» выпустило на латышском языке новый, четвертый по счету, сборник рассказов Регины Эзеры «Весенний гром». Передавая корреспонденту «Литературной газеты» перевод своей новеллы «Ностальгия», которая вошла в книгу, Регина Эзера сказала:

— Мне давно хотелось написать о тех, кого носят, как перекати-поле, чужие ветры по чужой земле, о тех, чьи корни вырваны из родной почвы. Это судьба огромного большинства латышских эмигрантов — тех, кто во время второй мировой войны был перемещен из Латвии в Германию насильственным путем или же уехал сам, попав на удочку фашистской пропаганды. Эмиграция неоднородна. Немало здесь таких, кому близки наши идеалы, есть и просто несчастные изгои, вынужденные приспособиться к условиям чужбины, чтобы как-то выжить.

Я не могла пройти мимо этой темы, так как определенная часть нашего небольшого латышского народа влачит жалкое существование в США, Австралии, Канаде, Англии, Швеции, Бразилии... Моя новелла — попытка (пусть и в необычной форме) передать трагедию этих людей.

Регина ЭЗЕРА

НОВЕЛЛА

НОСТАЛЬГИЯ

СНАЧАЛА он даже не понял, что свободен. Он сделал всего лишь то, что делал тысячу раз: просто сел и почесал себе шею. Тут это и произошло: по телу пробежала легкость, и где-то глубоко в клетках мозга шевельнулось непривычное, позабытое за долгие годы чувство. Он встал, неуверенно сделал несколько шагов и с удивлением оглянулся — ничто больше не тянуло голову книзу.

Может быть, мурашки побежали у него по спине от каких-то давних воспоминаний? Или то была дрожь волнения, нетерпения? Потому что он насторожился, будто стараясь различить вдали голос, зовущий его по имени. И напружившись, словно готовясь отразить удар, он поджал хвост, чуть присев на задние ноги, скользнул бесшумной тенью — и впервые после долгих лет вновь ступил на зеленую траву. Это казалось непривычным, странным; ему чудилось, будто стебли путаются у него между пальцами и цепляются за когти. Вокруг стояли и валялись большие, маленькие и совсем крошечные предметы, они вблизи пахли совершенно иначе, чем издалека, и все же он не остановился ни у одного из них, не обнюхал: от возбуждения ставя лапы несколько вовнутрь, ощущая озноб в каждом мускуле, он метнулся к отворенной калитке и почти достиг ее, когда позади услышал крик:

— Джек сорвался!

Он выскочил на улицу, он бежал трусцой, мчался вскачь, только теперь по-настоящему осознав, что он свободен, свободен, а вдогонку ему неслись крики:

— Джек!.. Джек!.. Дже-ка!.. Джека-а-а!..

Он не повернул назад, не остановился, даже не оглянулся. Не из строптивости, не из упрямства. Просто он был уже не Джек, он снова был Рольф, и этим именем ему одному только внятно кто-то звал его туда, на северо-восток, откуда веяло только ему одному знакомым, ни с чем не сравнимым теплым ветерком.

Длинными прыжками промчался он мимо соседнего дома и сада, все такого же, как двенадцать, десять и шесть лет тому назад.

Он бежал дальше и дальше, не останавливаясь у изгородей, за которыми слышался лай — его уже заметили и там, — лай раздавался злой и завистливый, удивленный, ленивый, но он не обращал внимания ни на кого, ни на что, он был словно пущенная стрела и мог только лететь к цели. На пути попадались люди, но никто не решался его задержать, стать поперек дороги, и он тоже никого не трогал. Те, кто его увидал, спешили известить других, что Джек, громадный, злой фрицкаусов Джек гуляет на воле. Он этого не знал, да его это и не касалось, потому что он был теперь не Джек и вовсе не гулял, — он был словно пущенный из пращи камень и боялся только одного — чтоб его опять не поймали и не отвели назад: он бежал уже четвертый раз.

Впервые это было давным-давно, двенадцать лет тому назад, недели через две после того, как его ночью привезли сюда. То была жуткая, кошмарная ночь. Измученный жаждой, он в кромешной тьме долго трясся в чреве грохочущего чудовища, где стояла такая вонь, что спирало дыхание и к горлу беспрерывно подкатывала тошнота. Казалось, что мученьям не будет конца, что он задохнется и околеет, когда наконец грохот и тряска прекратились и пахнуло свежим воздухом. Его привели домой, но это был не его дом. Зачем-то сняли привычный нагретый кожаный ремешок, под которым, сколько он себя помнит, приятно тенькало что-то маленькое, ребристое, и надели другой, старый ремень, который так сильно пах чужой собакой, что у него от ужаса встала дыбом шерсть. Он до того устал и перетрусил, что не сопротивлялся, ему сейчас не хотелось ничего на свете — только бы скорее найти свое место, тугой соломенный тюфяк в углу, свернуться на нем и спать, спать. Но изо всех углов к нему стекались незнакомые — враждебные и холодные — запахи. Тогда, обманутый в своей надежде, он опустился на голый пол, положил голову на большие, непомерно широкие лапы, наморщил лоб и лежал почти неподвижно, только изредка грустно мигая глазами. «Джек, — позвали его, — Джек!» Это относилось не к нему, ведь его звали Рольф. Кто-то принес кусочек мяса. Но Рольф был до того изнурен и убит горем, что не притронулся к еде, хотя чуткие ноздри его дрогнули. Оставшись один, он принялся скулить, скулил долго и жалобно, съел мясо только через несколько часов и новое имя не принял. Люди пробовали называть его по-всякому: Джери, Каро и Арго, и опять вернулись к Джеку, так и не сумев угадать, что зовут его проще простого — Рольф. Две недели спустя, когда кто-то оставил калитку открытой, он выбежал за ограду и пустился наутек изо всех сил, взяв направление на северо-восток. Восьми месяцев от роду, он был тогда еще очень наивен, его поймали, не успел он уйти и на несколько сот метров, надели на шею что-то тяжелое, гремящее, невыносимое, что не пускало его, держало, что он часами кусал и грыз, пока не заноют клыки. Первое время его иногда пускали побегать. Но как-то раз он нашел в заборе дыру, где было отодрано две рейки, и, хотя пролезть там могла разве только кошка, он тут же втиснулся в эту щель, застрял, выломал еще одну рейку и, ободрав щепой правое плечо до крови, попал в соседний сад, забегал вдоль ограды, ища выхода на улицу. Тут его и поймали, жестоко высекли, опять привязали и больше на волю никогда не пускали, даже в зимние холода. Тогда он начал выть. Сидет, вытянет морду в черно-замшевое небо и под рокот близкого моря воет тихо, тоскливо, а над ним струятся таинственные ароматы ночи.

Большая половина его жизни была позади, когда он снова нежданно очутился на воле. Случилось это в знойный, душный день, когда солнце стояло в зените и спастись от жары можно было только в будке; в зимнюю вьюгу ее продувало насквозь, так что ему не оставалось ничего иного, как свернуться в клубок и прикрыть нос хвостом, зато летом здесь была прохладная тень. А тут курица, одна из тех двуногих дурех, что шастают взад-вперед и не дают никому покоя, подумала, что он спит, и вошла в запретную зону, пересекла песчаный истоптанный полукруг, проковыляла к алюминиевой чашке, вертя головой, оглядела круглым глупым глазом половинку вареной картошины и тюкнула клювом. Ему показалось это нахальством, однако он смирил себя, потому что не хотел вылезать на жару. Но когда квочка, вздумав подобрать картофельные крошки, шагнула в миску обеими ногами и стала там топтаться, он не стерпел и выскочил из будки. Полетели белые перья, курица с кудахтаньем скрылась на другую половину двора, а он — он вдруг обнаружил, что выбежал из полукруга на траву. Гремящая цепь была тут, у шеи, привычно тянулась повсюду следом, но странно — не держала его. Удивляясь, он прошел дальше. Бренча и лязгая, цепляясь за стебли травы, цепь тащилась за ним, растянувшись во всю длину, и покорно, словно признав наконец его силу и превосходство, следовала за ним всюду, куда он ни шел,— к калитке, за ограду и по улице. Потом оказалось, что покорность эта была притворной и на самом деле цепь — подлый предатель... Его схватили в тридцати километрах отсюда — он зацепился цепью за ржавую борону, лежавшую в куче лома возле усадьбы. Фрицкаусов Джек, черный великан, был знаменит на всю округу. Вскоре его опознали, отвели к хозяевам, опять жестоко высекли — и жизнь вновь потекла по-старому.

Значит, это был четвертый и, должно быть, последний шанс в его жизни. Никто не преследовал Рольфа, это было и радостно, и странно, и тревожно. Он не отважился замедлить бег даже тогда, когда село осталось позади, и, когда приближались и вновь отдалялись другие села, ему неизвестные, они встречали и провожали его лаем, знакомыми и совсем незнакомыми запахами.

От натуги у Рольфа закололо в боку, изо рта белыми клубами вырывалось дыхание, неровное, хриплое, болели длинные когти, отросшие в праздности и оттого скрюченные, он то и дело сбивал их о щебень, о корни деревьев и коротко, приглушенно взвизгивал. То, что до поры до времени было незаметно там, когда он сидел возле будки да изредка лаял на гостей или прохожих, вдруг остро дало о себе знать сейчас, а именно — Рольф постарел.

Он не знал, долго ли бежал и далеко ли ушел, когда в сумерки на глинистом косогоре съехал сразу на всех четырех, пошатнулся и чуть не свалился без сил. Лишь тогда он наконец остановился, прислушиваясь, унял бурное дыхание и насторожил уши. Вокруг стояла почти полная тишина. Ночь надвигалась холодная, и в студеном воздухе белое облако пара вилось над головой Рольфа. Он стоял, постепенно приходя в себя, потом сел, передохнул чуть-чуть и успокоился, а когда отдышался и под ложечкой перестало скрести, то почувствовал, как сильно болят лапы и как хочется пить. Снизу веяло прохладой, там могла быть влага. Осторожно переставляя ноги, Рольф спустился по косогору еще ниже и по нюху действительно отыскал ложбинку со стоячей водой. Черная вода была по-осеннему стылой, в ней отражались звезды. Рольф вошел в воду и стал жадно лакать... Тут же, на болотце, неподалеку от этой ложбинки Рольф улегся и, несмотря на усталость, превозмогая боль, стал обгрызать свои непомерно длинные, загнутые когти, которые мешали ему бежать; он обкусывал их, пока не устал и, вконец измученный, сомкнул веки; повернувшись мордой на северо-восток, он незаметно уснул.

На восходе солнца он поднялся, окоченелый, точно избитый, дрожа всем телом. Хотелось есть. Он потянулся, зевнул, встряхнулся и, с опаской ступая ноющими лапами, снова двинулся в путь. На солнце Рольф отогрелся, но голод мучил его все сильнее. Из открытых окон и дверей растекались аппетитные запахи, и все же он держался поодаль от домов, и, если его кто-нибудь окликал или подманивал свистом, он сразу переходил с рысцы на галоп. Только ближе к вечеру Рольфу наконец повезло — он нашел на дороге дохлую птицу. И хотя его тошнило от сырой дичи, сейчас он, втайне презирая себя, обглодал ее, оставив только голову и одну ножку. Назавтра ему не удалось найти совсем ничего, и Рольф охотно уписал бы и те жалкие остатки, но возвращаться было далеко, и он все бежал и бежал на восток.

Ночью Рольфу снова улыбнулась удача — невдалеке от каких-то зданий он раскопал в мусорной яме нарядную кость, от которой еще исходил такой мясной дух, что у него закружилась голова и ноги подкосились от внезапной слабости. Никто Рольфа не заметил, не прогнал, не облаял, и он, зажав кость между лапами, до самого утра грыз ее, предаваясь блаженству; а на рассвете там же, под кустом, уснул, проспал почти весь день, проснулся к вечеру, бодрый, посвежевший, и опять двинулся в путь.

Так постепенно Рольф превратился в ночного жителя. Он никогда теперь не лаял и не выл, отучил себя даже скулить. Когти сбились и больше не досаждали ему, блестящая шуба взъерошилась и посерела, зато стала гуще от постоянного холода и скрывала тощие, впалые бока.

Однажды утром на пути встала река. С того берега дул сквозной ветер, водная масса дыбилась и звенела, острые льдины с треском налезали друг на друга. Рольф зашел в воду по брюхо. Ледяное сало, кусаясь, со звоном терлось об его лапы. Он не решился пуститься вплавь, чутьем угадывая, что ему не доплыть, возвратился, сел, подвернул кончики ушей, чтобы в них не надуло ветром и повернул голову к тому берегу. Зрение у Рольфа ослабло, и он не мог ничего разглядеть. Зато слух у него был отменный. Но неумолчный шум реки заглушал другие звуки. И лишь тонким нюхом он уловил теплое благоухание дыма. Рольф беспокойно вскочил, забегал взад-вперед по мерзлой траве, шуршащей и шелестящей под ногами, опять сел, издал глухое нетерпеливое рычание — хвост нервно дернулся, раздутые ноздри судорожно дрогнули, и он снова кинулся в воду. Рольф не плыл, а пробивался вперед, единоборствуя с шугой; какая-то сила хватала его за лапы, тянула за шею и хвост, тащила в черный омут. В смертельном страхе Рольф повернул назад и последним усилием выкарабкался на берег.

Минуло несколько дней, прежде чем Рольф достиг моста. Он почти что перешел мост, когда впереди почуял человека, а еще немного погодя услыхал неспешные, хлопающие в снежном месиве шаги. В конце моста вынырнула будка и подвижная темная фигура, вспыхнул уголек. Нос Рольфа уловил не только сладость табачного дыма, но и горьковатый смрад пороха. Из-за плеча у человека торчала палка, которая умеет плеваться огнем. Плотно прижимаясь к парапету, Рольф хотел прошмыгнуть мимо, но человек, который медленно, то ли согреваясь, то ли коротая время, праздно вышагивал взад и вперед, заступил ему дорогу.

— Ишь ты, сивый какой, а туда же — по девочкам шляется! — сказал ему человек и скрипучим простуженным голосом засмеялся в ночной тишине.

Рольф был вовсе еще не так сед — это мокрый снег таял на его шубе. На слов человека он не понял ни звука, недоверчиво насторожил уши, опустился на задние лапы, готовый сделать молниеносный прыжок в сторону, но удирать не стал, так как в голосе не слышалось угрозы. Страх у Рольфа постепенно развеялся, он стал терпеливо переминаться с ноги на ногу, и человек с палкой за плечом, заметив его нетерпение, отступил с дороги, говоря:

— Ну, пошел, пошел домой.

Эти слова Рольфу были знакомы, он наконец понял, согласно повилял кончиком мокрого хвоста и затрусил дальше.

Возможно, что именно эта встреча и подвела Рольфа, притупив недоверие к людям, но возможно, что истинным виновником был снег. Он занес дороги и тропинки. Особенно несносными стали овраги, они превратились просто в западню. Рольф был уже не так крепок, чтобы единым духом перемахнуть через них, он слабел с каждым днем, потому что метель затянула и мусорные ямы, помойки.

Голод и немощь сделали Рольфа отчаянным — он шел теперь по широким бугристым следам гудящих чудовищ и вопреки своей воле приближался порой к человеческому жилью и днем. Здесь на него заорут, тут ему бросят объедки, а в одной усадьбе хотели оставить его насовсем. Впервые за долгие месяцы бегства он ел горячий мясной суп. Опорожнив миску, он обхватил ее лапами и снова, и снова вылизывал, даже провел языком снаружи, и там ведь могла прилипнуть какая-то кроха, и все же остаться здесь Рольф никак не мог — это был еще не его дом, еще не его.

Но каждой клеткой своего тела он теперь ощущал его близость — оттуда словно веяло теплом, и теплое дуновение лилось сквозь пространство, просачивалось сквозь стены, струилось по ветру и против ветра, звало и манило так призывно, что Рольф, забыв все на свете, летел ему навстречу, как ночной мотылек к свету. Ему не нужно было никого и ничего иного, и лишь крайняя усталость и лютый голод могли на какой-то миг его задержать. Все пять чувств подсказывали Рольфу, что заветная цель близка, близка, от нетерпения он совсем потерял сон, стал до того неосторожен и рассеян, что как-то раз громыхающее страшилище чуть не подмяло его под себя. В морду и глаза больно ударило ледяной крупой и дорожным гравием, и лишь в последний момент он едва успел отскочить в сторону.

Страх отрезвил Рольфа, он почувствовал урчащую пустоту в отвисшем брюхе и, мало-мальски оправившись от испуга, сильно потянул носом воздух. Со всех четырех сторон, точно муравьи к муравейнику, потекли к нему смрад, зловоние, чад. И вдруг у Рольфа захватило дух: порыв ветра дохнул на него запахом мяса! И благоухание это не дрожало стыдливо тонкой струной, а захлестывало, как снежный вихрь.

Во дворе горел костер, гомонили, смеялись и переговаривались люди. Здесь были и две собаки, одна на привязи, другая без поводка, и обе они, как и Рольф, не спускали глаз с огня, часто мигая от яркого света, и жадно тянули ноздрями запах жареного мяса. Вокруг на снегу темнели пятна, пахнущие свежей кровью. У Рольфа закружилась голова, он не выдержал, рискнул приблизиться к одному из пятен, и эти несколько шагов стали для него роковыми — его заметил пес, бегавший на воле, залаял пронзительно, визгливо и бросился к нему. То была совсем плюгавая собачонка, раза в три меньше Рольфа, просто жалкая шавка, однако неписаные законы и традиции требовали, чтобы Рольф отступил перед законным стражем дома. Но странное оцепенение, которое сковало его и тянуло вниз еще там, когда он безуспешно пытался переплыть широкую, забитую ледяным салом реку, сейчас прямо пригвоздило его к месту: то ли он был в каком-то трансе, то ли голод придал отчаянную смелость. Тут Рольфа увидали и люди. Они смеялись, кричали:

— Гляди, какой бесстыжий!

— Бродячий он, вишь — без номера... Стрелять таких надо!

Рольф не понял, что именно про него говорили, а если бы и понял, разве это могло относиться к нему? Он не бесстыжий, он подошел совсем тихо и робко, ни на кого не рычал, не кусался — он притязал только на кость, кусочек легкого или пленки; ему вовсе не нужен был круглый окорок, высящий над огнем, которым можно накормить всех на свете собак, больших и малых, ему хватило бы и малой толики. Рольф желал только одного — выжить, чтобы дойти.

Смех людей его успокоил, придал ему смелости, и Рольф слишком поздно заметил, что один человек вынес из дома палку, которая плюется огнем. Когда палку навели на него, Рольф стремительно прыгнул. Это был один из самых длинных прыжков в его жизни, и он наверняка успел бы скрыться за углом постройки, если бы лапы предательски не завязли в мягком снегу. Кто-то вскрикнул, и что-то жгучее и острое вонзилось ему в левый бок. Глухо взвыв, Рольф повалился наземь. Но в стволе, как видно, была мелкая дробь, она не убила его наповал, а только ожгла, и он, очнувшись, поднялся на лихорадочно дрожащие лапы и в полной тишине, наступившей вокруг, скорчившись, потащился прочь, рассыпая за собой на снежной белизне какие-то темные ягоды. Ему удалось заползти в сарай и спрятаться между поленницами дров, кое-как сваленными жердями и всяким хламом, и там он долго украдкой зализывал свои раны, не выдавая себя ни звуком.

Под утро он оттуда ушел; побрел, чуть припадая на задние лапы, чтобы меньше выделяться на белом фоне, и потому, что нещадно саднил раненый левый бок. Случайно он наткнулся на забытое ведро с требухой, но есть Рольфу почему-то больше не хотелось, от запаха свежей крови его мутило, и при каждом шаге в животе словно перекатывалась свербящая пустота. Отступление Рольфа прикрывал слабый снегопад, и его уход из усадьбы остался незамеченным. Ему повезло, потому что ни бежать, ни прыгать не было сил.

Так он избавился от своего мучителя — постоянного голода. Только острые колики в боку не проходили, скорей наоборот — усиливались, разыгрывались с каждым днем. Он вконец изнемог, совсем поседел, он выглядел совсем старым, и порою казалось, что, отдохнув, задремав где-нибудь в сугробе, под кустом, он так и останется там, не в силах подняться. Но всякий раз непонятная сила вновь и вновь поднимала его на дрожащие ноги, которые тяжело ступали по снегу или беспомощно скользили по льду. Последний отрезок пути он полз на животе.

До своего дома Рольф дотащился ночью. Окна лоснились чернотой, все спали крепким сном, не подозревая, что он вернулся, только сам он знал достоверно, что дом его здесь, именно здесь. Рольф вернулся и теперь покорно лег у порога на мохнатые еловые ветви, от которых горько пахло свежестью. Он улегся на левый бок, как привык это делать в последнее время, оберегая рану, хотя болеть у него теперь ничего не болело. Это было непривычно — его тело охватил удивительный, незнакомый ему покой. Опять пошел снег. Снег падал пушистыми прохладными хлопьями и напоминал ему что-то далекое, давно забытое, а что — он вспомнить не мог. И все лежал, вдыхая аромат хвои, а снег падал белый и чистый. И тут сквозь жужжание хлопьев он услыхал знакомый голос, тихо звавший его:

— Рольф... Рольф...

Голос напоминал ему что-то родное, он только не мог припомнить, где и когда он его слышал. Ему казалось, будто теплая рука гладит его по совсем уже белой от седины и снежных хлопьев шубе...

Наутро его нашли мертвым. Приглашенный врач констатировал смерть от разрыва сердца и, чтобы утешить близких, сказал, что смерть наступила мгновенно и к тому же во сне. Это было, конечно, слабым утешением, тем более, что он лежал на левом боку, судорожно прижав руку к ребрам, и эта поза наводила на мысль, что долгое ли, короткое ли время он все же испытывал боль.

Его жена была англичанка, значит, и дочка тоже, так что и траурное объявление поместили в английской газете:

«В ночь на 12 февраля в Мельбурне скончался Джек (Екаб) Ральф Фрицкаус, родившийся в 1922 году в Вестиене (Латвия).

О кремации и дне похорон справляться по телефону».

Перевела с латышского В. ДОРОШЕНКО

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ

Михаил НОЖКИН

ЛЕД ТРОНУЛСЯ!

ЧЕЛОВЕК начал петь задолго до того, как научился читать и писать. Он пел просто так, беспричинно, неорганизованно, как бы следуя восточной мудрости: что вижу — то пою.

Он пел в то время, когда еще никто не знал, о чем надо петь, когда не было ни нот, ни бумаги, ни концертных залов, ни телепередачи «Алло, мы ищем таланты!». Возможно, он уже тогда был талантлив, но его еще никто не искал.

А сегодня на страницах «Литературной газеты» потомки песенных первопроходцев ведут дискуссию о песне.

Это не мода, не широкий жест редакции, это жизненная необходимость. Потому что, как выяснилось, песня занимает в жизни общества гораздо большее место, чем ей привыкли отводить некоторые деятели искусства и отдельно взятые организации.

Итак, дискуссия в разгаре. Статьи пронизаны заинтересованностью, носят деловой характер и пестрят первоклассными цитатами поэтической песенной безграмотности. Цитаты эти радуют глаз своим оптимизмом и верой в безнаказанность. Уверен, что это не самые выдающиеся. «Шедевры» еще не раскопаны. Но есть ли смысл копать в одну сторону? Не сведется ли вся проблема к одному вопросу — для песен надо писать хорошие стихи? Конечно, надо. К тому же надо еще писать хорошую музыку. Надо хорошо петь. Надо еще очень многое делать хорошо.

Думаю, проблема носит другой характер. Испокон веков люди считают, что у каждого времени — свои песни. Совершенно справедливо. Так вот, очевидно, многие наши песни не всегда отвечают нашему времени. Отсюда и проблема. Время динамичное, сложное, образованное, а многие песни вялые, упрощенные, да еще и не очень грамотные. Очевидно, процесс этот начался лет 15—20 назад, в те годы, когда наука и техника, и сама жизнь вытолкнули общество на новую, более совершенную ступень развития. И не все песнетворцы успели этот перелом зафиксировать в своем творческом сознании. Нет, песни не стали хуже. Просто они в массе своей не стали значительно лучше. А именно этого требовала жизнь.

Образовался некий разрыв, который тотчас начал заполняться бардами, менестрелями и другими самодеятельными творцами. Процесс вполне естественный. Одних он напугал, других обрадовал, третьих подхлестнул. В целом же песенное творчество, очнувшись от некоего застоя, включило нужную скорость, и разрыв начал заметно сокращаться. Особенно в последние годы. Думаю, песня сейчас переживает ренессанс. Сама дискуссия тому подтверждение. Процесс этот сложный, долгий, иногда болезненный и все-таки радостный. Как сказал один известный маэстро: «Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»

Теперь главное — не наломать дров. Постараться спокойно разобраться в сложившемся песенном хозяйстве. У каждого есть свои соображения на этот счет, и много интересного уже было высказано в ходе дискуссии. Мне бы хотелось задержать внимание читателя всего лишь на нескольких моментах песенного производства. Именно производства, потому что песня начинается со стихов. И опять же, как правило, песня — продукт коллективного творчества. Во всяком случае, мне бы хотелось, чтобы так было. Почему? Потому что хорошая литературная основа с хорошей идеей — это уже половина современной песни. Именно современной. Я думаю, современность песни заключается не в описании составных частей квантового генератора, не в перечислении будущей продукции строящегося автогиганта и даже не в упоминании фамилии всеми любимого современника. Это скорее современный взгляд на происходящее вокруг, на современные взаимоотношения в обществе, на наиболее характерные жизненные явления. Это своя, интересная точка зрения по вышеуказанным поводам. Свое жизненное кредо. Не секрет, что поэт и композитор накладывают в песню частичку своей души. И вопрос в том, чтобы как можно больше поэтов и композиторов имели за душой, что вложить в песню. Прежде всего это «что-то» видится или не видится в стихах, в литературной основе песни. Недаром и дискуссия ведется на страницах «Литературной газеты». Недаром статьи изобилуют цитатами литературной беспомощности. Поэтому очень важно, кто пишет стихи. Как он относится к своему творчеству. Не менее важно и другое — как к его творчеству относятся соавторы по работе, то есть композитор и исполнитель и творческие организации вообще. Надо прямо сказать, отношение к поэтам-песенникам в большинстве случаев так себе. Композитор волен делать со стихами, что ему вздумается. Исполнитель не считает зазорным изменить какое-то слово, переставить куплеты или просто сократить стихи, а творческие организации песенных стихотворцев вообще впускают к себе с большим скрипом. Их даже ведущие концертов почти никогда не объявляют, а если и вспомнят, то как авторов текста. А почему не объявлять-то? Во-первых, не привыкли. Во-вторых, говорят, стихи бывают плохие. Тем более надо объявлять. И по радио, и по телевидению. Пусть все знают, кто это так плохо написал. В следующий раз не будет. А то ведь невнимание уже вошло в привычку, в норму. И в самых респектабельных концертных залах или передачах нередко слышишь бодрый голос: «Послушайте песню композитора Э. Колмановского «Я люблю тебя, жизнь» — как будто поэта К. Ванщенкина и на свете нет. Или «Передаем песню Я. Френкеля «Журавли». Как будто никто не знает, что стихи песни написал Расул Гамзатов. Даже наш любимый корифей песни, уж такой ее знаток Л. О. Утесов в недавней статье, опубликованной «Вечерней Москвой», пишет, что вот посчастливилось композитору А. Новикову создать «Гимн демократической молодежи», который не уступает даже студенческому гимну «Гаудеамус». Леонид Осипович, а Л. Ошанин-то где же? Ведь ему тоже посчастливилось. Им обоим! Примеры, как говорят в Одессе, можно было бы продолжить «отсюда до послезавтра».

Сложилась какая-то непонятная традиция. Если песня плохая — ругают поэта, если хорошая — хвалят композитора. Уверен, эта традиция временная.

Продолжим. Следующий этап создания песни — музыка. Об этом сложнейшем творческом процессе, конечно же, еще расскажут наши большие профессионалы, ведущие композиторы-песенники.

Мне бы хотелось коснуться только одного момента — собственно мелодии. Думается, в тот самый вышеназванный переломный период под действием многих факторов, в том числе влияния Запада, интерес к мелодии в песнях был заметно ослаблен. Большую роль в этом сыграли прекрасные аранжировщики. Они, как говорится, делали с мелодией, что хотели, и вольно или невольно где-то оттеснили ее на второй план. Со временем некоторые не очень талантливые композиторы заметили эту метаморфозу и стали прикрывать свои невыразительные мелодии первоклассными аранжировками других. Но время опять-таки все расставило по местам, и сейчас возвращение к мелодичности повсеместное. Этим отчасти можно объяснить и тягу к старинным народным песням, в основе которых — мелодия. Безусловно, я нисколько не умаляю достоинств аранжировки. Без нее современная песня просто немыслима. Кстати, лучшие аранжировщики тоже почему-то ходят в безымянных героях. И все-таки песня — это прежде всего мелодия. Талантливые мелодии живут веками. И возвращение к мелодичности радует именно потому, что от этого выиграет талант и проиграет ремесленник.

Следующий этап творчества. Готовая песня должна получить редакторское «добро», или «вид на жительство». Крайне ответственный этап. Кто оценивает песню? Очевидно, этот человек должен быть как минимум семи пядей во лбу. Иначе нельзя. Ведь от него зависит, дойдет песня до народа или не дойдет. Его знания, эрудиция, его вкус должны быть абсолютными. Он в данный момент олицетворяет собой вкус общества. Он оценивает песню от имени и по поручению общества. Вы только подумайте, какая ответственность! Он обязан быть эрудитом во всех песенных формах и жанрах! Это он перефразировал известные строки В. Маяковского и громко потребовал: «Больше песен, хороших и разных!» Какое прекрасное требование! Именно хороших по качеству и разных по форме. Некоторые никак не желают этого понять. Мы преуспели в производстве песен-полотен, песен-трилогий, песен-эпопей, но все еще отстаем по количеству песен просто хороших, не говоря уже о песнях веселых. В общем, будем считать, что с редактором нам крупно повезло.

И вот тут-то мы наконец вспоминаем об исполнителях. О певцах и певицах. Об ансамблях и хорах. Хорошо, что вспоминаем. Сами они почему-то упорно молчат, не желая принимать участия в дискуссии о песне. Как будто это их и не касается. А ведь еще как касается! От исполнителя зависит очень многое. От него зависит выбрать хорошую песню или плохую. Его талант может спасти плохую песню, и отсутствие оного может погубить хорошую. Он несет песни в народ. От него зависит, в каком виде он их донесет.

Об этом много можно говорить, но думаю, что у певцов все-таки прорежется голос и они сами скажут свое веское слово в нашей дискуссии. Мне бы хотелось отметить лишь огромную привычную инертность у многих певцов в поисках репертуара. Лучшие наши исполнители ищут песни, охотятся за ними, открывают песни. Другие же просто разучивают готовый проверенный шлягер, и все дела. Так и живут годами. От шлягера до шлягера. Почему? Потому что можно и так. Потому что у нас интерес к песне общенародный. Спрос на певцов огромный. Концертные возможности страны практически неограниченны! Не здесь, так в другом месте он все равно будет нужен до зарезу.

И еще один существенный момент. Где хорошему певцу взять хорошую новую песню? В сборниках и на пластинках они уже не очень новые. В репертуарных отделах филармоний новых хороших тоже не так уж много, да и те моментально расходятся в десятках экземпляров. А если у певца свой вкус, своя манера, свое творческое лицо? Если он не хочет петь все подряд? Значит, надо обзванивать композиторов. Но врываться в чужой дом даже по творческим вопросам воспитанному человеку не всегда удобно. Возможно, есть и другие каналы, о которых массовый исполнитель не очень осведомлен. Что же делать? Надеяться на его величество случай? Но у «его величества» нынче и без песен дел по горло. Остается хватать магнитофон и бегать по концертам или сидеть у телевизора, ждать. Вот тут-то, я думаю, и есть возможность сделать один из конкретных шагов на пути упорядочения песенного хозяйства. А именно — под крылом какой-то творческой организации, горячо любящей песню, создать что-то вроде песенного центра, клуба или как его еще можно назвать. Для этого нужен небольшой зал, рояль, микрофон и заранее определенные дни. И больше ничего. Нужно место, где композиторы и поэты могли бы показывать свои новые песни исполнителям. В этом заинтересованы и те, и другие, и третьи. Детали можно продумать. Главное — не делать это «в мировом масштабе». Никаких трансляций и репортажей. Иначе деловые встречи моментально превратятся в мероприятия. Так уже было. Нужен сугубо деловой клуб любителей профессионально писать и исполнять песни. Не больше!

И последнее. Как верно заметил замечательный советский поэт-песенник Лебедев-Кумач, «нам песня строить и жить помогает». И не только тем, кто пишет песни, кто их исполняет, но главным образом тем, кто их слушает, для кого они написаны. Об этом мы не имеем права забывать. Человек поет всегда, потому что не может не петь. И надо очень постараться, чтобы оправдать доверие хорошего человека и обрадовать его хорошей песней. Такой, скажем, как эта:

Нам песня строить
и жить помогает,
Она, как друг,
и зовет и ведет,
И тот, кто с песней
по жизни шагает,
Тот никогда и нигде
не пропадет!

Вл. ПИМЕНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

И ВНОВЬ ПУШКИНСКИЙ...

Я ЛЮБЛЮ этот театр. Подлинное наслаждение испытывали мы, молодые любители театра, восхищаясь талантом Певцова и Корчагиной-Александровской, Вивьена и Милютина, Черкасова и Симонова, многих, многих других. Впервые я увидел спектакли Ленинградского театра имени Пушкина в 1926 году и навсегда был взят ими в плен. Меня поразило и самое здание театра, величественное творение России, здание, где не только нельзя играть плохо, но нужно играть прекрасно.

Одно время было модно критиковать «старые» театры: МХАТ, Малый, Ленинградский театр имени Пушкина (Александринку). Но представим себе на миг, что этих театров не было, что они не участвовали в движении русской культуры. Трудно даже вообразить, какой непоправимый урон понесло бы сценическое искусство, не только отечественное, но и мировое.

Идут годы, и уже нет многих великих представителей александринской сцены. Но крепнут новые силы, радуют блестящим своим дарованием В. Меркурьев, А. Борисов, Ю. Толубеев, Б. Фрейндлих, И. Горбачев, И. Ургант, О. Лебзак.

Да, я люблю этот театр. И потому каждая встреча с ним для меня нечто личное, глубоко сердечное. Его радости, его неудачи я переживаю не просто как критик, но как старый друг.

На гастроли в Москву пушкинцы приехали с разнообразной программой.

Привлекают внимание новые названия в репертуаре театра — «Ночью без звезд» А. Штейна и «Иней на стогах» Л. Моисеева.

Александр Штейн продолжает в этой пьесе свою тему — люди армии, люди флота еще и потому побеждают, еще и потому сильны духом, что связывает их прочная дружба. Там, где сегодня мир, а завтра бой, там, где цена любой ошибки — смерть, гибель товарищей, там твоя верность, твоя ответственность — залог жизни десятков, сотен, а в конечном счете и миллионов людей.

Самое дорогое в спектакле «Ночью без звезд» (режиссер А. Музиль) — это характеры: капитана Егорьева, кораблестроителя Озаровского, женщины «в черном», ежегодно приезжающей в далекие края, на могилу погибшего мужа — офицера флота. Капитан Егорьев в исполнении И. Дмитриева — кадровый военный. Актер показывает глубочайшую сосредоточенность своего героя на заботах флотских, на задачах общественных. Он хочет большего, чем имеет сейчас. Ну что же, мы так много видели на сцене скучных аскетов, что встреча с человеком, мечтающим о новых вершинах, любопытна и неожиданна.

Инженер Озаровский в исполнении И. Горбачева — вроде бы и иной человек, нежный, деликатный, не решающийся на резкую, прямую постановку вопроса в отношениях с близкими. Но смотришь, как играет Горбачев, как играет Дмитриев, и понимаешь, что люди эти, разведенные личными сложностями, глубоко уважают друг друга, более того, это как бы две стороны одной человеческой натуры, крепкой воли и доброго сердца. И право же, постепенно отступает мелодрама, слишком уж акцентированная театром, особенно в первом акте, запоминаются характеры Егорьева и Озаровского. Это наши современники, люди, всегда готовые встать на боевую вахту, предпочесть личному — общественные задачи.

В тему эту вписывается и образ женщины «в черном» (О. Лебзак), не знающей никаких колебаний, никаких компромиссов, никаких поблажек ни себе, ни другим. Строгая, бескомпромиссная нота, очень ненавязчиво и мягко внесенная актрисой в спектакль, придает ему особый смысл. Как бы ни усложнились личные драмы, законом жизни навсегда остаются цельность, духовная зрелость, верность однажды избранному человеку, однажды избранному делу.

И еще один новый спектакль — «Иней на стогах» Л. Моисеева. Я хорошо знаю и эту пьесу, и ее автора. Когда-то мне приходилось работать с ним на одном из семинаров начинающих драматургов. Можно только приветствовать театр, не занимающий выжидательной позиции и не пытающийся уверить окружающих, что современные пьесы художественно слабы, а потому мы, мол, вынуждены ставить классику. Можно только приветствовать театр, взявший пьесу еще несовершенную, но молодую, горячую, активно вмешивающуюся в жизнь.

В постановке В. Эренберга «Иней на стогах» — народная эпопея, где главные герои не отделимы от массы тружеников колхоза.

Один за другим проходят перед нами живые, словно выхваченные из жизни, портреты людей — честных и слабодушных, героических и ленивых, горящих мечтой и думающих лишь о себе. Портреты эти были выполнены актерами с такой творческой отдачей, что стало еще и еще раз ясно — самая высокая классика не заменит театру современной пьесы, не даст актерам столь могучего гражданского заряда.

Вот руководитель одного из комбинатов, близких колхозу, — Тер-Шмаонов в исполнении К. Адашевского. По существу, роль эпизодическая, но как хорошо мы узнали человека. А через него узнали, как много зависит сегодня не только от современной техники, но от доброго сердца.

И юмор, и доброта, и широта взглядов, и умение дружить — все это украшает современного представителя технической интеллигенции.

Не забывается и парторг колхоза в исполнении Ю. Толубеева, создавшего образ человека немногословного, сдержанного, вроде бы не умеющего приказывать, требовать. Человека, к которому между тем тянутся сердца. Актер раскрыл духовную значительность своего героя, он умеет агитировать собственной судьбой, собственной кристально честной партийной позицией во всех самых трудных вопросах. Хочется упомянуть и об очень точном, умном исполнении роли журналистки — Н. Ургант, и о большом внутреннем драматизме, которого достиг М. Екатерининский в роли человека, несправедливо пострадавшего в былые годы.

Но корифеи ансамбля — И. Горбачев, играющий председателя колхоза Лепехина.

Горбачев не просто сыграл очередной интересный характер, он сумел передать черты типические, подсказанные современностью. Интеллигент, уходящий в деревню, ученый, становящийся председателем колхоза. Здесь есть продолжение шолоховской темы. Вы веришь, приобретший знания рабочий Давыдов, поднимавший некогда целину, сегодня вполне может угадаться в Лепехине, каким играет его Горбачев. И его герой поднимает целину, и в прямом смысле этого слова, и символически. Целину душ поднимает Лепехин, углубляя борозды добрые, стирая дурные, выкорчевывая порочные.

Как премьеру можно рассматривать и прошедший всего несколько раз в Ленинграде спектакль «Горячее сердце» (режиссер О. Овечкин) с Толубеевым в роли Градобоева. И хотя у роли этой есть великолепная традиция, Толубеев сказал своим Градобоевым нечто новое. Он рассказал нам не только о невежественном, тупом взяточнике. Но и раскрыл в своем герое черточки человеческие, что всегда делали великие русские актеры. В дикой жизни Градобоева Толубеев услышал какую-то печаль.

Сатирически пишет своего Курослепова — Меркурьев. Гипербола взята актером на вооружение как краска вполне для этого характера обычная, житейская. Человек, на которого валится небо и который слышит, как часы бьют пятнадцать, и должен быть сыгран в манере резко гротесковой, преувеличенно сатирической.

Сцена из спектакля «Иней на стогах»: Лепехин — И. Горбачев (слева), Тер-Шмаонов — К. Адашевский

Давно стало общим местом, что в спектаклях «Горячего сердца» не удается тема Параши. Так вот удалась в спектакле ленинградцев и тема горячего сердца. Актриса В. Панина так искренне, молодо играет свою Парашу, что характер этот становится в ряд с главными персонажами драмы. Да оно так и задумано Островским, который размышлял не только о задачах сатирических, но о создании образа симпатичного, натуры светлой.

...Я не стану говорить о тех спектаклях, которые уже не в первый раз приводятся театром в Москву. Позволю себе лишь несколько общих замечаний.

Итак, гастроли закончены. Наступило время трезвых оценок, спокойного разговора. Кое-что огорчает, огорчает серьезно.

Огорчает, что в театре нет сейчас значительных режиссерских сил, что утрачена творческая инициатива, целый ряд спектаклей выглядит какими-то «беспризорными», старомодными, лишенными современной концепции.

Приход в театр новых режиссеров вовсе не означает непременной ломки стиля, обязательной модернизации актерского исполнения, привнесения модных новинок на академическую сцену. Одно дело — мода, другое дело — крепкая режиссерская рука. Когда-то главный режиссер театра Л. Вивьен не боялся приглашать в Александринку самых интересных режиссеров, поручал им ответственные спектакли. Сегодня мы, к сожалению, не видим ярких режиссерских работ. А это сказывается и на общем уровне театра.

И о репертуаре. Хорошо, что театр, не дожидаясь эталонов, берет к постановке новые советские пьесы, даже и не всегда художественно совершенные. Но это вовсе не значит, что надо довольствоваться средней литературой, что надо успокоиться на двух-трех пьесах, приемлемых лишь как заявка на тему, но не как глубокое сердцеведение.

Александринский театр всегда был на главной линии советской драматургии, ставя лучшие пьесы, крупные по мысли, по масштабу авторских дарований. Не терять критериев — вот задача, также стоящая перед сегодняшним Театром имени Пушкина.

НОВОСТИ

- ГАСТРОЛИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ДРАМЫ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
- «МОНОЛОГ» — НОВЫЙ ФИЛЬМ ПО СЦЕНАРИЮ ЕВГЕНИЯ ГАБРИЛОВИЧА
- В МОСКВЕ — ВАШИНГТОНСКИЙ ТЕАТР «АРЕНА СТЕЙДЖ»

Сцена из спектакля «Наш городок», режиссер — арт. Роберт Проски (в центре), Эмили — Диана Вист, Джордж — Гари Байер.

Вера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР:

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Когда перед спектаклем наших американских гостей я прочла пьесу Торнтона Уайлдера «Наш городок», она мне показалась не слишком динамичной. И время действия — давно прошедшее, и написана она давно. Но на спектакле вашингтонской «Арена стейдж» меня ожидала приятная неожиданность. Пустую сцену, украшенную лишь условным занавесом-декорацией, осветил одинокий фонарь, актер-ведущий обратился к публике по-русски, и возникла столь дорогая для нас, людей театра, атмосфера доверительного общения. Спектакль состоялся.

Я очень рада, что вскоре после конгресса Международного института театра, где мы познакомились с Зелдой Фичендлер и Аланом Шнайдером, слышали их интересные выступления, они привезли в нашу страну свои работы, подтвердили свои слова делом. Ведь театр только так и может доказать свою дееспособность. Первый спектакль «Арена стейдж», действительно, многое нам доказал. Во-первых, что в Америке есть профессиональный театр, помимо Нью-Йорка и его Бродвея. Во-вторых, что американский театр глубоко воспринял достижения наших корифеев сцены, уроки Станиславского. Сама идея сценария напоминает нам поиски охлопковского Реалистического театра.

Хорошо, что в спектакле гостей прием жизнен, спектакль поставлен А. Шнайдером находчиво и человечно, с минимумом деталей и продуманной отработкой каждой из них. Спектакль нашел теплый отклик в зрительном зале не только потому, что многое объяснил в американцах, он затронул какую-то общую струну, просто и умело рассказал о человеческой судьбе. А мне он напомнил еще театральную молодость и разбудил желание новых встреч с мастерами зарубежной сцены. Желаю нашим гостям хороших гастролей, а себе и нашим зрителям — новых хороших гастролеров. Ведь обмен театральным опытом, театральными коллективами — одно из прекрасных доказательств готовности народов жить в мире, добиваться взаимопонимания и дружбы.

Д. ОСТРОВСКИЙ

СТРАСТИ ТИХОГО ФИЛЬМА

ФИЛЬМ ленинградских кинематографистов «Монолог» (режиссер И. Авербах) вобрал в себя примерно двадцать пять лет жизни профессора, потом академика Никодима Васильевича Сретенского. Герой одинок. Давно, через год после свадьбы, жена ушла от него, и фильм начинается со знакомства Сретенского с семнадцатилетней дочерью Тасей, приехавшей в Ленинград. В конце фильма к этому возрасту подошла уже ее дочь, внучка героя Нина.

Внучка живет с дедом, свою мать не любит. Тася платит ей тем же. И обе они не совсем ясно представляют, чем занимается Никодим Васильевич. Жизнь их течет ровно, спокойно, с естественными в любой жизни радостями и горестями. И фильм не претендует на возведение обыденных происшествий будничной жизни в ранг всемировых катаклизмов, а так их и показывает — ровно и спокойно.

А вот в научной деятельности Никодима Васильевича происходит событие, изрядно будоражащее участников этой необычной истории. Директор крупнейшего в своей области научного института академик Сретенский отказывается от всех постов и, «сокращенный» молодым ученым Котиковым, с головой уходит в разработку одной «безумной» идеи, выдвинутой им лет сорок назад.

Два этих пласта составляют фильм. Каждый из них мог бы стать основой отдельного сюжета. Объединенные в одном фильме, сопоставленные, они заставляют нас искать тот моральный вывод, который, конечно же, заложен в фильме, подразумевается его авторами, хотя нигде и не выговаривается впрямую, растворенный в словах, поступках, а более всего — в интонациях, взглядах и душевных движениях героев. С актерами фильму явно повезло. М. Глузский, М. Терехова, молодая, быстро растущая М. Неёлова играют в «Монологе» с той мерой естественности и последовательности, тонкости и определенности в изображении внутреннего мира героя и его внешнего облика, когда не задаешься неуместными, но иногда, увы, необходимыми вопросами: отчего он это сделал? что он этим хотел сказать? почему он поступил так, а не иначе?

О чем же «Монолог»? О научном и гражданском мужестве этого героя, о его душевной молодости, не подверженной годам, о неприятии им рутины и косности?.. Да, эта сторона фильма, как говорится, «самонегральна», она достаточно драматична и конфликтна, чтобы стать лицом всего произведения. Более того, тема преодоления человеком себя привычного, способности человека начать все сначала традиционна для Евг. Габриловича, автора сценария «Монолога». В том или ином виде она присутствует практически во всех его работах последнего времени, и прежде всего в открытом, так сказать, варианте — в «Твоем современнике».

В «Монологе» тема преодоления поставлена дважды. Ее внешний вариант, о котором шла речь выше, благополучно разрешен. Ее внутренний, скрытый вариант так отчетливо в фильме не разрешается. Но именно он и составляет смысл картины, ее стержень, в нем заключен ответ на вопрос, о чем фильм.

Фильм — о любви. Но любовь здесь не подручное средство для конструирования интриги, фабулы, сюжета, а тот оселок, на котором проверяются и оттачиваются возможности человека познавать мир и себя самого. Любовь как состояние человека, как нравственная необходимость, как способ воспринимать жизнь.

Сретенский не мыслит свою жизнь без любви к людям, к близким в особенности. Он просто не умеет жить иначе. Но отчего же так холодно в его доме? Как это случилось, что каждый живет своей жизнью, замкнутой, отделенной от всех? Даже внучка, самый, казалось бы, близкий человек, занятая своими переживаниями, едва реагирует, когда дед пытается рассказать ей о своем ошеломляющем научном успехе. А ведь Сретенский искренен в своих чувствах. Он любит Нину, выросшую у него на глазах, и Тасю, растерявшую в жизненной толкотне все, что у нее было хорошего и доброго, и даже жену, никогда не любившую его; с нежностью вспоминает он и свое первое, еще детское увлечение.

Что ж, всего этого мало, недостаточно, чтобы быть счастливым самому и дать счастье другим? Да, оказывается, мало, ибо любовь апатичная, безвольная, всепрощающая и всепозволяющая — это еще не любовь. Это скорее — равнодушие. И люди мстят за это ответным равнодушием.

Горький монолог человека об одиночестве, составивший фильм, поучителен в том смысле, в каком может быть поучительна жизнь человека, претворенная в искусстве. С молодости обреченный на одиночество, искупленный им и поддавшийся ему, герой замкнулся в себе и весь свой нерасходованный запас любви отдал занятию столь же эфемерному, сколь и необычному, — коллекционированию оловянных солдатиков.

Фильм дает пример, пожалуй, несколько прямолинейный, любви требовательной и потому плодотворной. Это Котиков, настоятельно уговаривающий Сретенского вернуться к разработке своей давнишней идеи. Да и сам Сретенский обретает счастье любви, счастье необходимости другому человеку, когда, хотя и невольно, и невпопад, но решительно вмешивается в чужую жизнь. Не в чужую, конечно, в жизнь своей внучки. Стремление помочь ей, попавшей в беду, не одними лишь словами утешения и бесполезными советами, а конкретными делами, вызывает ее ответный порыв, и в последнем вихревом эпизоде фильма как бы ломается та незримая преграда, что отделяла их друг от друга.

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ЧИЛИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Генрих БОРОВИК

Ручеек правдивой информации из Чили прерывист, узок, часто еле различим. Ему преграждает путь хунта.

Сегодня я встретился в Лиме с испанским журналистом. Он только что из Чили, куда был послан сразу после переворота одной крупной испанской газетой. Он видел там многое. Но его газета напечатала только то, что совпадало с официальной информацией хунты. Раздраженный редактор сказал ему по телефону: «В Чили погибло 284 человека! (официальная цифра, называемая хунтой.— Г. Б.). Зарубите это себе на носу. Расстреляно 8 человек! Это тоже запомните, ничего другого на эту тему мне не нужно».

То, что мой знакомый видел в Сантьяго, он высказывает мне почти с жадностью. Это для него возможность рассказать миру о том, что он знает. Но он просит не называть его имени, даже представляемую им газету не упоминать — иначе он будет немедленно уволен. Вот один лишь эпизод из его рассказа:

— У меня есть друг в Чили, горный инженер, очень хороший специалист своего дела, работал на медных рудниках в Чукикамате, а последние три года — в «Коделко» (государственная медноруднаа компания.— Г. Б.). Мы с ним познакомились года два назад в Чили. Он политически не активный человек, придерживается умеренных взглядов, просто хороший человек и опытный специалист.

Когда я в этот раз прилетел в Сантьяго, я пришел к нему домой. Застал его и не узнал. Из человека средних лет он превратился в изможденного старика. Он узнал о перевороте по радио и по радио же услышал приказ — всем оставаться в своих домах. Он остался. Когда через несколько дней хунта объявила приказ — всем явиться на работу, он подчинился и этому приказу. Но как только он пришел в «Коделко», его сразу же арестовали. Сначала его привезли в комиссариат карабинеров. Там во дворе раздели догола и приказали лечь на землю. Кто-то принес красный флаг, им обернули инженера и солдаты принялись бить его башмаками и прикладами. Вместе с ним избивали еще двух арестованных. Их тоже заставили раздеться и тоже заворачивали в красный флаг. Так их били по очереди в течение 9 часов. Двоих приводили в сознание, лили на голову холодную воду, а одного били. Вечером его полуживого отвезли на стадион «Насьональ».

Несколько дней его там никто не трогал, и он стал приходить в себя. Вокруг него на трибунах были тысячи людей. Некоторые такие же избитые, как и он. Трибуны были огорожены понизу проволочным забором. Там же стояли и солдаты с автоматами. Каждую ночь после двенадцати к трибунам подходил армейский сержант с бумагой в руках и выкрикивал несколько десятков фамилий. Считалось, что этих людей вызывают «на допрос». Люди поднимались и медленно шли вниз к проволочному забору. Некоторые не могли двигаться сами, им помогали соседи. Людей уводили, а минут через десять за трибунами слышались выстрелы. И хотя в Сантьяго по ночам в разных местах города часто слышалась перестрелка, но инженер и все его соседи знали — это не перестрелка. Звуки выстрелов шли с одной стороны. Из тех, кого выкликали, никто обратно не возвращался, трупов их тоже никто не видел.

Днем на стадион приезжал бензовоз. Горючее из него сливали в печь для сжигания мусора. Мусор в эти дни со стадиона не увозили, а печь работала каждый день. На трибунах знали — там сжигают трупы расстрелянных.

С наступлением вечера, с приближением рокового двенадцатого часа страх охватывал людей на трибунах. Каждый думал, что сегодня сержант выкликнет его имя. Инженера, перенесшего побои во дворе комиссариата карабинеров, освободили так же внезапно, как арестовали. Вызвали к коменданту: «Вы свободны, — сказал тот сухо, — и забудьте обо всем, что вы здесь видели».

Его освободили потому, что хунта, видимо, надеется использовать его для работы в горнорудной промышленности. Он ведь очень известный в своей области человек. Его зовут Антони Домингес и живет он на улице Эль Коммендадор.

— В один из дней, — продолжал рассказ мой испанский коллега, — представители хунты привезли большую группу иностранных журналистов на стадион «Насьональ». Нас впустили через ворота, ведущие на футбольное поле. Оно было пусто. На трибунах, за проволочным забором, мы увидели человек семьсот или восемьсот. Кроме забора, их отделяли от нас солдаты с автоматами. Несмотря на строжайшее запрещение разговаривать, кто-то из журналистов крикнул:

— Где остальные?

И несколько человек на трибунах молча показали себе под ноги. Мы поняли — под трибунами.

Потом мы спросили коменданта, почему нам показали только семьсот, а не семь тысяч? (Это число — 7 000 арестованных на стадионе — признает сама хунта. — Г. Б.) Где остальные заключенные?

Комендант ответил так:

— Одни предпочитают солнце, другие — тень. Те, что под трибунами, как видно, предпочитают тень.

Недалеко от меня за забором стоял парень, по виду аргентинец.

Я крикнул ему:

— Много здесь аргентинцев?

— Было много, — ответил он.

— Где же они?

Один солдат бросился ко мне, другой к тому парню. Но я успел заметить, как парень провел ребром ладони по горлу.

Когда мы уходили, заключенные начали кричать:

— Мы голодные! Мы умираем с голоду!

В тот самый момент к стадиону подъехал крытый грузовик и солдаты стали из него прикладами выталкивать людей. Те падали на землю, поднимались, по команде закладывали руки за голову. Привезли новую партию арестованных...

Испанский журналист написал об истории инженера Домингеса и о посещении стадиона в свою газету. Та не опубликовала ни строчки.

● ОКОНЧАНИЕ НА 15-й СТР.

Рисунок из еженедельника «Юманите диманш»

СЕМЬ ДНЕЙ В ОКТЯБРЕ...

ДОСЬЕ «ЛГ»

ОТПОР ИЗРАИЛЬСКОЙ АГРЕССИИ

ХРОНИКА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

5 октября

Сирийская печать публикует сообщения о концентрации израильских войск в районе ливанской границы и линии прекращения огня с Сирией. По утверждению газет, отмечается передвижение колонн израильских военных автомашин в направлении Голанских высот (оккупированная территория Сирии) и южноливанской границы. Районы сосредоточения войск Израиля патрулируются вертолетами. В последние дни Тель-Авив сконцентрировал в пограничных районах бронетанковые части, усиленные воздушно-десантными подразделениями.

Как сообщают дамасские газеты, по поступающим из оккупированных районов сведениям, Израиль произвел призыв в армию резервистов в центральном и северном военных округах.

Корреспондент агентства Франс Пресс из Бейрута: Сосредоточение израильских войск на границах с Сирией и Ливаном значительно усилилось. За последние сутки не прекращались операции по воздушной и наземной разведке. Корреспондент Палестинского информационного агентства сообщает, что несколько сот израильских военных автомашин доставили на фронт оружие и войска. Переброска подкреплений происходила всю ночь в четверг и утром в пятницу. Агентство добавляет, что корабли израильского флота патрулировали в четверг ночью в ливанских территориальных водах.

Английская печать публикует сообщение об усилении военных приготовлений Израиля. Газета «Файненшл таймс», в частности, указывает, что Израиль готовит военное вторжение на территорию Сирии. В этой связи газета обращает внимание на интервью министра обороны Израиля Моше Даяна лондонскому телевидению, в котором он снова выступил с угрозами в адрес арабских стран.

6 октября

Корреспондент агентства ЮПИ из Тель-Авива: Израиль прервал сегодня покой самого священного религиозного праздника иудаизма «Иом Киппур», чтобы привести в состояние боевой готовности войска, расположенные на передней линии, и призвать часть резервистов. Никогда еще с тех пор, как три года и два месяца тому назад на Ближнем Востоке началось прекращение огня, состояние готовности не доводилось до такой степени.

Корреспондент агентства ЮПИ из Тель-Авива: Сегодня во вторую половину дня премьер-министр Голда Меир назначила заседание кабинета. В день «Иом Киппура» это фактически беспрецедентный случай. Сейчас, в результате мобилизации армии, на свои базы едут на машинах и автобусах сотни резервистов. Некоторых вызвали даже из синагоги во время молитв.

Обозреватель агентства АП из Бейрута: Сирийские газеты и радио утверждают, что Израиль сосредоточивает войска и бронетанковые части на оккупированных Голанских высотах уже больше недели. Египет также заявил об усилении военной активности израильтян на линии прекращения огня по Суэцкому каналу.

Верховное командование египетских вооруженных сил сделало следующее заявление: «В 13.30 противник силами нескольких военно-воздушных подразделений совершил нападение на наши части близ Зафарана и Ас-Сохны (в районе Суэцкого залива). Одновременно несколько израильских военных катеров приблизились к западному побережью залива. В настоящее время бой продолжается».

Министерство иностранных дел Египта довело до сведения всех иностранных послов, аккредитованных в Каире, что в результате развязанных сегодня после полудня Израилем военных действий в Суэцком заливе Египет считает свои территориальные воды, а также территориальные воды Израиля районом военных действий. В Средиземном море район военных действий простирается до 33 градуса северной широты и 29 градуса 50 минут восточной долготы. В Красном море — до 23 градуса северной широты.

В сводке военного командования Сирии говорится, что сирийские войска, отразив атаку противника, перешли в контрнаступление и освободили ряд районов. Бои идут западнее линии прекращения огня. Сирийское военное командование объявило зону Средиземноморского побережья севернее 33 градуса 6 минут северной широты и восточнее 34 градуса восточной долготы районом боевых действий, в который запрещается входить каким-либо кораблям.

Египетское военное командование заявило: «Вооруженные подразделения противника предприняли попытку захватить часть нашей территории на западном берегу Суэцкого канала. Они были встречены подразделениями наземных войск, которые после артиллерийской подготовки провели успешную контратаку. Некоторые части наших войск, преследуя противника, форсировали в нескольких местах Суэцкий канал. На восточном берегу канала продолжаются бои с силами противника».

Сообщение командования египетских вооруженных сил: «Между самолетами египетских вооруженных сил и израильскими самолетами произошел ожесточенный воздушный бой. Египетские летчики сбили 11 самолетов противника. Потери Египта составляют 10 самолетов».

Агентство ЮПИ из Тель-Авива: В штаб-квартиру израильского правительства был вызван посол США. Кабинет министров предоставил Моше Даяну все полномочия.

Представитель Палестинского движения сопротивления в Ливане заявил, что отряды палестинских партизан ведут в районе Аркуб (Ливан) боевые действия с израильской армией, которая использует авиацию и артиллерию против сил палестинской революции.

По сообщению сирийского агентства САНА, король Иордании Хусейн провел экстренное совещание с премьер-министром и высшими офицерами военного командования и дал указание пристально следить за развитием событий.

Представитель Белого дома заявил, что президент Никсон сегодня утром был извещен госсекретарем Киссинджером о возобновлении военных действий на Ближнем Востоке.

Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм сегодня утром связался с государственным секретарем США Киссинджером, а также министрами иностранных дел Египта и Израиля.

Сообщение египетского агентства МЕН: «Наши вооруженные силы добились успеха при форсировании Суэцкого канала на всем его протяжении и овладели большей частью восточного берега. Бои между египетскими и израильскими подразделениями продолжаются».

Подразделения египетских военно-морских сил, согласно сообщению **Каирского радио,** нанесли удар по северному побережью Синайского полуострова.

Сообщение агентства МЕН: Центральный комитет Арабского социалистического союза выступил с заявлением, в котором говорится, что «начавшееся сегодня сражение является сражением всей нации[illegible]ны [illegible] обратились ко всем силам, борющимся за мир и справедливость, с призывом «занять сторону арабской нации, поскольку агрессия направлена не только против нее, но и против всего движения за мир, а также против Организации Объединенных Наций и ее принципов».

Представитель сирийского военного командования сообщил в очередном коммюнике, что сирийские войска прорвали передовые оборонительные укрепления противника и захватили ряд опорных пунктов на Голанских высотах. Огнем зенитных средств сбито три израильских самолета.

Как сообщает Каирское радио, состоялись прямые двусторонние телефонные переговоры между Садатом, Каддафи, Бумедьеном, королем Иордании Хусейном, королем Саудовской Аравии Фейсалом и эмиром Кувейта ас-Сабахом.

7 октября

В коммюнике египетского военного командования, распространенном в 8.30 по московскому времени, указывается, что в результате вчерашних боев было сбито 27 израильских самолетов, уничтожено 60 танков, захвачено 15 укрепленных пунктов на восточном берегу канала, выведено из строя 5 военных кораблей. Израиль понес также большие потери в живой силе. В коммюнике отмечается, что Египет потерял за этот период 15 самолетов, несколько вертолетов, а также понес некоторые потери в живой силе. Военное командование отмечает, что египетские части, переправившиеся через Суэцкий канал, уничтожили израильские танки и подразделения моторизованной пехоты, которые пытались провести контратаку против египтян после захода солнца.

В коммюнике сирийского командования говорится, что в 6.15 утра израильские самолеты «начали бомбардировку Голанских высот. В бои вступили наши самолеты и ПВО. 10 самолетов противника было сбито, наши самолеты возвратились на базу без потерь».

Военный представитель Сирии заявил, что сирийские вооруженные силы потопили в морском бою в районе порта Латакия 4 корабля израильских ВМС и сбили 2 вертолета.

Выступая по радио и телевидению, М. Даян заявил, что его войска ведут ожесточенные бои на обоих фронтах. Даян признал, что Израиль понес потери в людях на фронте Суэцкого канала и утратил нек[illegible] позиции.

Президент АРЕ А. Садат направил в адрес секретариата Лиги арабских стран послание «относительно пакта совместной обороны арабских государств». Этим пактом предусматриваются совместные оборонительные действия всех арабских государств в случае агрессии против одного из них.

Руководители Марокко, Судана, Северного Йемена, Алжира и других арабских стран выразили готовность оказать любую помощь Египту и Сирии в отражении израильской агрессии.

Представитель госдепартамента США Макклоски сообщил, что состоялось два заседания вашингтонской группы специальных действий, на которых обсуждался вооруженный конфликт между Израилем и арабскими странами. В них участвовали руководящие работники госдепартамента, директор ЦРУ и члены национального Совета безопасности.

Агентство ЮПИ передает: Представитель американского 6-го флота в Средиземном море заявил, что флот внимательно следит за положением на Ближнем Востоке. Министерство обороны США сообщило, что командующий 6-м флотом отменил все увольнения на берег и приказал всему американскому военно-морскому персоналу в районе Афин немедленно вернуться на свои корабли.

Министр иностранных дел Египта аз-Заият в письме на имя председателя Генеральной Ассамблеи ООН обвинил Израиль в том, что он совершил акт агрессии против Египта и Сирии. Постоянное представительство Сирии при ООН распространило заявление о «заранее спланированном и неспровоцированном нападении» Израиля на Сирию.

Советское правительство выступило с Заявлением, в котором осудило захватническую политику Израиля и решительно поддержало законное требование арабских государств об освобождении всех оккупированных Израилем в 1967 году арабских территорий и обеспечении законных прав арабского народа Палестины.

Ирак объявил о национализации всех активов американских нефтяных компаний «Стандард ойл оф Джерси» и «Мобил ойл корпорейшн». В сообщении радио Багдада это решение связывается с израильской агрессией на Ближнем Востоке.

Верховное командование вооруженных сил Египта в коммюнике, опубликованном в 9.55 по московскому времени, заявило: «Наши вооруженные силы продолжают переправу на Синайский полуостров и ведут бои с противником, нанося ему большие потери в живой силе и технике. Крупные соединения самолетов противника сегодня с утра пытались бомбить некоторые аэродромы, но были перехвачены нашими истребителями и частями ПВО. Пять самолетов противника было сбито. Воздушные налеты противника не достигли цели».

В очередной сводке военного командования сирийской армии, переданной в 9.20, сообщается, что рано утром произошел воздушный бой сирийских истребителей с самолетами противника. В результате 4 израильских самолета было сбито. Сирийская авиация потерь не понесла.

Радио Ирака сообщило, что 12 иракских самолетов, базирующихся в Египте, приняли участие в воздушном бою с израильскими самолетами.

Агентство Рейтер из Тель-Авива: Бои на Голанских высотах продолжались сегодня на всем протяжении линии прекращения огня. В трех пунктах сирийские танки продвинулись на несколько километров.

В очередном коммюнике верховного командования египетских вооруженных сил говорится: «После того как наши войска успешно провели операцию на Синайском полуострове, в 11 часов по местному времени противник сконцентрировал под прикрытием военно-воздушных сил свои бронетанковые части для проведения контратаки в северном и южном секторах фронта. Наши наземные войска при поддержке истребителей - бомбардировщиков, сильного артиллерийского заградительного огня, под прикрытием частей противовоздушной обороны полностью отразили контратаки противника, нанеся ему тяжелые потери в танках и живой силе. Захвачено несколько пленных. Части противника начали отступление в восточном направлении».

Сирийское военное командование сообщило, что в 11.40 по местному времени несколько групп боевых самолетов противника предприняли попытку нанести бомбовый удар по военным лагерям сирийской армии в районе Катана и Дераа, а также по позициям средств противовоздушной обороны. Эта попытка была сорвана огнем зенитчиков. В ходе отражения атаки 18 израильских самолетов было сбито. Большинство из них упало на территории Сирии.

В других коммюнике говорится, что сирийские самолеты и зенитные ракеты сбили 24 израильских самолета, которые атаковали объекты в глубинных районах Сирии. В результате в течение дня было сбито в общей сложности 40 израильских самолетов.

Агентство Франс Пресс из Бейрута: Сейчас, менее чем 24 часа спустя после начала военных действий на Ближнем Востоке, район операций и интенсивность боев, по-видимому, расширяются.

В последней (12-й) сводке египетского военного командования говорится: «Наши военно-воздушные подразделения нанесли удары по позициям противника в центральной и северной частях Синайского полуострова. Атакованы командные пункты, артиллерийские батареи, места расположения частей израильской противовоздушной обороны. Противник понес тяжелые потери в живой силе и технике. Все наши самолеты, кроме одного, благополучно вернулись на базу. ВВС противника пытались атаковать наши наземные части на севере Синая, но были встречены египетскими истребителями. Сбито два израильских самолета».

Представитель военного командования Сирии заявил. «Во второй половине дня ВВС противника бомбардировали наши передовые силы, чтобы остановить их наступление. Сирийские противовоздушные подразделения открыли ответный огонь и сбили один самолет на Голанских высотах. Остальные вражеские самолеты повернули назад».

Министерство обороны США объявило, что часть кораблей американского 6-го флота вышла в Средиземное море. Иностранные агентства сообщают, что афинский порт покинули американский авианосец и 3 эсминца.

Председатель сенатской комиссии по иностранным делам У. Фулбрайт осудил «экспансионистские устремления Израиля» и высказался за скорейшее мирное урегулирование ближневосточного конфликта в рамках ООН.

8 октября

В утренней сводке верховного командования вооруженных сил Египта говорится, что египетские войска, форсировавшие Суэцкий канал, продолжают продвижение в восточном направлении, нанося большие потери противнику в живой силе и технике. За два дня боев противник потерял 57 самолетов и 92 танка. Потери египетской стороны составили 21 самолет. ВВС Израиля пытались атаковать египетские наземные части на севере Синая, но были встречены истребителями. Сбито два израильских самолета.

Верховное командование Египта опровергло утверждения Израиля об уничтожении наведенных египетскими вооруженными силами мостов через Суэцкий канал. «Наши войска,— отмечается в сводке,—включая танки, пехотные части и артиллерию, успешно продолжают переправу на восточный берег канала».

В сводке военного командования сирийской армии сообщается, что в течение вчерашнего дня сирийские войска заняли большую часть территории Голанских высот на центральном участке фронта. При попытке израильской авиации нанести бомбовый удар по трем сирийским аэродромам сбито 12 самолетов противника. В итоге общее число израильских самолетов, уничтоженных сегодня к 8.15 утра по местному времени, составило 21.

Советник президента АРЕ по вопросам печати А. Горбаль, выступая по телевидению, отметил, что нынешняя битва с Израилем является ответом на вероломное нападение Израиля на Египет и Сирию. Единственной целью навязанной нам битвы, сказал он, мы считаем освобождение наших оккупированных территорий.

* * *

Когда верстался этот номер газеты, сообщения о военных действиях на Ближнем Востоке продолжали поступать...

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

«ГЕНЕРАЛЫ—НОВАЯ ЭЛИТА»

Статья американского журналиста Теренса Смита, публикуемая нами с самыми несущественными сокращениями, появилась в газете «Геральд трибюн» до того, как 6 октября после полудня на Ближнем Востоке снова вспыхнули военные действия. Однако приводимые им данные об активной роли военщины в политической жизни Израиля делают ее актуальной именно сегодня.

А факты таковы. Генералы входят в правительство. Генералы баллотируются в парламент (выборы в который назначены на 29 октября). Генералы формулируют «платформы» политических партий. Генералы «парашютируют» (новый израильский сленг) на должности управляющих крупнейших промышленных предприятий страны. И т. д. и т. п. Обо всем этом Теренс Смит пишет. И можно было бы назвать это «военной техноструктурой» (как сделал недавно итальянский буржуазным еженедельник «Эспрессо»). Но точнее все же будет сказать: в Израиле складывается мощный военно-политико-промышленный комплекс, возводящий насилие и разбой в ранг государственной политики.

Такого вывода Теренс Смит, понятно, не делает. Он лишь соглашается с тем, что «армия прочно вросла в жизнь Израиля», что для американского журналиста, печатающегося в большой прессе, уже немало. Зато не таятся сами израильские генералы. Отбросив всякий камуфляж, они дешифруют свою экспансионистскую программу.

Моше Даян, принадлежащий к так называемой рабочей партии, требует продолжения израильской оккупации арабских территорий. А его конкурент из «оппозиционной» националистической партии «Гахал» Арик Агарон открыто выдвигает тезис о «большом Израиле» — от Суэцкого канала до Иордана и от Голанских высот до Шарм-аш-Шейха.

Разницы, как видим, никакой. Откровенно агрессивные платформы того и другого генерала «в конечном счете совпадают», что и не замедлил подчеркнуть в упоминавшейся нами статье еженедельник «Эспрессо». Но совпадают они потому, что в разных выражениях передают самую суть захватнических планов израильской военщины, чье существование было бы невозможно без покровительства империалистических кругов, потворствующих Израилю. Тем более невозможны были бы без их поддержки военные действия, ведущиеся сейчас на Ближнем Востоке.

Военные, которые в Израиле уходят в отставку с действительной службы по достижении 45 лет, выдвигаются на самые высокие посты в промышленности, финансах и торговле, коммунальном хозяйстве и в университетах. В трех крупнейших университетах Израиля руководящие посты занимают отставные генералы, а еще в двух университетах бывшие генералы являются президентами.

Бывшие генералы проникают на руководящие должности в сферы, казалось бы, самые неожиданные. Авраам Иоффе, командовавший танковыми войсками, сейчас возглавляет управление сырьевых резервов.

Прежний высший командный состав вооруженных сил страны превращается таким образом в новую элиту израильского общества. Один, так сказать, «слышимый» результат — это проникновение с недавних пор в деловой язык очень лаконичного, жаргонного говора, который так и назвали «генеральским».

Два профессора университета Хайфы — Габриэль Бен-Дор и Шевах Вейсс — опубликовали недавно детальнейшее исследование о влиянии высшего командного состава на политическую жизнь Израиля. Оно называется «Израильские военные в штатском».

«Армия стала в высшей степени влиятельной силой в израильской политике», — пишут они.

Бен-Дор и Вейсс изучили биографии всех высокопоставленных израильских офицеров и генералов, которые вышли в отставку начиная с 1950 года. Их вывод: после войны 1967 года все больше военных посвящало себя политической деятельности.

Они отмечают, что политические партии часто сами зазывают в свои ряды генералов: «Каждая политическая группировка ищет себе своего генерала, чтобы добиться популярности на выборах».

«Мы пользуемся влиянием, — говорит Эзер Вейцман, бывший командующий военно-воздушными силами Израиля, вышедший в отставку три года назад, чтобы войти в правительство, а сейчас являющийся председателем правой партии «Херут», — И на нас смотрят, как на людей, имеющих опыт в том, как надо решать неотложные дела».

Бывший генерал Шломо Лахат, командовавший Суэцким фронтом в 1969—1970 годах, а теперь собирающийся баллотироваться на должность мэра Тель-Авива, говорит: «Все знают, что никакого опыта, касающегося городского управления, у меня нет, но зато у меня свой подход к делу».

Генерал «ястребиного» склада Ариэль Шарон, командующий южным фронтом, 15 июля этого года подал в отставку. Но не прошло и 48 часов, как он выдвинул свою кандидатуру в парламент.

Другие генералы, которые будут баллотироваться на выборах по списку правящей партии,— это бывший начальник генерального штаба Ицхак Рабин, занимавший вплоть до весны этого года пост израильского посла в Вашингтоне, и бывший генерал-майор Аарон Ярив, шеф разведки, покинувший армию несколько месяцев назад, чтобы сделаться специальным советником премьер-министра Голды Меир по вопросам безопасности.

Большой процент уходящих в отставку высших военных чинов поступает на высокие управленческие должности в государственном и частном секторах промышленности. Меир Амит, бывший начальник оперативного отдела генштаба, в течение семи лет возглавлявший израильскую службу безопасности, ушел в отставку в 1968 году, чтобы стать президентом корпорации «Коор», контролирующей пятую часть всех промышленных предприятий страны. Дан Толковски, бывший командующий ВВС,— сейчас главный управляющий могущественной группой банков.

Бывший генералитет — это также и своего рода компания взаимопомощи по устройству на работу коллег, которые находятся пока на военной службе. Меир Амит устроил семь бывших генералов на высокие управленческие должности в «Коор». Отставной генерал Узи Наркисс, нынешний заведующий иммиграционным отделом «еврейского агентства», семь из 15 высоких должностей в своем отделе заполнил бывшими военными.

Отставные израильские генералы свили себе таким образом теплое гнездышко в израильском обществе. Их часто можно увидеть в самых фешенебельных ресторанах Тель-Авива, в первых рядах на премьерах спектаклей и фильмов. На радио и телевидении они часто выступают в различных программах. Жены их заседают в правлениях благотворительных организаций.

Многие более пожилые генералы живут в комфортабельных домах «армейских предместий» Тель-Авива, таких, как Захала и Неве Маген. Эти дома, построенные армией в 50-х годах,— сейчас самая вожделенная недвижимость в районе Тель-Авива. Так, один из самых богатых домов в Захале принадлежит министру обороны Моше Даяну...

ИНЕРЦИЯ

Георгий РАДОВ

ФИЗИК СКАЖЕТ, ЧТО БЕЗ ИНЕРЦИИ НЕТ ДВИЖЕНИЯ. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПИСАТЕЛЯ ГЕОРГИЯ РАДОВА НАПРАВЛЕН ПРОТИВ ТОЙ ИНЕРЦИИ, КОТОРАЯ МЕШАЕТ НАШЕМУ ДВИЖЕНИЮ ВПЕРЕД.

4. ТО, ЧТО ЗРИМО...

Из своих блокнотов, писем читателей, газетных вырезок выбираю нарочно примеры самые элементарные, видимые невооруженным глазом...

Есть инерция ошибки, допущенной второпях, но потом повторяемой с железным упорством. Замечено, например, что плохая книжка, выпущенная по недосмотру одного редактора, тотчас же обретает способность к продлению жизни, к переизданиям. Если критика не установит, что она абсолютно вредна (а лишь зафиксирует, что «серая»), — перед ней так или иначе, не сегодня, так завтра, не в одном издательстве, так в другом снова зажжется зеленый огонек печатной машины. Однажды попал мне под руку сборник стихов, и, раскрыв его наугад, я замер над строчками:

У твоей собаки злой
Я галош оставил свой...

Так было и написано: «галош» — в мужском роде. И напечатано на меловой бумаге тиражом тридцать тысяч экземпляров. Были в книжке и еще «галоши» — стихи сырые, небрежные, пустопорожние. Но зайдя в библиотеку, уже из любопытства я взял несколько сборников того же поэта: упомянутый «галош» наличествовал в двух, хотя редакторы у них были разные. И я понял, что тут действует некий гипноз типографского исполнения: если бы поэт разносил по издательствам свои «галоши», напечатанные на машинке, их, может, и «завернули» бы. Но исполнено-то было в типографии, и этим (в том и гипноз!) как бы обречено повторение...

Есть инерция устаревших моделей, образцов, немодных изделий, с которой сталкиваешься в магазинах едва ли не на каждом шагу. Спрос на них упал, и склады ломятся, а «раскочегаренные» цехи продолжают гнать и гнать эти постылые изделия, которые тотчас же за воротами превращаются в «неликвиды»... Есть в этом момент чисто психологический: я думаю о душевном состоянии хороших, работящих людей, которые небось усердствуют, «горят на работе». Есть у них все как положено — и ритм, и соревнование, и бригады коммунистического труда, — нет лишь единственного: не могут полюбоваться плодами трудов своих. Более того, стыдятся этих плодов и, наверное, стесняются признаться знакомым, что своими руками гонят и гонят осточертевшие всем предметы, от которых отворачиваются их собственные жены. Не безнравственно ли считать такую работу соревнованием? Оно же, соревнование, потому и зовется социалистическим, что имеет цель приносить пользу обществу. Пользу, а не «мертвый» капитал...

Есть инерция неряшливости, неаккуратности, брака-бедствия. Но...

Хочу выделить, однако, один вид инерции — во всех случаях она обходится нам чрезвычайно дорого...

Это инерция длительной нерешенности какой-то проблемы, вопроса, которые настолько назрели, что просто-таки стучатся в двери, но не решаются, не решаются, а время идет...

Когда возвращаешься из села, блокноты испещрены вопросительными знаками. «Почему, — спрашивают трактористы и комбайнеры, — так долго не решена до конца проблема запасных частей? Положение с ними, разумеется, улучшается, некоторых частей становится больше, даже в достатке, но внезапно возникает дефицит на другие. Почему же вопрос не решить до конца?»

А и впрямь, — почему?

В мае сидел я на предуборочном совещании в Курганинском районе на Кубани. Докладывал управляющий «Сельхозтехникой»: наклонных транспортеров не обещаем... Таких-то ремней не обещаем, таких-то подшипников не обещаем. Длинный список, и все — «не обещаем», «не обещаем». Его даже не критиковали: раз он не обещает, значит, и ему не обещают. Только сосед мой, пожилой тракторист, Герой Социалистического Труда, сказал с горечью: «Нет, наверно, не дослужу до полного порядка с запчастями! Сорок лет — то одной не хватает, то другой нема. Два года до пенсии... Нет, с такими снабженцами, — он показал куда-то на потолок, — не дослужу!»

5. ВИЗИТ К МИЛОМУ СОБЕСЕДНИКУ

И вот настает день, когда в областном или в республиканском центре или в Москве ты с одним из фактов инерции идешь к служащему — не самому главному по этой части, а, наоборот, к непосредственному исполнителю. О нет, сколь бы ни казалась тебе нелепой история, не думай, что ты встретишь человека косного, необразованного, непонимающего и ты ему «откроешь Америку», докажешь, что надо изменить отживший параграф такой-то и т. д. и т. п.

Наоборот, в комнате, куда ты входишь, тебя встречает милый, обходительный и, безусловно, интеллигентный мужчина. Он образован, отменно знает предмет. Да и вообще широко эрудирован, знаком с литературой и любит о ней поговорить. А главное — он твой единомышленник! Так же, как и ты, возмущен инерцией. Более того, он просвещает тебя и насчет других «аналогичных» фактов.

Словом, мы сидим друг против друга, пьем некрепкий конторский чай и вполне согласно возмущаемся одним и тем же. И если знакомы давно и беседа доверительна, то возмущаемся еще больше, потому что собеседник снабжает дополнительной информацией о непорядках в своей конторе. Он осуждает их, эти непорядки, не менее горячо, чем ты, даже более горячо, потому что сталкивается с ними ежедневно, и ты видишь, что душа его страдает...

И уходишь растроганный, довольный, что поговорил с умным человеком, встретил полное взаимопонимание. И только где-то на лестнице спохватываешься: а что, собственно, сказал утешительного твой милый собеседник насчет того факта, с которым ты к нему приходил?

А ничего он не сказал утешительного!

Правда, когда от тем общих вы подошли к конкретной, частной, он несколько изменился. Стал не возмущаться, а жаловаться. И рассказал, насколько то, что казалось тебе ясным, — насколько же это не просто!

Но ты и сам это знал. Ты знал, что совсем непросто, допустим, одним взмахом руки решить вопрос о запасных частях. Два с лишним миллиона тракторов разных марок! Не унифицированные узлы. Разные заводы. Как увязать, как синхронизировать все это?! Сложно!

И хотя пришел к собеседнику не с таким глобальным вопросом, а куда меньшим, но ведь все равно — сложности! За что ни возьмись — остановить инерцию не просто! Нужны и усилия, и деньги, и риск ответственности. А потом не все решается в одной комнате: у милого собеседника есть и партнеры, и начальники, и нужны их «визы», согласия и т. д. и т. п.

Однако, посвятив тебя во все это, собеседник как бы и обнадежил. Он сказал: «мы будем ставить вопрос», или: «мы ставим вопрос», или: «мы поставили вопрос».

Странное дело, вспоминаешь ты, возвращаясь от милого собеседника, это выражение «поставлю вопрос» никогда не слыхал в колхозах. Невозможно себе вообразить, чтобы председатель, когда у него из-за недостающей детали (той, что «не обещала» «Сельхозтехника») стоит комбайн, а хлеб осыпается, оправдывался: «Я поставил вопрос!» Скорее в такой ситуации он будет не «вопросы ставить», а, как говорится, расшибется в лепешку, но правдами и неправдами достанет дефицитную часть. Он сделает это не потому, что умнее твоего собеседника. А потому, что у него, председателя, «горит»: хлеб осыпается.

А «горит» ли у твоего милого собеседника?

Чтобы выяснить это, ты приходишь вторично. И опять чай, и разговор о литературе, и о сложностях, и о «вилах», и проч. и проч. Ты спрашиваешь: а что все-таки конкретно сделал он сам, твой собеседник, не менее тебя возмущенный фактом инерции? Что предпринял? Он-то непосредственно ведет дело и лучше всех знает обстоятельства.

И тогда, как он говорит, «между нами, не для печати», сообщаются новые подробности. Вариантов несколько. Или, по его словам, у него, собеседника, несведущий начальник, да к тому же и мнительный: в каждом предложении ему мнится «подтекст», «подвох» и «пробить» у него ничего нельзя, а обходить не положено. Или будто бы начальник, напротив, сведущ, но стар, готовится к пенсии, хочет получить «персоналку» и потому, боясь обострения отношений, ничего не решает определенно. Или партнер слева неаккуратен, он виноват во всех проволочках, но ссориться с таким партнером не в интересах их конторы: зависимы от него в других делах. Или — совсем неожиданное — начальник пришел новый и разумный, но не хочет порочить предшественника и не поднимает «старых» вопросов, а дело, по которому ты пришел, как раз такого характера: его тянул и тянул предшественник...

В общем, как ты выясняешь, дело обросло массой привходящих обстоятельств, не имеющих к нему ни малейшего отношения.

Ах, эти «привходящие моменты»! Кто считал, в какую копеечку они обходятся: чьи-то самолюбия, «больные мозоли», нежелание «портить отношения» там, где они во имя дела должны быть непременно испорчены... и т. д. и т. п.

По лицу милого собеседника я вижу, что уж он-то учел и взвесил все «привходящие» и будет ими руководствоваться неукоснительно! Не ущемит ничьего самолюбия, не обидит ни одного партнера, не вызовет ни единственного косого взгляда. То есть он отступит от первого же препятствия. И ведь окажется в «полном порядке»: «вопрос» он «ставил» — докладные в папочке, налицо. Безопасность обеспечена. А сам «вопрос» будет загублен или повиснет на годы, пока, наконец, за него не возьмется совсем другой работник — и энергичный, и не робкого десятка. Что же с моим собеседником?

Как понимает дело! Как возмущался несообразностью! Так что же — просто робок, а говоря грубее, труслив? Пришел таким или стал таким? Значит, инерция робости? А может, безответственности?!

6. ХАРАКТЕР

Я долго не брался за эту тему. Листаю блокноты минувших лет: десятки записей о ней, инерции. Но чего-то не хватало для откровенного — без недомолвок — разговора. Теперь вижу, чего...

Трудно «сковырнуть» устаревший «пунктик»? Трудно «снять с повестки дня» вопрос о запасных частях? Да, трудно.

Но скажите: легко ли было в масштабах всей страны решить проблему «яичную»? Припомните, как и где неслись куры еще в начале прошлого десятилетия? Они неслись на примитивных насестах десятков тысяч мелких кустарных ферм. Это было ужасно неудобно (не курам, а людям) и столь же ужасно невыгодно: знаю колхозы, в которых одно яйцо (одно, а не десяток!) обходилось в трешку! То есть яичко было даже не золотым, а бриллиантовым. И так, по инерции, шло годами, десятилетиями! На посеве, уборке уже царствовали машины, а на птицефермах сотни тысяч птичниц (а может, и миллионы!) на подола — цыц-цыц-цыц — кормили хохлаток и петушков...

И вот инерция эта...

Она была не приторможена. Оборвана! «Заколдованный» круг разорвали: по всей стране возникли крупные птицефабрики.

У нас еще не написана ода Птицеферме, а он стоит того. И соль опять-таки не в одном лишь экономическом эффекте (курица наконец-то стала «нести» миллионы рублей прибыли!), но и в эффекте социальном. В отличие от прополки, куда не хотят идти внучки моих ровесниц, на птицефабрики охотно идет молодежь...

Но легко ли это было: в короткий сравнительно срок создать на селе, в сущности, целую промышленность? Во всех отношениях — и в организационном, и в техническом, и в финансовом — это было чрезвычайно нелегко. Может быть, нисколько не проще, чем решить проблему запасных частей. Но ведь сделали...

И тут я усматриваю, кроме всего прочего, проявление характера, совсем не похожего на характер некоторых моих «милых собеседников». Характера, который в борьбе с инерцией не шел на компромиссы, не «ставил вопросы», а решал их.

И тот же характер и «почерк» заметил я на Алтае. Остановить эрозию, за несколько лет перестроить на новой основе земледелие огромного края — это можно было совершить, только обладая характером решительным! Трудностей у алтайских товарищей было ей-ей не меньше, чем в любом из приведенных мною случаев инерции. А там, на Алтае, действовала именно инерция: многолетняя, а у многих и врожденная привычка к плугу, к лемешной отвальной вспашке, распыляющей землю и приведшей к беде, к черным бурям. И эта инерция была прекращена, побеждена решительностью и руководителей края, и их соратников в районах и совхозах.

Какой тут был нужен твердый характер!

И пусть извинят меня товарищи, возглавляющие «Союзсельхозтехнику» и Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, но к действиям этих ведомств, беспрерывно «ставящих вопрос» о запчастях, люди из колхозов и совхозов как раз и не видят такого характера, такой решительности, такого государственного размаха, какие просматриваются и в перестройке «птичьего дела», и в борьбе с эрозией на Алтае!

Конечно, — правы трактористы — и сводки показывают, что запасных частей постепенно становится больше, а дефицитных меньше. Но инерция хронической нехватки запчастей не преодолена, а ведь никто не считал, во сколько миллионов тонн хлеба она нам обходится ежегодно!

Так, значит, то, что у нас одновременно одни проблемы решаются быстро, в полном объеме, другие же «повисают» на годы, значит, это зависит лишь от характера исполнителей? Одни — смелые, энергичные? Другие — инертные, робкие? Погожу с ответом. Напомню еще один, белгородский урок.

Они-то, белгородцы, имели дело не только с давней, но и с закоренелой инерцией: мелкие, убыточные фермы с ручным трудом, постоянная нехватка рабочих рук! В других, в том числе и соседних областях, тоже понимали бесперспективность такого пути, однако на решительные меры не шли, пробавлялись полумерами, а грубее говоря, латали старье.

Теперь-то, когда область вышла на первое место в Федерации, когда фермы у нее намного рентабельнее, чем где-нибудь, когда на пятидесяти восьми крупных комплексах работают люди совсем иной квалификации, а ручной труд изгнан, — ясно видно, какая совершена крупная революционная и во всех отношениях перспективная акция!

Но бог ты мой, что за трудности полезли! Не было, напомню, ни проектов, ни комплектного оборудования, ни специалистов, ни опыта, и официальная наука не сразу дала «добро»: один из главных застрельщиков специализации однажды ушел с ученого совета и высмеянный, и обозванный авантюристом.

Но что же было главным в характере и законодателей, и исполнителей белгородского дела? Упрямство? Упорство? Нет, была глубочайшая убежденность в единственности выбранного пути. И решимость все сделать без проволочек. И как тот председатель, который при виде остановившегося комбайна не «ставит вопросы», а спешит пустить машину, потому что «горит»: хлеб осыпается, — так и белгородцы чувствовали, что «горит» именно у них, а не у кого-нибудь, что именно они, а не кто-нибудь, отвечают за дело, и только от них — и от каждого лично! — страна ждет поступка, действия, а не отписок и отговорок.

Но разве не натыкались на препятствия? На мелкие, а порой и не мелкие самолюбия? На издержки «субординации»? На чьи-то привходящие «интересы»? Но ведь отбрасывали все привходящее, потому что на первом плане стояло дело, и только дело...

Я люблю белгородцев, вижу сегодня их некоторых и постаревшими, и, увы, с надорванным здоровьем: нелегко дался опыт! Но теперь-то, имея в запасе этот пример (как и алтайский, и «птицепромовский», да и мало ли других подобных!), можно по-иному себя чувствовать и в диалогах с некоторыми собеседниками...

...Милый собеседник объясняет мне сложность очередной ситуации и как пасьянс раскладывает: И. В. на это не пойдет, а П. С. только принял дела — вряд ли решится. А потом надо просить деньги у Н. С., а он... Так что придется ставить не во всем объеме, а пока... Он смотрит на меня добрыми, умными глазами, ищет сочувствия: ведь вот как все непросто, а вы небось думаете, что аппаратная служба — мед...

Нет, я думаю о другом! Как же тебя, компетентного, все понимающего, как же лишить тебя этой трусости, робости, этого обывательского стремления спрятаться под бумажным крылом очередной отписки? Как сделать тебя смелым? Какую еще меру придумать, чтобы каждый случай, чтобы он «горел» именно у тебя? Чтобы нерешительность не создавала тебе житейских удобств, а, наоборот, грозила неприятностями? А спокойствие и всяческие блага были гарантированы только за твою решительность, гражданскую смелость и прямоту? Что придумать? Какое тут нужно нововведение?

7. КОЕ-ЧТО О ПРЕСТИЖЕ

Когда на сцене рядом с мудрым колхозным председателем появляется некто в синем, именуемый в программке «представителем главка» или иного ведомства, то поднаторевшие на таких спектаклях зрители тотчас угадывают, что сей «представитель» будет и глупее председателя и потребует от колхоза нечто смешное, ненужное, что-нибудь для «показухи», «птички» в отчете...

Тоже инерция. Тех-кино-стереотип. Штамп. По-моему, в общем-то малополезный. И не потому, что подрывает престиж важной и сложной профессии управляющего, или, как в просторечье его зовут, «управленца», «аппаратчика» (этого, кстати, делать тоже не след!). А потому, что стереотип этот основан на предположении, будто место красит человека, а не наоборот. Будто раз председатель — от земли, он непременно хорош. А раз «представитель» — от канцелярского стола, уже заведомо чиновник...

А я много, много лет знаю «аппаратчицу», которая всю жизнь, до самой пенсии занималась семенами огромного края. Не начальница, рядовая служащая с небольшим жалованьем. Не получала она ни премий, ни «прогрессивок», ушла на пенсию без медалей и орденов, да и благодарности, уж не знаю, успели ли вписать в ее трудовую книжку. Может, и не успели. Но семенами она управляла мастерски, дружила с селекционерами, всегда точно знала, где достать элиту и «суперэлиту». И мужественной была: никакими угрозами нельзя было заставить ее занаряжать в колхозы зерно неполноценное либо не районированного сорта. А как, «не взирая на лица», схватывалась она с тем ретивым начальством, что для рапорта норовило сдать сортовые семена в заготовки! Кабинета у нее не было, но у старенького двухтумбового стола всегда кучковались люди из сел. Недавно старый председатель, вернувшись из города, пожалел: «Ах, как нам не хватает Антонины Степановны...»

Когда встречаешь в конторах таких работников — а случается это, по правде сказать, все чаще, — всегда чувствуешь себя виноватым. Мало, ох, как мало заботимся мы о престиже хорошего служащего управленческой сферы. Еще и подходящего названия не нашли для него. Я рылся в словарях, нашел там и «управленца», и «аппаратчика», но что-то есть пренебрежительное в этих словах. А в «администраторе», «организаторе», «управляющем» есть свой, прямой, узкий смысл. Хотелось же найти что-то всеобщее, благозвучное, теплое...

Хорошо ли ему, нашему управленцу, живется? Каков у него, у каждого, «климат»? Превосходный совхозный инженер, которого повысили, перевели в управление, на днях жаловался, что переменилось к нему отношение. Вроде бы и ценят, но... Был в совхозе — и на любом совещании давали ему слово: как же — человек «с места»! Теперь же на трибуны совсем не зовут. «Как будто я глупее стал, — обижался инженер. — А я, наоборот, сейчас вижу больше, помотался по другим хозяйствам, так выслушайте, может, и я предложу что-то дельное...»

Смотрел я на него с тревогой. А ну, как вовсе разочаруется в должности? В совхозе чувствовал себя «на коне», а тут убедится, что не слушают, не внимают, не считаются с его мнением, — и станет равнодушным? А мужик дельный, с глубинным зрением и хорошим нюхом на новшество и настойчивый, пробивной. Не потерять бы его...

Что-то у нас тут не додумано, не сделано для престижа, как, впрочем, и для материального стимулирования хороших управленцев. А надо бы чем-то — но обязательно! — отличать их от тех дипломированных лентяев, которые встречаются не только в полях, но и в конторах. Как, впрочем, и от милых, но робких.

И тут я позволю себе вернуться к очерку «Безнаказанность» («ЛГ» от 21 марта 1973 г.).

На очерк пришли и были опубликованы официальные ответы. Факты подтвердились. Но читатели спрашивают: а какую, допустим, понесли ответственность лица, которые — помните? — строили в селе Панфилово под Волгоградом сыродельный завод, вбухали в него миллион с лишним казенных рублей, а потом прикрыли стройку, обнаружив, что завод, оказывается, не обеспечен сырьем?

В ответах министра мясной и молочной промышленности РСФСР тов. Конарыгина и прокуратуры СССР причина бесхозяйственности уточнена. Как установила прокуратура, «технико-экономическое обоснование строительства Панфиловского сырзавода... разработано в 1959 году на основании плановых данных о развитии животноводства в этой зоне. Плановые данные оказались ошибочными...» Далее сообщается: «В связи с давностью указанных фактов бесхозяйственности в настоящее время нет законных оснований для привлечения к ответственности виновных лиц...».

Все верно, если иметь в виду виновников ошибки, допущенной в районе в 1959 году. Но в очерке-то речь шла о бесхозяйственности, допущенной министерством, которое тратило деньги на стройку завода вплоть до 1971 года включительно и прекратило расходы не по своей инициативе, а лишь после вмешательства областных организаций (1971 год — какая уж тут давность?!).

Но может, министерство и не виновно? Ошибалось-то не оно? Но в самом ответе говорится, что «министерство потребовало от начальников главных управлений и производственных объединений в дальнейшем тщательно анализировать технико-экономические обоснования строительства новых предприятий». «В дальнейшем...» — как это понимать? Министерство берет на себя дополнительные обязанности, так сказать, ранее не предусмотренные? А вчера это требование — «анализировать» — не входило в его функции?

Я возвращаюсь к этому случаю потому, что в нем инерция безответственности видна абсолютно отчетливо. Посмотрите, какого рода «ошибку» допустили в Панфилове. Там «просчитались» на двадцать тысяч тонн молока (а это при среднем надое в тех местах — годовая продукция десяти тысяч коров, то есть пяти крупных индустриальных молочных комплексов или пятидесяти «средних» ферм). Ну, допустим, тогда, в пятьдесят девятом, в районе прожектерствовали и этого — по тем давним обстоятельствам — министерство не заметило. Но вот завод спроектировали, начали строить. Ежегодно министерство утверждало очередные ассигнования. Неужто ни разу до последнего времени не возникла надобность проверить «плановые данные» пятьдесят девятого года? Реальны ли они? Молоко-то не глина — это сырье «живое», его надо произвести! И десять тысяч коров надо вырастить, и разместить, и обеспечить кормами. Значит, элементарная обязанность заказчика, финансирующего строительство завода, состояла в том, чтобы постоянно держать под контролем: а как там, в зоне, готовится сырье?

Но может, у него, министерства, сотни подобных строек, а аппарат мал — руки не доходили? Нет, одновременно с Панфиловским в республике строилось всего сорок три сырзавода, а штат у министерства достаточен: есть в нем экономисты и плановики, есть и начальник главка, и его замы, есть заместитель министра, ведающий отраслью. Зная предмет, могу утверждать, что любой мало-мальски грамотный специалист министерства, выехав в Панфилово, за полтора часа обнаружил бы просчет: двадцать тысяч тонн молока — не иголка в сене!

Но не проверяли, по инерции штамповали ассигнования. Сотню тысяч за сотней! А теперь всю вину переложили на безымянных районных и областных плановиков. Своему главку тов. Конарыгин поставил в вину единственное: «Проявили медлительность в прекращении...» А то, что ни разу — за несколько лет! — из Москвы не поинтересовались сырьевыми запасами крупной новостройки, — это в порядке вещей? В этом нет безответственности кого-то из ближайших соратников министра? Кого? Министр не назвал ни одного виновника из главка и министерства. Только из областной конторы...

Мне могут сказать: зачем привязался к этому факту? Нужно непременное наказание какого-то (нимарек) служащего? Денег-то все равно не вернешь, а министерство «в дальнейшем» будет «анализировать»...

О дальнейшем-то и забота!

Инерция безответственности, если она поразит и другие главки министерства, ей-ей, обойдется нам дороже одного сыродельного завода!

Тут ведь все дело в масштабах. Недавно, выступая в Ташкенте, товарищ Л. И. Брежнев справедливо заметил, что «сама цена простоев, недобросовестности и ошибок теперь совершенно иная. Одно дело, скажем, получасовой простой человека с лопатой и совсем другое — получасовой простой человека с мощным экскаватором, комбайном, башенным краном. Это совершенно разные вещи». И, естественно, изменилась цена ошибок в управлении экономикой. Служащий, имевший дело вчера с десятками тысяч рублей, сегодня (так мы выросли!) подчас оперирует миллионами, десятками миллионов: о том и беспокойство, чтобы и тут не происходило ошибок и проволочек, переходящих затем в привычку...

8. ПРИГЛАШЕНИЕ К ОПЫТУ

Хочу закончить заметки одним опытом (или, как теперь говорят почти по всем поводам, экспериментом).

Есть конкретный вопрос: вы любите свинину? А если любите, то какую?

Вопрос, как говорится, совсем не праздный. В знакомом колхозе работает комплекс. Он дает тридцать пять тысяч центнеров свинины в год. «Очищает» в колхозную кассу три миллиона рублей прибыли. Все хорошо. Но...

Свинина жирна! Когда она попадет на прилавок, смотреть не хочется. Сала — в ладонь, мяса — тонкая полосочка. А потребитель наш, даже при том, что с мясом бывают перебои и затруднения, — он разборчив. Читает журнал «Здоровье» и соображает, что свиной жир полезен ему лишь до определенного возраста. И когда продают свинину или еще ветчину (что бывает гораздо реже), просит отрезать ему кусочек «постнее». Так почему же хозяйства, которые так старательно работают для него, в конечном счете — для потребителя, упорно не хотят потрафить его вкусу?

Опущу подробности, но колхозные председатели объясняют мне, что при нынешней ситуации хозяйству и проще, и выгоднее производить жирную свинью!

Во-первых, свиной «вал» таким путем получить легче, особенно легко это достигается в совхозах «Скотооткорма» и других откормочных базах. Они берут — еще мясного — подсвинка килограммов, допустим, на семьдесят и быстренько доводят его до «сдаточного» веса, то есть раскармливают — концентратами, разумеется, — каждую хавронью килограммов до ста сорока! При этом, понятно же, нарастает сало...

Во-вторых, не знаю уж почему, но тонна жирной свинины стоит на полтораста рублей дороже, чем мясной (в живом весе!). Так что та самая «постная» свинина, которой так добивается покупатель, она и в буквальном смысле производителю невыгодна.

Но, может, есть тенденция к тому, что они, производители, снизойдут до потребителя? Сколько об этом писали...

Нет, тенденция совсем другая. За последние восемь лет доля мясных свиней в заготовках уменьшилась на десять процентов, беконных — наполовину. Зато доля жирных свиней удвоилась!

Но, возможно, нам, государству, нужен сам по себе свиной жир? Вероятно, нужен. Но почему же мясокомбинаты не снимают его, не перерабатывают, а гонят и гонят в магазины свинину необрезную? Зачем? Городская хозяйка — особенно молодая, — она ведь, схватив с прилавка кусок, в котором сала в ладонь, не знает, как обойтись с жиром, и попросту отрезает его, выкидывает на помойку. Значит, чистый перевод добра?

Так давайте поставим опыт, эксперимент — можно ли быстро остановить эту абсолютно несообразную с потребностями миллионов людей инерцию? Если в нем, в опыте, примут участие Министерство заготовок СССР, Государственный комитет цен Совета Министров СССР, Министерство мясной и молочной промышленности СССР, Министерство торговли СССР, Министерство сельского хозяйства СССР и республиканские министерства совхозов, — уверен, что проблему можно решить...

Уточню вопрос: как сделать продукцию свиноводства — и по ассортименту, и по качеству — соответствующей запросам потребителя?

Если нет возражений, начнем наш опыт безотлагательно. Надеемся: к нашему предложению внимательно отнесутся руководители заинтересованных сторон.

На этом пока и кончим.

Окончание. Начало см. «Литературную газету», № 40, 1973.

РЕПЛИКА

ДЕЛО ОБ ЭТИКЕТКЕ

Как-то во время отпуска я купил в Сочи коробок и был приятно удивлен этикеткой: моя родная Коломна, памятник воинам-землякам. Но почему «дома» никогда не попадались спички с такой этикеткой?

Выяснилось, что этикетки для всех спичечных предприятий страны изготовляет Валабановская экспериментальная фабрика в Калужской области. Ее директор прислал и нам в редакцию коллекцию этикеток заинтересовавшей меня серии «Памятники Великой Отечественной войны». В ней все — первые бои у Бреста и разгром фашистов под Москвой, эпопея Ленинграда, Севастополя, Волгограда... Естественно предположить, что этикетки, связанные с коломенским памятником, окажутся прежде всего в Коломне, связанные с Москвой — в столице и т. д. Но, как показала проверка на месте, из 34 миллионов экземпляров этикеток, посвященных Коломне, в наш город не попало ни одной. Чистая случайность? Я продолжил свое «микроисследование».

«Управление торговли г. Севастополя сообщает, что спички с этикетками «Обелиск героям на Сапун-горе» и «Памятник летчикам Севастополя» в продажу не поступали».

«Облуправление торговли Ворошиловградской области сообщает, что спички с этикетками «Скульптурная группа на Острой могиле», «Знамя не умирает» в нашу торговую сеть не поступали».

«Управление торговли Вильнюсского горисполкома сообщает, что спичечных коробок с изображением памятника генералу Черняховскому в системе торговли г. Вильнюса не имелось».

«Ивано-Франковское управление торговли сообщает, что спички с этикетками «Памятник партизанам-новпановцам в г. Яремче» и «Памятник советским воинам, погибшим при освобождении Ивано-Франковска» в область не поступали».

Такие же ответы из Ровно, Мурманска, Якромы, Арзамаса...

Стремление заполучить для торговой сети Коломны «близкие» нам спички тоже ничем не увенчалось: мы лишь узнали из письма начальника Росхозторга В. Назарова, что «тематика этикеток утверждается художественным советом Минлесдревпрома и снабжение ими фабрик производится без участия Министерства торговли...».

Сначала министерский худсовет собирается вокруг спичечной этикетки, а потом никто не посмотрит, куда отправился коробок.

Б. БЕЛОВОЛОВ,
редактор газеты «Коломенская правда»
гор. КОЛОМНА
Московской области

ГЛАЗАМИ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА

■

КОНФЛИКТНАЯ СИТУАЦИЯ

■

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

В СПОРЕ РОЖДАЕТСЯ ИСТИНА...

Фото В. ЯКОБСОНА и Л. НИСНЕВИЧА

РЕЗОНАНС

ЕЩЕ РАЗ О НАЦИОНАЛЬНОСТИ АНДРЕЙКИ

Я С ИНТЕРЕСОМ прочитал письмо учителя Л. И. Максимова «Как быть с национальностью Андрейки?» («ЛГ», № 33, 1973). Леонид Иванович ставит очень интересный вопрос социальной жизни нашего общества — вопрос о национальности детей от межнациональных браков.

С победой Октября впервые в истории все граждане независимо от национальности, расы и вероисповедания стали равными партнерами в семейных отношениях. Рост межнациональных семей отражает одну из закономерностей развития нового общества — торжество социалистического интернационализма в семейных отношениях.

Конечно, мне могут возразить, что, мол, такие семьи впервые «изобрел» не социализм, они имели место и раньше. Что ж, история дает такие примеры. Но это была история неравноправных браков, история униженных, оскорбленных и «неполноценных» детей, детей, которые не могли и ныне не могут с полным правом отнести себя к национальности одного из родителей. До сих пор во многих странах Западного полушария бытует немало «терминов», указывающих на тот или иной процент индейской, негритянской и белой крови. Так, например, исследователь Кин приводит такую таблицу: потомок испанца и индианки носит наименование ладино, потомок испанца и ладино — настисо, потомок настисо и испанки — эспаньоло, потомок негра и испанки — мулато, потомок испанца и мулатки — морисно, потомок морисно и испанки — альбино и т. д., всего 14 категорий.

В капиталистическом обществе, где существуют национальное угнетение, расовая дискриминация, дети, рожденные от межрасовых браков, стремятся выбирать для себя более «выгодную» национальность. Такова капиталистическая действительность, где люди с детского возраста испытывают двойной гнет — классовый и национальный.

Наши дети при получении паспорта могут выбрать национальность одного из родителей. Это их личное дело. Такова суть социалистического законодательства, отражающего полный демократизм и интернационализм общественной жизни нового строя.

В своем письме в редакцию учитель Максимов ставит вопрос о том, насколько правомерен факт, что детей от межнациональных браков в первом же классе причисляют к какой-то одной национальности родителей. В поисках ответа некоторые родители приходят к мысли, что не лучше ли в подобных случаях вообще отказаться от национальной принадлежности и называться просто советским человеком. Именно к такому варианту склоняется дедушка Андрейки. «Между прочим, — пишет он, — на мой вопрос, который я ему задал в этом году: «Какой ты национальности?» — он ответил: «Я — советский!»

Этот ответ не случаен. Так, в частности, известный советский этнограф В. И. Козлов в своей интересной в целом работе, посвященной динамике численности народов, предлагает называть себя советскими тем людям, кто затрудняется определить свою национальную принадлежность.

Но ведь всем известно, что нет такой нации, которая называлась бы «советская». Есть нации и народности, которые существуют в рамках советского народа. А советский народ как историческая общность людей представляет собой не новую нацию, а общность более высокого порядка, то есть общность межнациональную, интернациональную. Каждый, кого бы из граждан СССР мы ни спросили, прежде всего ответит, что он советский человек, а потом уже назовет, если в этом будет надобность, свою национальность. Следовательно, понятие «советский» отражает не национальную принадлежность, а принадлежность людей всех национальностей к нашему обществу.

Имея в виду детей своего сына, которые родились и живут в городе Иркутске, Леонид Иванович спрашивает: «Какой они национальности? Ведь растут они сибиряками и в среде, где имеются десятки национальностей». Да, в Иркутске живут представители нескольких десятков национальностей. Все они называют себя сибиряками. Но это не этническая, а территориальная их принадлежность. Здесь действуют другие факторы, которые объективно определяют национальное самосознание людей. К их числу относятся национальный состав населения и фактическое соотношение наций в той или иной республике, области и регионе страны.

Если взять национальный состав городского населения Иркутской области (ноль речь идет о конкретном примере), то, по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1970 года, из 1 673 392 человек 1 497 040 человек составляют русские, 63 077 человек — украинцы, 28 333 человека — татары, 18 529 человек — белорусы, 18 295 человек — буряты, 48 118 человек — другие национальности. В такой многонациональной среде дети национальных меньшинств и экстерриториальных групп, естественно, с самого начала ощущают влияние более крупных наций, в данном случае русской, представляющей компактное большинство в городах. Ярким примером этого, по статистическим данным, является рост удельного веса числа людей из других национальностей, считающих родным русский язык.

Национальная принадлежность и родной язык не всегда совпадают, о чем свидетельствует тот факт, что украинцы, белорусы, татары, башкиры и другие, считающие родным языком русский, относили себя к национальности родителей. А таких людей насчитывается 13 миллионов. Вывод ясен: национальное самосознание изменяется медленно, с течением времени, со сменой ряда поколений (количество поколений у разных народов может быть различным), тогда как замена родного языка происходит значительно быстрее.

Советские социологи и этнографы, изучающие развитие межнациональных браков в нашей стране, отмечают, что дети, как правило, принимают национальность отца, если последний является представителем коренного населения республики. А когда браки заключаются между представителями русского народа и других национальных групп, живущих за пределами своей республики, в большинстве случаев дети принимают русскую национальность.

Такая добровольная, естественная ассимиляция не противопоказана социализму. Наоборот, социализм как наиболее прогрессивный общественный строй обеспечивает и ускоряет сближение, а в будущем — слияние социалистических наций.

Асанбек ТАБАЛДИЕВ,
зав. кафедрой исторического материализма Киргизского государственного университета, доктор философских наук

МАГАЗИН № 7
«Подписные издания» «Ленкниги»
ВЫСЫЛАЕТ
наложенным платежом (без задатка) *литературу издательства «Искусство» из серии «Библиотека драматурга»*

Вивиани Р. Пьесы. Перевод с итальянского. 1962. 54 коп.
Выспянский С. Драмы. Перевод с польского. 1963. 30 коп.
Ксенопулос Г. Пьесы. Перевод с греческого. 1963. 30 коп.
Стерия-Попович И. Комедии. Перевод с сербского. 1960. 30 коп.

Адрес магазина: Ленинград, Литейный пр., д. 57

ДОРОГА К КОЛОДЦУ

ОЧЕРК НРАВОВ

Лариса КУЗНЕЦОВА

«Товарищ, читающий сие, прошу поручить корреспонденту помочь нам, старинам, ибо это последний крик души... Мы живем в кошмаре, защиты искать негде. Нам всю зиму стучат в окна, в стены... Нас бьют, да... А в пятнадцатых числах июля соседка облила меня помоями, а потом кидалась биться, бранясь: вот як сугану, то и кричишься... В меня бросили картошкой. Мелочь, скажете, но я вас спрашиваю: где же достоинство человека-гражданина?»

ЭТО ИЗ ПИСЬМА Елены Ивановны Малявко. Живет Елена Ивановна в городе Новогрудке Гродненской области, на улице Мицкевича, 52. Елена Ивановна очень обижена на своих соседей, супругов Запольских, которые в 1966 году купили у Малявко половину домовладения (а домовладение — не только дом, но и сад, но и сарай, погреб, огород, да мало ли что — даже забор). Разногласия между совладельцами начались с того, что сам по себе документ купли-продажи пришлось спустя некоторое время подкреплять еще одним, в котором особо оговаривались условия пользования садом, погребом, сараем... Бумага так и называется — «условия пользования». А поскольку новые соседи не возражали против предложенных им условий, получилось так, что и погреб, и сарай, и бо́льшая часть сада и огорода оставались в прежнем владении Малявко, а дорога со двора на улицу и тропа к колодцу (он на участке) были определены как общие («в общем пользовании»).

Однако отношения, несмотря на «условия», складывались столь неблагоприятно, что Запольские выпросили в горисполкоме разрешение на забор и отгородились от Малявко. Тогда Малявко пришлось бы делать отдельный вход на свою часть усадьбы и длинной — в обход — тропинкой ходить по воду. Малявко обратились в суд, суд отменил забор и подтвердил «договор», раз уж тот был заключен. Забор, признанный незаконным, сломали. Было это в 1971 году.

И все же обида Елены Ивановны на соседей и городские власти была столь велика, что в самые разные инстанции и в самые разные редакции пошли письма, похожие на то, которое я привела.

У писем этих была особенность: они, грамотно и довольно гладко изложенные, изобиловали какими-то неожиданными «плакатными» фразами («культура чести формируется с раннего детства, — писала Елена Ивановна, — к тому же учитель должен раскрыть мир прекрасного вокруг себя, а моя соседка...»). Встречались и странные приблизительности вроде «в пятнадцатых числах июля», но вместе с тем нельзя было не отдать должное далекой и пока не знакомой мне Елене Ивановне за ее бойцовские качества и за то, что — худо ли, бедно ли, — а она уже вчерне сочинила корреспонденцию, какую мне предстояло прописать набело.

СТОЯЛА мартовская оттепель. Было так скользко, что мы с участковым инспектором Новогрудского РОВД младшим лейтенантом милиции Федором Филипповичем Гущей, охая и поддерживая один другого, чтобы не упасть, довольно долго добирались до улицы Мицкевича, 52, хотя ходу туда пять минут.

Мы с Гущей сидели в комнате, не снимая пальто. За перегородкой находился муж Елены Ивановны, Иван Осипович, давно и безнадежно хворавший. До визита к Малявко я уже успела переворошить все бумаги в нужных учреждениях и наслушалась, конечно, всякого, но все же уловила: Ивана Осиповича, всю жизнь проработавшего землемером и в войну партизанившего, в городе уважали, говорили о нем с почтением, о Елене Ивановне — сдержанное и с оглядкой («она везде понаписала разное»), однако по поводу соседской тяжбы была масса туманных намеков, что, дескать, в основе всего лежит грубая старушечья корысть, и Елена Ивановна всеми правдами-неправдами решила выжить молодых из дешево, как ей теперь кажется, проданной им половины.

Елена Ивановна встретила меня, будто уже наверилась, что кто-то приедет, выслушает, и с укоризной сказала после приветствия: «Долго же вы собирались...» Однако к делу перешла сразу. На столе — это я тотчас отметила — лежала стопка газет, среди них — и наша. Когда Елена Ивановна говорила, рука ее лежала на стопке. «Я про свою соседку прямо вам скажу — человек она очень ограниченный, язык ее опережает ум... Уж как раскроет рот, горох и боб смешает... А что было, когда мы шли с суда того, что про забор! Учительница прямо на улице натыкала нам в лицо много фиг. Во дворе тоже совала фиги... Вы думаете (обращаясь к Гуще), раз везде круговая порука, все сойдет? Приходит проверяющий, его потом спрашивают, шо он у нас чуд, а он говорит, шо ничего не чуд! Ведь было же, было (обращаясь ко мне) заведено уголовное дело на этих извергов, когда моего мужа избили, так ведь милиция закрыла его на неграмотном основании... Когда варвары имеют поддержку, им все проверки — точно пугой по воде...» — и Елена Ивановна прижала руки к груди, голос ее дрогнул. Тут вступил в разговор Гуща, хрипловато промолвивший: «Без существа все это, без конкретности...»

Надо было прощаться. Елена Ивановна перегородила мне порог, взяла за рукава пальто и, как бы одергивая их, с настойчивостью педагога проговорила: «Напишите так: конечно, можно нарушать законы советской морали, не нарушая Уголовного кодекса, но мы обязаны дать понять людям, что они творят антиобщественное дело... И еще — из учителей ее выгнать. Это как-нибудь так: морально неустойчивая особа не имеет права... Химия признана приносить пользу человеку, но если смотреть в разрезе...» Все это диктовалось бойко и было как бы заучено, я споткнулась только на слове «признана», но еще раз убедилась, что в сознании Елены Ивановны мой будущий очерк имел вполне завершенную форму.

«БЕЗНАДЕЖНО тупиковая, мелкая тема. Одним словом — «запалинка», — думала я, ковыляя обратно с Гущей по скользкой, как и днем, хотя и схваченной вечерним морозцем улице.

«Звук есть колебание звуковых волн... Поди проверь, стучали соседи другим соседям в стенку или не стучали, — рассуждал Гуща дорогой. — Если доска с забора или от уборной и была оторвана и даже замок сломан, надо ведь установить, чьей рукой,—и Гуща чертил в вечернем воздухе что-то вроде вопросительного знака.—Не-е-т, я не имею права строить своих выводов на «верю — не верю», — добавил он уже у дверей милиции, и его красивое молодое веснушчатое лицо приобрело выражение строгое и официальное. Я же осмелилась высказать мысль, что ни у одного уважающего себя детектива на вверенном ему участке не может долго продолжаться игра в жмурки, когда жалобы есть, а основательной их проверки нет.

В самом деле: факты и события этой истории без конца возникали, но тут же — из-за невозможности их проверить — исчезали. Все таяло и струилось, словно сосулька, зажатая в руке... Даже крупный факт, на который я надеялась («дело» об избиении старика Малявко), оказался не фактом, а постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, подписанным предшественником Гущи на этом участке лейтенантом милиции Братковским и заверенным начальником Новогрудского РОВД О. Н. Быстровым.

Тут передо мной были вроде бы документы, что-то толково составленное, но тоже таявшее в ладони. Заявление Малявко гласило: «13 августа 1971 года, воспользовавшись моим отсутствием, соседи сильно побили моего мужа, больного человека. Прошу снять побои, составить акт и привлечь Запольских к уголовной ответственности». Дата — 16 августа. Почему заявление по столь тревожному поводу составлено тремя днями после происшествия, было неясно, но уже совсем неясно было, почему Иван Осипович осматривался какими-то двумя врачами, чьи подписи «чрезвычайно неразборчивы», спустя еще неделю — 20 числа. Судмедэксперт Новогрудка тов. Харитончик в то время находился в отпуске, надо было вызывать его коллегу из соседнего города, этого не сделали. Прошла еще неделя. Были собраны объяснения, характеристики и проч., на основании чего Братковский пишет: «Муж Малявко Е. И., гр. Малявко И. О. в ее отсутствие находится все время под замком по причине своего тяжелого физического и душевного состояния... Он очень слабого здоровья, часто падает, чем наносит себе телесные повреждения. Факт нанесения побоев не подтвердился...». Однако Елена Ивановна до сих пор говорит — избили, а нам предоставляется право верить либо ей, либо объяснению И. В. Запольского, которое в некотором смысле тоже документ:

«Как-то раз, используя душевное состояние Ивана Осиповича, Елена Ивановна сказала ему изломать собачью будку. Он ломал, а так как силы его чрезвычайно слабы, после каждого удара топор падал в одну сторону, а старик — в другую. Потом она велела ему раскидывать дрова. Он раскидывал. И также палка дров падала в одну сторону, а старик — в другую или же просто на дрова вместе с этими палками... Не отсюда ли побои?.. Раньше он всегда сам останавливал жену, а сейчас она не знает удержу. Даже придумала, что мы подняли на больного руку.

С 1 мая по 30 июня я находился в городе Бобруйске на сессии, а она жаловалась на меня. Были представители, спросили у нее, когда же я мог делать все то, о чем она пишет, она ответила — приезжал ночью и делал!»

А СЕЙЧАС я должна ввести в повествование еще одного активного участника — Филиппович Евдокию Сергеевну из гор. Дубны Московской области, которая (цитирую)

«как заместитель председателя Совета ветеранов труда при обкоме Союза, гор. Москва, ул. Сапунова, 11, порядочно занималась делом Малявко, обращалась в самые высшие дистанции. Однако все проверки проводятся односторонне, травматизм продолжается. За что, интересно знать, проверяющие получают командировочные?» И еще: «Товарищ прокурор, вы мне ответили только с юридической стороны, а фактически?»

Евдокия Сергеевна не только два раза выезжала в Новогрудок, была в Гродно, но и дважды посетила редакцию. Ее участие в нашем сюжете объяснялось близкими родственными отношениями с Еленой Ивановной, но Евдокия Сергеевна неоднократно подчеркивала, что действует вполне официально — как заместитель председателя. На улице Сапунова, 11, увы, я не обнаружила той организации, на какую ссылалась Евдокия Сергеевна, но как бы то ни было, а она привезла в хозяйственной сумке потрясающе обильную свою переписку с самыми разными учреждениями и инстанциями по поводу того самого забора. Разложивши эту переписку на столе, можно было увидеть, сколько времени, сил и нервов съел этот забор у самых разных официальных лиц, планомерно осаждаемых в течение многих лет с двух сторон — из Новогрудка и из Дубны. Евдокия Сергеевна как бы удваивала мощь Елены Ивановны. Согласованность их действий была просто замечательной. Мелькали бланки, подписи, печати... Министерство юстиции Белоруссии, Министерство юстиции СССР, Прокуратура СССР, редакция «Известий», Верховный Совет СССР, Новогрудская прокуратура, редакция «Сельской жизни», Гродненский облисполком... Ответы все были корректные, почти везде встречались фразы: «Спор о приусадебном участке разрешен судом. Остальные факты при проверке (или даже «при повторной проверке») не подтвердились». Почти на каждый ответ Евдокия Сергеевна слала свое возражение, на возражение получала ответ.

Теоретически такая переписка могла длиться до бесконечности, до бесконечности могли происходить и проверки...

Через месяц после возвращения из Новогрудка снова получаю письмо:

«Ваш приезд внес большой разлад. Такая солидная инстанция, а поступила несолидно. Теперь Запольские обрушили огонь на нас — 24 марта отравили две куры, 6 апреля — четыре сильнодействующим ядом «фосфидцином». Никто слушать не хочет. Участковый при вас был такой покладистый, а теперь говорит, что еще нужно что-то доказывать и что мое предположение еще не значит, будто учительница имеет отраву. А кто же ее может иметь? Она химию преподает и ядами владеет — вот и разбрасывается. Ведь наши куры, куры соседей и куры с Буденовой улицы ходят по одной территории, ни у кого не дохнут, а я скоро совсем без курей останусь. Дирекция техникума должна понять, что яды у них хранятся не на должной высоте...»

Готовыми ядами Запольская не владела... Дирекция техникума даже прислала нам официальную справку насчет этого с припиской, что «с тов. Запольской Н. С. еще раз проведена беседа о необходимости более втичного поведения с ее стороны по отношению к тов. Малявко Е. И.». Но меня интересовала теперь не втика, а, простите, куры, поскольку сюжет заворачивался так, что оставалось либо предполагать о существовании подпольной химлаборатории на дому у Запольских, либо считать, что Елена Ивановна «придумывает все новые и новые бедствия», как написал в одном из своих объяснений Иван.

Летом были дела в Минске, удалось попасть и в Новогрудок. Событий там навертелось много. Гуща провел настоящее следствие по поводу кур. Интуиция детектива сработала у него четко: куриное «дело» сулило какую-то ясность всему этому театру теней, и Гуща даже был готов откапывать всех шестерых загубленных («хоть эксгумацию этим курям применяй»), но тут Елена Ивановна сказала, что закопала лишь одну несчастную, а остальных «отпоила с пипетки». «Так сколько же кур сдохло?» — вскипел Гуща. «А сколько я написала», — отвечала Елена Ивановна. Дело открывалось двумя обширными жалобами Елены Ивановны насчет химии, ядов и воспитания советской молодежи, затем шла сильно мятая бумажка с таким текстом: «Вы знаете, чем отравлена сия жертва. Спарите и съешьте. Следующие жертвы будут упакованы в коробки тортовые и отнесены в кабинет директору техникума». Эту записку Елена Ивановна воткнула в скрюченные лапы дохлой курицы и эффектно пристроила мертвую птицу на крыльце Запольских. Однако бедные куры (или курица) сдохли от того, что наклевались за забором отравы, называемой крысид, вблизи находились какие-то склады, имеющие договор с лабораторией профдезинфекции, так что без халатного обращения с ядами тут действительно не обошлось, но учительница была ни при чем, и куры соседей дохли тоже. По поводу этого Гуща собрал справки, показания, документы.

Короче, у Запольских лопнуло терпение, они обратились в суд.

Два года назад они тоже обращались в суд с той же просьбой — наказать Елену Ивановну за клевету. И тогда, как и нынче, народный судья Кулага передал дело в товарищеский суд, как сделал бы, пожалуй, и любой другой на его месте, ибо сложившаяся за последние годы судебная практика такова, что дела частного обвинения, как правило, передаются судам товарищеским. В первый раз товарищеский суд вынес такое решение (передаю текст точно): «Просить по месту работы Запольских обсудить сложившее положение неуживчивости, выразившее в постоянной ссоре и ругани». Во второй раз решение было иное: «Гражданка Малявко Е. И. за систематическое оскорбление гр-на Запольского И. В. и его жены оштрафована на 20 рублей». К тому же собравшаяся публика и в устных своих заявлениях на этот раз сурово осудила Елену Ивановну и даже снизошла до оценок такого, скажем, частного явления, как поливание Еленой Ивановной соседского салата сложной смесью мочи и керосина. Все это зафиксировано на бумаге, читать это — и смех, и грех.

Герои наши успели помириться (их помирила смерть старика Малявко, и первая шагнула к миру Нина Запольская), однако на решение товарищеского суда Елена Ивановна сделала «тьфу» — и штраф упорно не платит. А ведь надо бы штраф-то уплатить. Ведь Запольские, невзирая на все разбирательства, суды и прочее, остались в положении людей, которые — как в поговорке — не то сами шубу украли, не то украли у них. Шлейф осуждения и кривотолков может всю жизнь тащиться за ними по всем углам и закоулкам их городка — все будет зависеть от личных симпатий и антипатий далеких или близких соседей, которые возьмутся мерить эту тему. То есть весь наш вопрос как был — так и остался в сфере нравов, морали, что ли, даже если мораль эта и не очень моральной вышла. Право так и осталось в стороне.

Еще не так давно нормы человеческого общежития во многом регламентировались обычаями, традициями, религиозными призывами и запретами. Ныне эти «нормативные акты» утратили свою силу, и нельзя не признать, что на месте многих древних нравственных ограничений и запретов (религиозных в том числе) возникает порой зияющая пустота. И вот уже какой-то гражданин (гражданка) икс безо всякой боязни расплаты иной раз позволяет себе — если его (ее) не сдерживают внутренние нравственные обручи — так насолить в душу своему ближнему, что тому остается аж взвыть.

Наше общество имеет свой Моральный Кодекс, вобравший в себя лучшие нравственные принципы, выработанные человечеством и обогащенные опытом коммунистического строительства. Он потому и называется моральным, что непременно требует от человека оставаться Человеком в общении с другими людьми. И он потому и называется кодексом, что его требования неотвратимы, обязательны для каждого нашего гражданина.

На страницах «ЛГ» заинтересованно обсуждался вопрос о том, нужен ли нам Кодекс проступков. Думается, рассказанная мной история лишний раз свидетельствует в пользу такого Кодекса.

Будь такой Кодекс, и грубые нарушения норм человеческого общежития, содержащие в себе признаки правонарушений, выдумались бы, может быть, в особую сферу судопроизводства. Вершились бы эти дела судьями, специализирующимися на специфических вопросах этого круга. Наподобие того, как специализируются судьи по делам несовершеннолетних. Мировыми судьями они назывались бы по старинке или как-то иначе — не в том суть.

Всем сказанным я вовсе не хочу умалить или вовсе поставить под сомнение институт товарищеских судов. Совсем нет. Просто я хочу сказать, что они не всегда в силах представить Правосудие в той мере, какая нередко требуется для того, дабы была осуществлена идея неотвратимости наказания за проступок, грубо попирающий нормы нашего общежития. Не тяжесть наказания здесь важна, а именно его неотвратимость.

ДВЕРЬ у Запольских открыла бледная босоногая женщина с печатью даже утром не проходящей усталости на лице. Была она темноволоса, кареглаза, и плечи ее были сведены какой-то покорной сутулостью, словно она ждала удара. «Вы с проверкой?» — сказала она обреченно, придвинула мне стул и потянулась за бумагами... Опять был договор купли, опять «условия пользования»... Дети смотрели на меня с любопытством и страхом. У девочки уже менялись молочные зубы, а мальчишка поменьше бегал в рваных голубых колготках по чисто мытому полу и, чувствуя, как мать нервничает из-за моего визита, старался оттянуть внимание на себя... Наконец-то я видела перед собой эту «злодейку» и могла прочитать на ее лице следы бесконечных разбирательств, выволочек, порицаний и обсуждений, которые проносились над ее головой все эти годы, когда она рожала и кормила детей, вела дом, работала...

Бойцом она была слабым. «До десятого класса я поезда не видела — мы ж из деревенских, а Елена Ивановна такая городская, умелая такая...» Похоже, что фиги были самым могучим оружием, какое Нина решилась применить. До сих пор она судорожно сжимает кулаки где-то у своего горла и говорит с отчаянием: «Как стыдно, как плохо! Столько лет в какой-то мути, в воздухе подвешенной, и я в этой мути — как слепая... Долго еще буду муляць (переживать)». И по сию пору ей снится строгий взгляд директора техникума, к тому же и наяву этот взгляд действительно очень строг. «Я бы уехала отсюда — с глаз долой. Да ведь двое детей — подняться трудно. И продать это, — она обвела жестом стены, — будет в большой убыток: у нас в купчей обозначено две тысячи, а с рук в руки мы дали больше... Как докажешь?» — и она взглянула на меня с мольбой, будто я ей что-то дельное могла посоветовать. И она тоже видела во мне мирового...

А что Иван? Он был худ, кудряв, по виду — почти парень, по-армейски выдержан, спокоен, ироничен. «Ничего, мы ведь выжили», — так коротко подводит он итоги всей этой кутерьме.

Когда я завернула к Елене Ивановне, она еще не встала с постели. Теперь почему-то я заметила, что она едва начала седеть, свежа и румяна, зубы целехоньки. Возникла мучительная пауза, я стала глядеть на стенку — оттуда глядел портрет молодого Ивана Осиповича, рядом — ее портрет, цветущей красотки с прической чеховских времен. Елена Ивановна поняла меня. Но и тут она вскоре нашлась и быстро, пока я не замахала на нее руками, выпалила: «Начитались вы соседских показаний, глупости всякой... Старух довних собрали, а они брешут, как тая, например, соседка, что вторая святоша после попа... А Запольский к ней прилучился, у них и пошли печки-лавки...» «Господи! Ведь вы же помирились! — взмолилась я. — Зачем все это ворошить?» «Да, — согласилась Елена Ивановна, — и вы должны теперь написать так: «Возобладал ум, верх взяла культура».

Мы вышли в сад. В небе было ясно, деревья хранили утреннюю свежесть. Елена Ивановна вполне великодушно сказала: «А ссора хай иде на сухой лес. Хай иде...» Мы замолчали, наконец то полные взаимопонимания. Но вдруг у нее переменился ход мысли, она подвела меня к небольшому куску забора и с обидой произнесла: «Разве это правильный забор? Вот где должен столб быть. Сходите в горисполком, я теперь вдова, так и совсем считаться не будут, а столб вот где надо врыть...»

МНЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН... ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ИМЕЮТ САМОЕ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА. ЗНАТЬ СВОИ ПРАВА, УМЕТЬ ИМИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ, НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ ЗА СВОИ ПОСТУПКИ — ВОТ КРУГ ПРОБЛЕМ, КОТОРЫЕ ОБСУЖДАЮТ НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ ЧИТАТЕЛИ, ПУБЛИЦИСТЫ, ЮРИСТЫ.

А. ИБРАГИМОВ, председатель Верховного суда Азербайджанской ССР

ДОСТОИНСТВО СУДА

ПРИГОВОР был вынесен после тщательного и глубокого рассмотрения всех имеющихся улик, после анализа всех обстоятельств, как смягчающих, так и отягчающих вину подсудимого. Мера наказания, избранная судом, соответствовала тяжести содеянного, степени вины, наконец личности человека, совершившего преступление. И все же кассационная инстанция, обоснованно отвергнув доводы жалобы, поданной осужденным, приговор отменила.

Парадокс? Нисколько! Судебная коллегия, рассматривавшая дело в кассационном порядке, обнаружила «маленькое», совсем «ничтожное» нарушение закона: приговор не был подписан одним из народных заседателей. И это значило, что приговора в смысле юридическом попросту нет.

Скорее всего, заседатель забыл поставить свою подпись. Ничто не говорило о том, что он не был согласен с приговором. Да если бы и не был согласен, уклониться от подписи он все равно не может: свое несогласие он вправе выразить в особом мнении, прилагаемом к приговору, но приговор должен подписать, подчинившись большинству. Особого же мнения в деле не оказалось...

Проще всего было вызвать «забывчивого» заседателя, дать расписаться. И форма была бы соблюдена, и существо. Но пойти на такое нарушение процессуальных норм судебная коллегия, естественно, не могла.

Примеры такого рода обычно дают повод людям, далеким от истины, упрекать юристов в формализме и даже «крючкотворстве». Конечно, не так уж трудно высмеять то, что находится за гранью привычных представлений неспециалиста о вещах, в которых каждый, к сожалению, как раз и считает себя специалистом. Но неуклонно повышающийся уровень правосознания советских граждан приведет в итоге к всеобщему пониманию и уважению процессуальных норм как основы законности, гарантии справедливости, условия, без которого не может утвердиться и восторжествовать на суде объективная истина.

Беда не в том, что неспециалисты порой упрощенно воспринимают значение процессуальных норм. Куда как хуже, если их недооценивает, если смотрит на них сквозь пальцы служитель правосудия — судья или прокурор, чье профессиональное и должностное положение органически включает в себя и такой элемент, как сознательное и безусловное следование нормам процессуального права. Мне кажется, что человек, для которого эти нормы — обуза, такой человек по призванию своему не юрист, ему противопоказано иметь какое-либо отношение к правосудию, он не имеет не только нравственного права, но и профессиональных качеств для того, чтобы добывать истину и судить людей.

К сожалению, мы и сами порой слишком снисходительно относимся к нарушителям процессуальных норм. «Было бы правильно по существу, а форма — дело второстепенное» — сомнительный, но бытующий афоризм, грубо разрывающий диалектическое, гармоническое единство содержания и формы, игнорирующий значение самого судопроизводства для установления истины, то есть как раз того существа, которое является предметом судебного разбирательства.

Социалистический уголовный процесс учел и извлек для себя самое ценное из многовекового опыта судопроизводства. Принятая у нас процедура, в которой отправляется правосудие, наилучшим образом способствует отысканию истины, гарантируя от возможных ошибок и воспитывая в гражданах уважение к суду. Судебная процедура — всегда ритуал и в какой-то мере всегда «зрелище», имеющее огромный воспитательный смысл, — «зрелище», в котором каждому участнику отводится точно определенная, заранее известная «роль». Но это распределение ролей — не произвол «крючкотворов», а научно обоснованный, выверенный поколениями способ отыскания и утверждения правды, условие, обеспечивающее торжество справедливости.

В этом ритуале нет мелочей, каждая деталь тщательно продумана, научно доказана — идет ли речь о порядке составления протоколов, об избрании меры пресечения или об очередности голосования судей при вынесении приговора. Достаточно отойти от требований, содержащихся в процессуальных нормах, пренебречь ими или допустить произвольное их толкование, — и это насилие над правом почти неизбежно отомстит за себя судебной ошибкой. Но если даже ошибки в данном конкретном деле и не будет, все равно пренебрежение процессуальными нормами недопустимо, ибо оно порождает атмосферу, в которой легко может быть нарушена социалистическая законность.

Эту мысль мне хотелось бы проиллюстрировать материалами одного, по-своему уникального, дела, где отрицательные последствия, к которым привело забвение норм уголовного процесса, обнажились с особой наглядностью и остротой.

По обвинению в умышленном убийстве был предан суду некто Ч., уже судившийся некогда за тяжкое преступление. Личность Ч. в значительной мере определила отношение к нему следствия и суда: увидев в нем опасного рецидивиста, упорно не желающего исправляться и вторично совершившего тяжкое преступление. Доводы, с помощью которых он пытался преуменьшить свою вину, были признаны несостоятельными и отвергнуты, как говорится, с порога, тем более что и в первом случае он отрицал предъявленное ему обвинение — факт, как бы бросающий тень на подсудимого, не поддающегося раскаянию и потому не заслуживающего снисхождения.

Ч. был приговорен к высшей мере наказания, и, как всегда это бывает в подобных случаях, дело поступило для проверки к председателю Верховного суда республики. Чрезвычайность и необратимость наказания, определенного Ч., побудили нас подойти к проверке с особой тщательностью; было изучено и то дело, по которому Ч. судили когда-то.

Первое, что бросилось в глаза в том деле, — это грубое нарушение процессуальных норм, допущенное еще в самом начале, — так сказать, при его зарождении. По действовавшему тогда закону (в этой части он и сейчас не претерпел сколько-нибудь существенных изменений) задержание подозреваемого органами дознания допускалось лишь в строго определенных случаях: если человек застигнут при непосредственном подготовлении, самом совершении преступления или тотчас после его совершения; если потерпевший или очевидцы укажут на этого человека как на совершившего преступление; если на подозреваемом или в его жилище будут найдены следы преступления; если подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега; если, наконец, он не имеет постоянного жительства или работы или не установлена его личность.

И хотя ни одним из этих условий органы дознания не располагали, они, получив известие о совершенном преступлении, арестовали Ч., который был у них «на плохом счету». Сделали это «из лучших побуждений», на всякий случай, с расчетом на то, что «потом разберутся». Но так и не разобрались. Первое нарушение процессуальных норм автоматически повлекло за собой остальные: опознание, проверка алиби — все это было сделано не в соответствии с требованиями, содержащимися в Уголовно-процессуальном кодексе.

Ошибки следствия не исправил, а усугубил суд. Есть, например, важнейшее процессуальное правило — гарантия социалистической законности: каждый довод в защиту подсудимого должен быть проверен, отвергнуть его можно лишь после проверки и притом доказательно подробно обосновав причины. Но и этого сделано не было.

Обнаружив грубейшие нарушения процессуальных норм, старый приговор по делу Ч. мы опротестовали. Президиум Верховного суда республики протест удовлетворил. Затем было проведено новое следствие, которое установило абсолютную непричастность Ч. к совершенному ранее преступлению. Оно было делом рук совсем другого человека, который из-за нетерпимого пренебрежения процессуальными нормами, допущенного органами дознания следствия и суда, избежал ответственности.

Отмена первого приговора заставила по-новому взглянуть и на то преступление, за которое Ч. был предан суду на этот раз. Речь шла не просто об иной правовой квалификации его действий, но и об иной характеристике его личности, о психологически более точной и жизненно более правильной оценке его отношений с потерпевшим. В результате Ч. был осужден за убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, и приговорен к четырем годам лишения свободы. Высшая мера наказания — и четыре года лишения свободы: разница, как видим, огромная. Именно отношение к процессуальным нормам явилось тем критерием, который в одном случае привел к грубейшему искажению истины, в другом — к ее торжеству.

Разумеется, и процессуальное законодательство содержит нормы — и более важные, и менее важные, но любая — подчеркиваю: любая! — исполнена глубокого смысла, любая направлена на постижение истины и на утверждение законности. Когда недавно один молодой судья спросил меня, как лучше всего ему совершенствовать свое мастерство, чтобы успешнее служить социалистическому правосудию, я ответил: «Утром, просыпаясь, и вечером, засыпая, читать и перечитывать Уголовно-процессуальный кодекс». Некоторые увидят в моих словах чрезмерное преувеличение, между тем я говорил совершенно серьезно. Мало знать этот кодекс — надо проникнуться его духом, его мудростью, его заботой о самых мелких деталях судопроизводства во имя справедливости, на которой зиждется наша законность.

Как ни велика роль каждой процессуальной нормы, закон связывает отмену приговора (в обязательном порядке) лишь с так называемым существенным нарушением процессуального законодательства. При этом кодексы различных союзных республик далеко не одинаково трактуют этот вопрос. Например, в перечне оснований, обязательно влекущих отмену приговора, законодательства Грузинской, Латвийской, Молдавской ССР не включают такие нарушения процессуальных норм, как несоблюдение принципа гласности, как непредъявление обвиняемому всех материалов дела для ознакомления, и т. д. В некоторых же иных союзных республиках при таких нарушениях приговор должен быть непременно отменен, зато в соответствующих перечнях не упоминаются иные нарушения.

Процессуальное законодательство Азербайджана вообще не содержит перечня «существенных нарушений», ограничиваясь лишь формулированием самого понятия «существенное нарушение».

Не будем спорить, что лучше: общая формулировка или перечень — исчерпывающий или хотя бы примерный. В любом случае все то, что в нарушение закона лишило или стеснило права участников процесса, помешало суду всесторонне разобрать дело, все то, что повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного приговора, не должно остаться без последствий. Даже если вышестоящий суд, проверяя дело в кассационном или надзорном порядке, обнаружит такое нарушение процессуальных норм, которое не колеблет по существу сам приговор, — можно ли оставить без внимания это нарушение? Я убежден: даже малейшее отступление от процессуальных норм должно вызвать острую и принципиальную реакцию вышестоящего суда, иначе мы не сумеем добиться такого положения, при котором подобные «отступления» будут выглядеть как нелепый анахронизм.

...Я вхожу в зал судебного заседания. Идет процесс. Подсудимый обвиняется в совершении тяжкого, очень тяжкого преступления. Он стремится уйти от ответственности. Он изворачивается, он путается в своих неискренних, явно надуманных показаниях. Профессиональный глаз судьи, конечно же, подмечает эти противоречия, ложь подсудимого очевидна, и, ясное дело, она не может не вызвать — скажем помягче — далеко не благожелательные чувства к нему.

Но вот я слышу, как судья чуть ли не выкрикивает:

— Подсудимый, вы лжете...

Не побоюсь сказать, весь процесс идет насмарку. Одно только слово — но какую пагубную роль оно сыграло! Не из-за того лишь, что судья поспешил раньше времени публично выразить свое отношение к подсудимому, к его показаниям, дать им оценку, которой место только в приговоре. Но — и это главное — пострадало величие и достоинство суда.

Ибо суд — место, где виновный получает по заслугам, но где ограждается и защищается личность. Да, как преступник он заслуживает сурового, может быть, даже суровейшего наказания, но как личность он при всех условиях должен быть уважаем. Проявляя вспыльчивость, невыдержанность, а порой и дерзость, судья унижает не преступника и даже не преступление, а государство, именем которого он действует, правосудие, персонифицированное в нем, в судье.

И хотя реплика, брошенная в сердцах судьей, сама по себе не привела к искажению истины в приговоре, хотя приговор был вынесен справедливый, можно ли такое процессуальное нарушение оставить без всяких последствий?

Но протокол не отразил его, никаких следов нарушения в деле нет. И, значит, меры, облеченные в форму процессуального документа, принять невозможно...

Вопрос о точном соблюдении норм процессуального закона не кажется мне узкоспециальным, имеющим отношение лишь к профессиональной деятельности юристов. Соблюдение их — свидетельство уважения к правосудию, к истине, свидетельство глубокой заинтересованности в торжестве справедливости. А это касается всех.

— ВАШЕ МНЕНИЕ?

Фото Я. ВИКТОРОВА

Л. ВЕЛИКАНОВА

...В ОДНИ

КОГДА В ПРОИГРЫШЕ

В ОГРОМНОМ индустриальном центре произошло крошечное событие: гражданин Ф. затеял ремонт квартиры. Будучи по профессии учителем литературы и не умея отличить штукатурку от шпаклевки, он обратился за помощью в районную ремонтную контору. Сначала все шло гладко. Сравнительно быстро пришел сметчик, в течение получаса определил стоимость работ и за пять минут составил смету. Еще час понадобился, чтобы дойти до ближайшей сберкассы, внести на счет конторы 124 рубля 28 копеек (то есть оплатить полную стоимость предстоящего ремонта) и составить заказ-договор.

С этого момента начались сбои. То есть, с одной стороны, можно было начинать радоваться крупному производственному успеху ремонтников (124 рубля 28 копеек резко повысили процент выполнения их месячного задания), но с другой — хотелось как минимум выяснить, когда же собираются ремонтники начать оплаченную авансом работу. Это оказалось делом непростым. Ни приемщица, ни оценщик таких подробностей не знали и гордо заявили, что по должности не обязаны знать. А гражданин Ф., кроме них, ни с кем дела не имел, не знал, к кому обратиться, и потому все время обращался не по адресу и отрывал занятых людей (приемщицу и сметчика) от тех важных дел, которые им положено было выполнять по занимаемым должностям, о чем они ему неоднократно недвусмысленно заявляли.

В конце концов он вышел из себя и тоже нечто недвусмысленно заявил. Образовалась конфликтная ситуация, которая могла продолжаться вечно, если бы учитель вовремя не взял себя в руки (профессия приучила) и не превратился из требовательного клиента в заискивающего просителя. «Не будем ссориться, — предложил он дружелюбно. — Я очень прошу, окажите мне, пожалуйста, любезность, подскажите, будьте добры, у кого нужно справиться о дате начала ремонта». Ход оказался правильным. Приемщица сменила гнев на милость и наконец открыла тайну: день назначает прораб. Еще несколько раз пришлось зайти в контору, чтобы застать его на месте, услышать тривиальное: «Не шумите, что вы у меня один, что ли», — заставить себя улыбнуться и выяснить, что мастер придет через три недели, то есть 21 июня.

С 21-го по 27-е либо сам Ф., либо его жена постоянно дежурили в квартире в ожидании мастера, регулярно звонили в контору справляться и каждый раз слышали в ответ: придет, ждите. А иногда и так: что вы все трезвоните, придет! Потом, когда мастер все-таки объявился, а через несколько дней снова пропал и Ф. вновь позвонил прорабу, тот вышел из себя окончательно: «Ваш наряд у мастера С., с ним и разговаривайте, а нам не звоните!» Приняв однажды решение, Ф. не обиделся. Он продолжал не только звонить, но и ходить в контору, стараясь воздействовать на ее работников, как на трудных учеников, лаской и уговорами. А они все капризничали и не могли столковаться ни с ним, ни между собой. То обои привезут — мастер на неделю пропадет, то появится мастер — олифа исчезнет. Самый серьезный скандал чуть не разразился, когда по прошествии месяца ремонтники вышли, наконец, на финишную прямую. Прибыл высококвалифицированный специалист по настилке кухонных полов и, не найдя на месте нужного ему для работы материала, начал так стыдить Ф. («Вы же простой мне устраиваете, ясно?», «Кто оплатит день моего вынужденного безделья?»), что у того действительно возник комплекс вины, хотя незавезенный линолеум он оплатил два месяца назад. Но что было делать? Пришлось вновь бежать в контору, снова клянчить то, что тебе положено, и благодарить тех, на кого следовало писать в книгу жалоб.

Впрочем, это была последняя капля. Притащив на себе злополучный линолеум, Ф. сел и написал в редакцию. Рассказав о своих мытарствах, он поставил два серьезных вопроса. Первый: что является причиной странного явления, когда человеческое достоинство унижают не пьяницы в темном переулке, а среди бела дня трезвые люди, работающие в государственной организации? «Ни разу за два месяца, — пишет Ф., — я не встретил в конторе не только радушного, но даже хотя бы официально вежливого приема. На меня в основном кричали, отмахивались от меня, как от зудящего комара, мне всеми силами старались объяснить, что я назойлив и очень мешаю». И второй вопрос. Не странно ли, что государственная контора не обеспечивает выполнения заказа в срок и не гарантирует качества его выполнения? Через неделю после окончания ремонта обои стали отклеиваться, плитка в ванной комнате отлетать, штукатурка осыпаться. «Когда лопнуло мое терпение, — говорится в письме, — и я обратился в юридическую консультацию с вопросом, есть ли возможность по закону призвать ремонтников к порядку, юрист посоветовал мне не начинать никакого дела, ибо максимум, чего я могу добиться, это выговора начальнику конторы и неполного (с вычетом цены уже проделанных работ) возврата мне денег неизвестно когда. Разумеется, на хождение по судам тоже придется затратить и время, и нервы».

Торопливое время все мы всячески стараемся беречь, а нервные клетки, как теперь уже окончательно выяснено, не восстанавливаются. Но поскольку и того, и другого автор письма и без хождения по судам потратил немало, он, по сути дела, докопался до истины: наплевательское отношение к нам тех, кто по долгу службы обязан облегчать нашу жизнь, предопределено их юридической перед нами безответственностью.

С ремонтными службами, например, наши юридические отношения оформлены так, что порой приходится удивляться, почему нервотрепка с ремонтом длится два месяца, а не полгода. Так, пункт 7-й типового положения гласит: «Соответствующая сумма за работы по заказу-договору вносится по квитанциям в сберегательную кассу на текущий счет ремонтно-строительной организации за пять дней до начала работ». Что это означает? Что через пять дней после уплаты денег работы должны начаться? Ну, а если они не начнутся, как быть тогда? Какие санкции можно применить к виновным? Чем они поплатятся за нерасторопность и невыполнение условий договора? Об этом в положении ни слова, потому-то и может прораб, получив деньги 1 июня, назначить начало работ на 21-е, а прислать мастеров 30-го. Или еще позже. Что с него спросишь?

Спросить может он. И весьма ощутимо. Если, допустим, кто-нибудь из нас решится загромоздить помещение мебелью или другими предметами больше, чем на 15 процентов, он дорого поплатится, поскольку согласно пункту 4 того же положения в этом случае «с заказчика взимается дополнительная плата в размере одного процента к полной стоимости работ в данном помещении». Так что в отношении нашей перед сферой обслуживания ответственности существует полная ясность. Чего никак не скажешь о правах.

Человек решил совершить самую дорогую в своей жизни покупку. В кассу автомагазина он внес пять с половиной тысяч рублей и взамен получил... Нет, не машину. Ему выдали бумагу, которая налагала на него весьма серьезные обязательства. Прежде всего она ставила покупателя в известность, что, если за время, пока конвейер соберет причитающиеся ему «Жигули», изменится модель и они станут еще дороже, он должен будет покрыть образовавшуюся разницу из собственного кармана. Затем грозно предупреждала: ждать вы можете хоть год, но, получив открытку-извещение, обязаны вывезти машину со склада в течение пяти дней. Иначе заказ вообще могут аннулировать. Вскоре выяснилось, что его могут аннулировать и без того.

Дело в том, что недавно введен новый порядок продажи автомобилей через предприятия. Не будем ос-

ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ Л. ВЕЛИКАНОВОЙ, ЮРИСТ УТВЕРЖДАЕТ: ДЕЛО НЕ ТОЛЬКО В НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ПРАВОВЫХ НОРМ, НО ЧАСТО — И В НЕУМЕНИИ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕМИ ПРАВАМИ, КОТОРЫЕ НАМ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ И ГАРАНТИРОВАНЫ ЗАКОНОМ.

КОММЕНТАРИЙ ЮРИСТА

ЕСЛИ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРАВЫ

...Семья Марины Федоровой распалась через полтора года после замужества. С грудным ребенком на руках вернулась она к матери и отчиму. Там и живут вчетвером в небольшой комнате коммунальной квартиры. А бывший муж с родителями остался в отдельной квартире, где раньше одну из комнат занимали молодые. Подруги и родственники Марины приняли горячее участие в ее судьбе. Одни посоветовали обратиться с жалобой на бывшего супруга и его родителей в общественные организации по месту их работы, другие — в райисполком и милицию. Были и такие, что уверяли Марину, будто прав на площадь она не имеет, так как прописана на ней не была. Много раз обращалась молодая женщина в различные инстанции, прежде чем было принято правильное юридическое решение: предъявлен иск в суд о закреплении за ней и сынишкой полагающейся им части жилой площади. Но сколько же времени, энергии, душевных сил было истрачено на составление жалоб, хождение на приемы к лицам, которые в данном случае и не могли разрешить ее вполне законных требований!

Краеугольным камнем законности является сочетание прав и обязанностей. О праве могут возвестить первый крик младенца, завершение многолетнего научного труда или стихийное бедствие. Но при всех условиях возникновение права означает повеление у кого-либо — государственной организации, гражданина — обязанности совершить те или иные действия, предоставить соответствующее благо, удовлетворить интерес, — иначе говоря, обязанности претворить право в жизнь. Не выполняется такая юридическая обязанность добровольно — вступает в действие механизм государственного принуждения.

Но бывает и так: право не оспаривается, но обязанность, ему соответствующая, почему-то не исполняется. И предлог, чтобы ее не исполнить, найдется, а не найдется, то на худой конец ее можно исполнить, скажем, не в срок. Во всех таких случаях и необходимо, как писал В. И. Ленин, *«воевать за свое право»* по всем правилам законной а РСФСР *«войны за право»*.

Советские законы ясны и определенны. И все же четкость, ясность советских законов отнюдь не означает, что каждый из нас — вполне подготовленный воин в борьбе за защиту своего права.

Позвольте спросить вас, читатель, сколько правовых действий совершили вы минувшим летом? Скорее всего вам не пришлось выступать в суде в качестве истца или ответчика. Однако не отдавали ли вы в химчистку костюм? Не снимали ли дачу? Не сдавали ли в комиссионный магазин ненужную вам вещь? А ведь все это действия юридические, и выступали вы в них в качестве субъекта права — заказчика, нанимателя, комитента. Покупательница довольна проданной вами через комиссионный магазин шубой. Очень хорошо! А если потом обнаружится, что мех траден молью? Вот тут-то и возникнет достаточно неприятный и сложный правовой спор, в ходе которого придется скрупулезно выяснять ответственность покупателя, магазина или хозяина шубы. Хо-

МНЕНИЯ

- Председатель Верховного суда Азербайджана: процессуальный «педантизм» — гарантия постижения истины
- Быт в зеркале права
- Спор об одной инициативе, требующей юридической оценки

ВОРОТА

ОСТАЕТСЯ КЛИЕНТ

танавливаться на нем подробно, не о том сейчас речь. Важно другое. Как свидетельствуют письма, поступающие в редакцию, Министерство торговли начало распределять машины по новому, не рассчитавшись со старыми долгами, то есть с теми, кто уже внес деньги в кассы автомагазинов.

Так случилось, например, с киевлянином Н. Борковским. Он все, как положено, оплатил вперед, получил бумагу (заказ-свидетельство № 09783), а потом оказалось, что она ничего не гарантирует и причитающуюся ему машину он скорее всего не получит вовсе, поскольку вступили в действие иные правила продажи. По той же причине ждут оплаченную дорогую покупку и москвичи, и жители других городов. Правомерно ли это?

В какой-то мере на вопрос отвечает статья 243-я Гражданского кодекса. «Если продавец в нарушение договора не передает покупателю проданную вещь, — говорится в ней, — покупатель вправе требовать передачи ему проданной вещи и возмещения убытков, причиненных задержкой исполнения...». Так вот об убытках, «причиненных задержкой исполнения». Ведь пять с половиной тысяч рублей, хранящихся в сберегательной кассе, дают в течение года довольно солидный «приплод». Зачем же бросаться им и перекладывать деньги на долгое хранение в кассу магазина, не дающую никакой выгоды? И раз это так, нельзя ли призвать торговых работников к порядку и восстановить справедливость?

Нет, нельзя. Потому что Гражданский кодекс обязаны штудировать юристы, а для директоров магазинов, так же как и для начальников ремонтных контор, существуют инструкции, положения, приказы, изданные теми ведомствами, которые данными торговыми точками руководят. Приходится ли удивляться, что в этих инструкциях и этих положениях появляются пункты, учитывающие не столько наше, покупательское, мнение, сколько собственное, ведомственное? С помощью подобной инструкции не так уж трудно, скажем, превратить автомагазин уже не в магазин, а как бы в бюро заказов, где с покупателя, то есть теперь уже заказчика, всегда почему-то берут деньги вперед и потому выполнить заказ не торопятся.

Вообще-то инструкции и положения, действующие в торговле и сфере обслуживания, надо бы изучать не только работникам этих сфер, но в еще большей степени нам, покупателям, клиентам, заказчикам. Знание предмета освободило бы нас от многих лишних хлопот.

Допустим, вы облачились в светлой шерстяной кофточкой и в первый же день прислонились к пыльному автобусному стеклу. Надо идти в химчистку. Не поленитесь, загляните в квитанцию, и вы обнаружите, что за день износили свою обнову на 50 процентов. Не надо возмущаться, показывать еще не выброшенный чек — ничего не поможет. Таков порядок: вещь, которую надо чистить, уценяется наполовину. Теперь представьте себе, что кофточка потерялась — вам заплатят за нее полцены. Не потому ли именно новые вещи имеют склонность куда-то пропадать?

Или другой пример. Вы заказали железнодорожные билеты по телефону — два полных и один детский — в купейный вагон скорого поезда. С доставкой на дом. В положенное время билеты принесли, только вместо скорого — на пассажирский поезд и не два полных, а один. Не думайте, что это недоразумение легко утрясти, не бегите сломя голову к начальнику напутавшей кассы предварительной продажи и не начинайте, как сейчас принято говорить, «качать права» — ничего не добьетесь! По действующему положению, вы имеете право лишь на одно: сдать билеты обратно, получить за них деньги (без стоимости предварительного заказа и доставки на дом) и стать в хвост общей очереди. А поскольку дело это в период сезона безнадежное, выход у нас с вами один: робко, с виноватой улыбкой входить в кабинет того же начальника и смиренно пытаться воздействовать на него личным обаянием. Очень смиренным и сильно обаятельным иной раз удается добиться успеха.

Вам нужно переехать с одной квартиры на другую. Вы приходите в транспортное агентство и хотите заказать машину на пятнадцатое. «На пятнадцатое заказы принимаем завтра». — «Но я уже отпросился с работы и пришел. Может быть, примете заказ сегодня?» — «Ничего с вами не сделается, придите завтра». Приходите. Получаете бланк заказа, обнаруживаете, что в нем следует указать все вещи, подлежащие перевозке. Вещи еще не сложены, назвать точную цифру и перечислить их (в частности, будущие пачки книг) трудно. Указываете приблизительно. Платите деньги и готовитесь в третий раз отпрашиваться с работы, поскольку часа прибытия машины в квитанции нет. Она приходит в 16 часов. Вполне можно было полдня отработать. Грузчики быстро пересчитывают вещи. «Здесь на три пачки больше, чем указано в квитанции». — «Зато нет шкафа, который перечислен в заказе». — «А это нас не касается...» Отказаться бы от услуг вымогателей, но деньги агентству уплачены вперед... Вы машете рукой и вытаскиваете кошелек.

ГОСУДАРСТВО вкладывает в совершенствование сферы обслуживания все новые и новые средства. Нас окружает теперь множество стеклянно-алюминиевых домов с деревянно-пластиковыми интерьерами, начиненных механизмами, которые умеют делать для нас почти все. Но и с их помощью мы не сумеем разобраться в том, имеет ли право администрация захлопывать перед нашим носом дверь мастерской, если до конца рабочего дня осталось еще 15 минут, может ли директор магазина держать на витрине товар, которого нет в продаже, и вправе ли кассир считать выручку на глазах у выстроившегося к его коллеге «хвоста».

Правда, из разъяснений, которые дают порой юридические консультации, различные ведомства, выясняется, что прав у нас гораздо больше, чем мы думаем. Только никто не подсказывает, как ими воспользоваться.

В свое время несколько органов печати, в том числе и «Литературная газета», с помощью вполне официальных лиц разъясняли, что Министерство торговли запрещает продажу так называемых подарочных наборов, в которых дефицитные товары объединяются с залежалыми. Ну и что? И по сей день мы покупаем растворимый кофе вкупе с консервами из скумбрии, поскольку мера ответственности торгующего таким «подарком» никем и никак не определена. Хотя определять ее работники сферы обслуживания умеют, и неплохо. Недавно радио известило нас о новой услуге: мастер телеателье может прийти к нам не в течение дня, как прежде, а в удобное для нас время. За отдельную плату. Видимо, это правильно, поскольку наши удобства связаны с немалыми издержками. Плохо только, что вновь игра ведется как бы в одни ворота: неясно, как рассчитается с нами телеателье, если мастер не придет вовсе.

Состояние неравного партнерства, в которое мы попадаем, сталкиваясь с предприятиями сферы обслуживания, чревато не только моральными потерями. Беда еще и в том, что, превращаясь в просителей, мы, как правило, перестаем быть работниками. Не может производительно, с полной отдачей трудиться человек, в квартире которого два месяца (вместо недели) идет ремонт. Его голова занята не делами, а олифой, обоями, линолеумом, нервы взвинчены вчерашним унизительным разговором с начальником склада, ему надо отпрашиваться на два часа раньше, чтобы застать дома мастера и умолить его прийти завтра. Помноженные на миллионы клиентов, покупателей, заказчиков бытовые неурядицы оборачиваются огромными экономическими потерями.

Без нас — всех вместе и каждого в отдельности — никакой сферы услуг, по сути дела, не существует. Так не пришло ли время закрепить эту бесспорную истину в инструкциях и положениях, регулирующих наши взаимные права и обязанности?

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОСЕНЬ

Фото В. БОГДАНОВА и В. ЯКОБСОНА

УЗАКОНЕННЫЕ ШАБАШНИКИ?

Уважаемая редакция!

Мне хочется сказать несколько слов о предпринимательстве, носящем явно частный характер. Это комплектование строительных отрядов под видом студенческих людьми, ни по возрасту, ни по званиям не подходящими под эту рубрику. Я могу назвать такие отряды узаконенными отрядами шабашников, или колымщиков, по следующим причинам.

Во-первых, в их состав входят люди, средний возраст которых 30 и более лет, они, как правило, занимают на основном месте работы (в соответствии с возрастом) прочное положение, их труд оплачивается достаточно хорошо. К числу таких людей относятся руководители научных подразделений, кандидаты технических наук, ведущие инженеры, но отнюдь не молодые специалисты. На примере той организации, в которой я работаю, можно сказать, что если в 1971 году был организован один такой отряд (40 человек), то в 1972 году уехало в разные районы страны пять отрядов. Продолжительность работы 40—50 дней, при этом средний заработок каждого члена отряда составляет довольно внушительную сумму — до тысячи рублей и более.

Такие отряды, состоящие из специалистов высокой квалификации, работают на земляных работах, переноске тяжестей, разгрузке и погрузке. В общем, на работах, не требующих высшего образования.

«Организационный период» начинается с того, что один или несколько сотрудников научного учреждения разъезжают по дальним окраинам Союза с предложением своих услуг. Спрос настолько велик, что порой они договариваются не с одним, а с несколькими руководителями строек. Затем следует заключение договора, оформление отряда или отрядов под видом студенческих, далее — подготовка к началу работ. Каждому из 40 членов отряда за 1,5—2 месяца до отъезда даются определенные задания, связанные с изготовлением и покупкой инструментов, приобретением готовых изделий и т. п. Все это, разумеется, делается в рабочее время.

Я неоднократно был свидетелем возвращения людей обратно. Приезжают они вымотанными, после тяжелой физической работы нуждаются в отдыхе.

К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
МОСКВА

ПИСЬМА СПОРЯТ

В письме адвоката В. Швейского «Полезная инициатива или беззаконие?» («ЛГ», № 36, 1973) речь шла о необходимости дать защиту закона некоторым новым начинаниям в области хозяйствования и организации труда. Читатели продолжают обсуждение этой темы.

НЕТ, ПОЛЕЗНЫЕ ПОМОЩНИКИ

ПРОЧИТАЛ я в «Литературной газете» (№ 36, 1973) статью В. Швейского «Полезная инициатива или беззаконие?» и подумал, что и мне, недавнему студенту, а ныне научному сотруднику НИИ, за мою недолгую практическую деятельность уже не раз пришлось столкнуться с этой проблемой, как справедливо характеризует ее В. Швейский, «не укладывающейся в привычные рамки инициативы».

Каждый год Москва пестрит куртками бойцов студенческих строительных отрядов с обозначениями самых различных уголков нашей страны. В столицу возвращаются те, кто в «третьем», трудовом семестре работал на ударных комсомольских стройках. В этих отрядах проходит боевая закалка молодого человека, здесь крепнут мышцы, воля, появляются навыки в труде, оттачиваются коллективистские черты характера.

Но вот студент кончает институт и становится молодым специалистом. Как правило, у молодого человека создается семья, а вслед за этим—масса забот и хлопот. Поэтому молодой человек стремится не только интенсифицировать свой профессиональный рост, но и пытается использовать свободное время для того, чтобы увеличить бюджет семьи. Он часто вспоминает ту пору, когда ему приходилось работать в студенческом отряде и совсем неплохо зарабатывать. Но теперь, по окончании института, молодых специалистов в такие отряды не принимают. И вот они объединяются в нестуденческие строительные отряды.

В этом году такой отряд, участником которого я был, выезжал на сезонные работы по сплаву леса в район Предуралья. Отряд насчитывал 55 москвичей различного возраста (от 25 до 44 лет). Мы работали по сдельно-премиальной системе оплаты. При этом строго регламентировалось время работы.

В свободное от работы время мы прочитали девять лекций для населения, а наш врач оказывал помощь не только участникам отряда, но и местным жителям. В часы досуга мы часто говорили о том, почему бы не создать учреждение, которое могло бы взять под свой контроль организацию и деятельность нестуденческих строительных отрядов, посылать их на важнейшие стройки пятилетки. Тогда не было бы нужды тратить время на поиски сезонной работы. Врачебная комиссия проводила бы соответствующий медицинский контроль лиц, отбывающих на строительные работы. Совершенно очевидно, что такая организация необходима.

Необходима именно для того, чтобы ввести полезное движение в рамки законности, обеспечить контроль за деятельностью подобных строительных отрядов. В нынешних же условиях, конечно, возможно и появление таких бригад, которые порочат само начинание. Ошибки неизбежны, как верно отметил В. Швейский, если не выработаны законные рамки деятельности той или иной организации. И хорошее дело можно погубить на корню.

В настоящее время сложилось сдержанное отношение к нестуденческим строительным отрядам. Действительно, если студенты направляются на те строительные объекты, где они более всего нужны, то нестуденческие строительные отряды предпочитают руководствоваться в большинстве случаев только конъюнктурными соображениями — кто больше даст. В результате принятых «повышенных» обязательств создается ненормальная атмосфера и в самом отряде. Продолжительность рабочего дня доходит до 10 часов, нередки случаи производственного травматизма. А если учесть, что отряды работают по 35—40 дней без выходных, то понятно, что многие переутомляются. В таких отрядах часто господствуют и чуждые нашим людям моральные нормы — рвачество и делячество. Нередки случаи, когда нестуденческие отряды оформляют договор с предприятиями под видом студенческих для того, чтобы получить финансовые льготы, которые предоставляются этим отрядам.

Ясно, что подобная «шабашническая» деятельность идет вразрез с законностью. Но напрашивается вопрос: стоит ли из-за определенной части строительных отрядов, деятельность которых несовместима с законностью и моралью, бросать тень на всех тех, кто своим честным трудом может принести пользу нашему государству? Естественно, возникает и другой вопрос: а заинтересованы ли министерства и ведомства принять на работу таких отпускников? По-видимому, да. В нашей стране ведется поистине гигантское промышленное и жилищное строительство. Предстоит освоить несметные богатства нашей страны. Что и говорить — потребность в работниках есть.

Может возникнуть и третий вопрос: перспективно ли создание организации, которая взяла бы под свой контроль нестуденческие строительные отряды? Может быть, это пустая затея и желающих работать в таких отрядах будет не так уж много? Аналогичные вопросы возникали и у энтузиастов первых студенческих отрядов, созданных в 1959 году, когда число их бойцов составляло всего 339 человек, и которые освоили тогда 250 тысяч рублей капиталовложений. Могли ли они знать, что через 13 лет — в 1972 году — число студентов, работающих в отрядах, составит почти полмиллиона человек, которые освоят 846 миллионов рублей капиталовложений! Поистине стремительный взлет!

Наконец, последнее. Впрочем, скорее это — главное! Только ли «меркантильный» интерес, то есть возможность заработать является причиной того, что создаются такие отряды? Физический труд становится не чем иным, как активной формой отдыха для тех, кто работает в городе.

Хорошо известно, что кардиологические больничные стационары становятся обителью для людей все более молодого возраста. Тратятся немалые средства на создание все новых и новых диагностических комплексов и фармакологических средств для больных, страдающих сердечно-сосудистыми болезнями. Это жизненно необходимо, однако полностью проблемы не решает.

А для тех, кто на время позавудет о своем «высоком положении» человека с дипломом инженера или даже кандидата наук и «снизойдет» до физического труда, риск оказаться в плену таких болезней станет значительно меньше. Помимо этого, поездка к месту работы, знакомство с новыми уголками нашей страны, несомненно, духовно обогащают человека. Ко всему этому я могу прибавить свои собственные впечатления от работы в строительном отряде. По возвращении в Москву я чувствовал себя вполне отдохнувшим, повысилась и моя трудоспособность.

Если студенческие отряды строго регламентированы в своей деятельности летними каникулами, то нестуденческие могли бы принимать участие в работах не только в летние месяцы, но и весной и осенью. Кроме того, такие отряды могли бы поочередно подменять друг друга. Организация нестуденческих строительных отрядов, несомненно, поможет найти дополнительные резервы для решения важных экономических задач.

В. ПРАЗНИКОВ,
научный сотрудник
МОСКВА

чется напомнить: незнание того, что те или иные поступки противоречат нормам права, никого не освобождает от юридической ответственности.

Шведский профессор медицины Г. Бьерк полагает, что самолечение принимает сейчас характер подлинного бедствия, распространяющегося по всему миру («ЛГ», № 34, 1973). Не будучи специалистом-медиком, я не могу судить о значении этого явления и тем более не склонен к механическим параллелям. И все же «юридическое самолечение» нередко допустимо и эффективно, подобно тому, как при легкой простуде, осмелюсь полагать, можно и самостоятельно использовать капельки эфедрина. Конечно, само понятие «юридическое самолечение» условно; речь идет не только о юридическом самоконтроле, но и о способности «сторон» в определенных, не очень сложных случаях разрешать конфликты самостоятельно, что, как легко догадаться, предполагает и правовую компетентность, и нравственную зрелость.

Между тем научные исследования правовой осведомленности граждан, проводившиеся во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (А. Р. Ратинов, В. И. Каминская и др.), не свидетельствуют о радужной картине. Показательно и отрадно, конечно, что в подавляющем числе случаев эта осведомленность основывается на знаниях, почерпнутых из газет, теле- и радиопередач. Но, по данным упомянутых исследований, в 20 процентах случаев сведения о праве черпаются из бесед со знакомыми, в семье и т. д., в 17,8 — из художественной литературы и кинофильмов. Юридические же источники не превышают 5 процентов.

Хороши, например, принятые сейчас обряды бракосочетания — кольца, белое платье, фата. Но брак-то — такой союз любящих сердец, который скреплен законными узами. Почему бы до того, как прозвучат торжественные аккорды марша Мендельсона, не ввести обстоятельное официальное ознакомление бракующихся с основными и важнейшими нормами закона о браке и семье? Широкое распространение получило членство в жилищно-строительных кооперативах. Знание же вытекающих отсюда прав и обязанностей, как показывает изучение материалов судебной практики, недостаточное. Разве не следовало бы до принятия человека в ЖСК обеспечить всестороннее ознакомление его с уставом этой организации?

Посещая книжные магазины, можно убедиться, что из года в год растет ассортимент юридической литературы, увеличиваются тиражи. Отдадим должное издательствам за их заботу по выпуску литературы о законах. Но эти заботы отнюдь не компенсируют отсутствия на прилавках книжных магазинов самих текстов законов.

«Юридическое самолечение», конечно, допустимо лишь в известных пределах. В целом надо понимать и помнить, что юриспруденция — вид сложной профессиональной деятельности, требующей солидных знаний и практического опыта. Небрежение этим, казалось бы, очевидным положением оборачивается подчас дорогой ценой.

В Ташкенте скончалась научная сотрудница одного из институтов. Будучи уже тяжело больной, она решила передать крупную сумму денег, хранившихся в сберкассе на ее имя, престарелой сестре. По совету одного из своих друзей — среди наших друзей, как известно, немало людей, компетентных во всех вопросах! — она оформила доверенность на имя сестры по распоряжению вкладом. Муж покойной не знал ни о существовании вклада, ни о доверенности. Но когда, приблизительно год спустя после смерти супруги, эти факты стали ему известны, он обратился с иском о взыскании денег. Иск был судом удовлетворен, так как супруг являлся в данном случае единственным наследником, а Гражданский кодекс предусматривает, что доверенность действует лишь в период жизни доверителя. Передача денег могла быть оформлена только завещанием.

Таков итог неведения, правовые последствия которого необратимы, таков итог «юридического» совета.

Война за право требует не только знаний, но и умения, а также активности, настойчивости, выдержки, воли. И еще — убежденности. Убежденности в том, что в нашем обществе за право борются не окольными путями, а только законными средствами. Если вы действительно правы — вы победите.

И. ГАЛЬПЕРИН,
доктор юридических наук

реплика

С ПРИВОДОМ!

ДЕВОЧКА ждала очередную «Мурзилку» и встретила почтальона радостным криком. Но радость быстро погасла: вместо «Мурзилки» почтальон вынул из сумки какой-то смятый листок. «Екатерина Витальевна П.? — спросил почтальон. — Распишитесь в получении».

«Таких у нас нет», — сказала девочка, но потом вспомнила, что Екатерина Витальевна — это она и есть. Вспомнила — и рассмеялась. «А смеяться-то нечего! — сказал почтальон. — Натворила делов, теперь отвечай». И вслух прочитал избранные выдержки из текста, напечатанного на смятом листке.

Листок, именовавшийся судебной повесткой, предлагал гражданке П-вой Екатерине Витальевне явиться в город Наро-Фоминск в такой-то день и час, угрожая на случай «неявки без уважительных причин» приводом. Слово «привод» в школе не проходили, поэтому «гражданке П-вой» пришлось удовольствоваться объяснением почтальона: «Возьмут тебя дяди милиционеры и под пистолетом на машине в суд повезут».

Не волнуйтесь, читатель: гражданку П-ву 1962 года рождения под пистолетом в суд не повезли. И везти не собирались. Произошла ошибка.

Будучи в пионерском лагере, девочка случайно стала свидетельницей странного поведения одного мужчины, о чем она вовремя рассказала вожатому. Вовремя, потому что именно этот сигнал помог задержать преступника и предотвратить совершение им новых преступлений.

Само собой разумеется, при рассмотрении дела показания девочки суду необходимы. Что делать: свидетелями преступления бывают не только взрослые, но и дети. Закон предусмотрел порядок допроса детей: не иначе, как в присутствии педагога, а при необходимости — и родителей. И, конечно, никакому приводу подвергнуть ребенка нельзя.

По небрежности секретаря народного суда Наро-Фоминского района Московской области 11-летней девочке прислали такую же повестку, какую посылают взрослым свидетелям. И даже не подумали о том, что ребенок не может поехать один за сотню километров и уже хотя бы поэтому о вызове их дочери в суд следовало бы уведомить родителей.

Казалось бы, мелкий случай, пустяковое нарушение «формы». Но, как справедливо замечает председатель Верховного суда Азербайджанской ССР А. Ибрагимов в статье, публикуемой на 12-й странице, «мы... порой слишком снисходительно относимся к нарушителям процессуальных норм». Нельзя мириться даже с самыми малыми отступлениями от норм закона, тем более когда эти отступления допускаются работниками суда. Секретарь — лицо, так сказать, техническое, он не вершит правосудия, но причастен к правосудию потому хотя бы, что документы, им рассылаемые, исходят **от суда**. Он, секретарь, действует **именем суда**, а имя это высокое и обязывает ко многому.

А. РОЗАНОВ

ЧТО МАОИСТЫ СКРЫВАЮТ ОТ

Заметки о X съезде КПК

М. АЛТАЙСКИЙ

В ОБСТАНОВКЕ ГЛУБОКОЙ СЕКРЕТНОСТИ В КИТАЕ ПРОХОДИЛ X СЪЕЗД КПК. ВСЕ БЫЛО ЗАКОНСПИРИРОВАНО: И ПОДГОТОВКА К СЪЕЗДУ, И САМ ФАКТ ЕГО ПРОВЕДЕНИЯ, И СОДЕРЖАНИЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ. ДОКУМЕНТЫ СЪЕЗДА БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ УЖЕ ПОСЛЕ ЕГО ОКОНЧАНИЯ.

ЧЕМ ВЫЗВАНА ТАКАЯ СЕКРЕТНОСТЬ? ЧТО МАОИСТЫ ПЫТАЮТСЯ СКРЫТЬ ОТ КИТАЙСКОГО НАРОДА И ОТ ВСЕГО МИРА? СТАТЬЯ М. АЛТАЙСКОГО, КОТОРУЮ МЫ СЕГОДНЯ ПУБЛИКУЕМ, ДАЕТ ОТВЕТЫ НА ЭТИ ВОПРОСЫ.

«СЕНТЯБРЬСКИЕ события» 1971 года, в результате которых с политической арены исчез Линь Бяо, «ближайший соратник и преемник председателя Мао», а также большая группа других видных политических деятелей, вызвали сильное потрясение в Пекине и в значительной мере парализовали деятельность военно-бюрократической группировки маоистов.

Упорядочение пекинской иерархии стало одной из главнейших задач. Именно поэтому возникла необходимость в досрочном проведении X съезда партии. Однако группа Мао не могла провести этот съезд, предварительно не осуществив тотальной чистки в армии и в различных звеньях политического механизма. О масштабах чистки можно судить хотя бы по сообщениям зарубежной печати, согласно которым по «делу Линь Бяо» к суду было привлечено свыше 30 тысяч военнослужащих различных рангов.

В середине 1973 года появились признаки активной подготовки X съезда. Однако маоисты окружили всю подготовительную работу и факт созыва съезда таким покровом тайны, словно речь шла не о съезде правящей партии, насчитывающей, как утверждается, 28 миллионов членов, а о сходке представителей тайных обществ.

Немногочисленные материалы X съезда (политический отчет Чжоу Энь-лая, доклад об изменении Устава КПК Ван Хун-вэня, информационное коммюнике о X съезде, Устав КПК и итоговое сообщение о первом пленуме ЦК КПК X созыва) были опубликованы уже после закрытия съезда.

Атмосфера секретности, в которой проходил съезд, свидетельствует о страхе маоистов перед китайским народом и мировой общественностью, свидетельствует о их неуверенности в будущем.

Мао Цзэ-дун и его группа боятся света, боятся гласности и поэтому прибегают к излюбленному приему китайских правителей прошлого — политическому и идеологическому затворничеству.

Съезд еще раз продемонстрировал антисоциалистическую сущность политики маоистов внутри страны и подтвердил антисоветский курс IX съезда КПК в международных делах.

Каким же образом группа Мао Цзэ-дуна, о диктатуре которой говорилось на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году, сохранила свой военно-бюрократический механизм власти?

МАСКИРОВКА ТЯЖЕЛОГО КРИЗИСА

В итоговом коммюнике о съезде утверждается, что он «явился съездом сплочения, съездом побед и съездом, полным жизненных сил и энергии». Но не является ли этот бравурный тон лишь маскировкой тяжелого кризиса, переживаемого маоизмом? Ведь в самом деле, несмотря на заявления о численном росте КПК, партийные организации фактически не функционируют как жизнеспособные, действительно руководящие органы. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что при подготовке к съезду ему не предшествовали конференции провинциальных партийных организаций, которые, согласно Уставу, должны были избрать делегатов съезда. Никаких провинциальных конференций не было, как не было и выборов делегатов. И даже в нарушение Устава КПК, принятого на IX съезде, делегаты были, по существу, назначены, или, как говорится в коммюнике, «избраны», путем «многократного обмена мнениями и консультаций по поводу кандидатуры делегатов», хотя ни слова не сказано о том, кто же, собственно, «избрал» этих делегатов и кого они представляют.

Более того, как признает, по сути дела, коммюнике, съезд лишь проштамповал ту договоренность, которая была достигнута в ходе острой борьбы внутри маоистской группировки, и фактически лишь оформил результаты сложного торга.

В документах съезда утверждается: «Практика последних четырех с лишним лет полностью подтвердила правильность как политической, так и организационной линии съезда партии». Китайские руководители всячески подчеркивали на X съезде преемственность линии IX съезда. Как Чжоу Энь-лай, так и Ван Хун-вэнь особенно делали упор на то, что политический отчет IX съезду, с которым, как известно, выступал Линь Бяо, «был разработан под личным руководством председателя Мао Цзэ-дуна». Однако факты и даже сами документы X съезда, признания, содержащиеся в докладах Чжоу Энь-лая и Ван Хун-вэня, говорят не о правоте, а об очередном провале маоизма, продолжении глубокого кризиса, переживаемого правящей пекинской верхушкой.

В самом деле, политический курс Мао Цзэ-дуна, одобренный IX съездом, вызвал острые разногласия внутри китайского руководства, ибо этот курс не только не указывал пути решения проблем, которые стояли перед страной, но и противоречил главным направлениям развития международной обстановки. И маоистам пришлось маневрировать, менять тактику, с тем чтобы приспособиться к новой ситуации.

В самом деле, трудно говорить о правильности организационной линии после того, как «под личным руководством» Мао Цзэ-дуна были созданы руководящие органы КПК на IX съезде и Мао Цзэ-дун **лично** назвал Линь Бяо своим «самым верным соратником, ближайшим помощником и преемником», а затем последовала расправа над многими членами Политбюро и многими местными руководителями. Примерно половина состава Политбюро, включая самого «преемника», оказалась «буржуазными карьеристами, интриганами, контрреволюционерами, двурушниками, предателями и изменниками родины, гоминдановскими агентами, троцкистами, спецагентами, ревизионистами». Как можно говорить о «правильности организационной линии Мао Цзэ-дуна», если потребовалось досрочно созывать съезд и менять Устав партии, чтобы как-то уладить организационную неразбериху в структуре власти после «дела Линь Бяо»?

ЗАМЕТАЮТ СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хотя в повестке дня съезда и значился «политический отчет ЦК КПК», однако такого отчета практически не было. Съезд не ответил ни на один крупный вопрос развития Китая и самой партии. Да он их и не ставил.

Как явствует из коммюнике, главное место в работе съезда заняли проблемы дележа власти внутри военно-бюрократической группировки маоистов. И именно поэтому «дело Линь Бяо» стало центральным.

Китайские руководители оказались перед исключительно сложной проблемой: сказать о «деле Линь Бяо» так, чтобы по существу ничего не сказать. В докладе Чжоу Энь-лая утверждается, что «антипартийная группировка Линь Бяо представляла собой всего лишь горстку людей, она была крайне изолированной среди всей партии, всей армии и народа, всей страны и не могла влиять на положение в целом». Но если это так, то смешными выглядят высокопарные рассуждения о том, что ликвидация Линь Бяо — «это крупнейшая победа нашей партии со времени IX съезда, это тяжелый удар по внутренним и внешним врагам», что устранение Линь Бяо, по словам Чжоу Энь-лая, способствовало не только тому, что «линия IX съезда еще глубже проникает в сознание людей», но и «преодолению серьезных стихийных бедствий». Вот уж поистине: когда пытаются доказать слишком много, то ничего не доказывают!

Чтобы отвлечь внимание от провалов политики Мао Цзэ-дуна внутри Китая, китайские лидеры хотели бы изобразить «сентябрьские события» 1971 года как результат происков внешних сил. Одно время китайская пропаганда даже пыталась представить Линь Бяо в роли «агента Москвы», однако вся эта затея оказалась столь явно несостоятельной, что в Пекине сочли за благо ограничиться на X съезде попыткой изобразить ближайшего соратника Мао Цзэ-дуна жалким заговорщиком и беспомощным политиканом, который якобы после провала третьей и последней попытки «совершить покушение на жизнь великого вождя» «незаконно взял самолет и вылетел на нем, чтобы перебежать к советским ревизионистам, но разбился на территории Монгольской Народной Республики».

Любопытно, что из «совершенно секретных» материалов по «делу Линь Бяо» (правда, они почему-то очень скоро оказались в редакциях всех крупнейших буржуазных газет и информационных агентств) следует, что о подготовленных попытках покушения Линь Бяо на Мао знали в окружении Мао, а Мао Цзэ-дуну и Чжоу Энь-лаю было известно даже о намерении Линь Бяо улететь за границу, и они почему-то ничего не предприняли, чтобы предотвратить это.

Кого могут убедить подобные авантюрно-детективные россказни, очевидно, состряпанные в канцеляриях подшефной Кан Шэну охранки? Работников этих ведомств нельзя упрекнуть в избытке фантазии или особой оригинальности — они лишь пережевывают заезженные еще во времена гоминдана штампы о пресловутой «руке Москвы» и «советском красном империализме».

Однако если отбросить многочисленные и порой взаимоисключающие ярлыки, касающиеся «дела Линь Бяо», и вдуматься в смысл даже тех политических обвинений, которые бросает в адрес Линь Бяо Чжоу Энь-лай, то невольно возникает вопрос: а был ли вообще политический заговор и не являются ли разглагольствования о Линь Бяо как о заговорщике попыткой скрыть беспринципную борьбу за власть среди ближайшего окружения Мао, а также спрятать концы в воду после физической расправы над Линь Бяо и его ближайшими сподвижниками, закамуфлировав ее под катастрофу с самолетом? Стремясь любой ценой скомпрометировать Линь Бяо, китайские руководители, видимо, не задумываются над тем, как они дискредитируют себя, уподобляясь гоголевской унтер-офицерской вдове, которая «сама себя высекла». В японской и гонконгской печати летом 1972 года было опубликовано «совершенно секретное» письмо ЦК КПК от 13 января 1972 г. по поводу «контрреволюционного заговора Линь Бяо».

В так называемой «Инженерной схеме 571» (о ней упоминалось на X съезде), которая якобы представляет собой закодированный план «вооруженного восстания», «убийства Мао Цзэ-дуна» и «создания нового ЦК КПК», о Мао Цзэ-дуне говорится следующее:

«Он каждый раз вытаскивал одну силу для разгрома другой, сегодня вытаскивает эту для разгрома той, завтра вытаскивает ту для разгрома этой; сегодня поет дифирамбы одним, а завтра приклеивает им ярлыки предателей и уничтожает их, сегодня вместе с ними сидит на троне, а завтра они его узники. Из истории нескольких десятков лет видно, что тех, кого он начинает поднимать, впоследствии неизбежно ожидала политическая смерть. Какие политические силы могли сотрудничать с ним до конца? Его бывший секретарь — убийца из убийц, тюремщик из тюремщиков, один из наиболее близких его соратников и приближенных — сам оказался в тюрьме. Он даже не пощадил своего собственного сына и довел его до сумасшествия, он является злостным интриганом и извергом; он может любого живьем закопать в землю и все плохое свалить на него. Совершенно ясно, что все те, кто был его приближенным и был низвергнут, в действительности являются жертвами отпущения».

Если это подлинный документ, то он говорит о том, что даже последовательные маоисты, если у них сохраняется частица политической ответственности и долга перед страной, рано или поздно осознают пагубность маоизма. Именно об этом свидетельствует «дело Лю Шао-ци» и «дело Линь Бяо».

Если же «Инженерная схема 571» — фальшивка (а именно к такому выводу приходят многие специалисты и даже тайваньская пропаганда), то маоисты делали ее, как говорится, с натуры и, пожалуй, даже слишком натуралистически для такого материала.

В самом черном цвете рисует Чжоу Энь-лай политические нравы внутри правящей группировки Пекина, когда утверждает, что Линь Бяо был вынужден зачитать доклад, с которым он был не согласен и «против которого тайно интриговал», когда говорит о многих своих вчерашних коллегах, что они «не показываются без «цитатника председателя Мао» в руках, не держат речь без «да здравствует председатель Мао» на устах, на глазах славословят, а в спину удар наносят».

Если это так, то трудная жизнь у председателя Мао и еще более безрадостное будущее! Вокруг «спецагенты», потенциальные ренегаты и предатели, «миноны замедленного действия» и «деятели», которые под знаменем идей Мао Цзэ-дуна борются против Мао Цзэ-дуна.

В такой обстановке призыв Мао Цзэ-дуна, красочно сформулированный «три нужно и три нельзя», обращенный к его сторонникам, звучит буквально как крик души! «Нужно проводить марксизм (читай «идеи Мао Цзэ-дуна»), а не ревизионизм (на маоистском жаргоне «ревизионизмом» может быть названо все, что угодно, включая и подлинный марксизм-ленинизм, поскольку он не соответствует маоизму); нужно сплачиваться, а не идти на раскол; нужно быть честным и прямым, не заниматься интриганством».

Прекрасно сказано! Только жаль, что как автор этой тирады, так и его сторонники не осмеливаются разложить собственные слова и дела по полочкам «трех нужно и трех нельзя». В этом случае им очень пригодился бы для самоанализа и самооценок красочный набор эпитетов, употребляемых в связи с «делом Лю Шао-ци» и «делом Линь Бяо».

Как утверждается в «Политическом отчете» (и это одно из главных обвинений!), Линь Бяо и Чэнь Бода считали, что «главной задачей после X съезда должно быть развитие производства». Но разве председатель Мао и его премьер Чжоу Энь-лай считают по-другому? Разве для Китая, который сами китайские руководители называют «отсталой, развивающейся страной», развитие производства не является действительно главной задачей? Ведь даже в документах X съезда говорится в числе прочих задач о том, что нужно «вести революцию и стимулировать развитие производства». Видимо, слова Чжоу Энь-лая, сказанные им в докладе на X съезде: «Мы, как всегда, отстаем от требований объективной обстановки», — действительно и точно характеризуют политику китайских руководителей.

КУЛЬТ ТЕРРОРА ПОД ВЫВЕСКОЙ «КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ» И «ПРОДОЛЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ»

Одним из главных политических постулатов, с помощью которого китайские руководители пытаются в документах X съезда оправдать свою волюнтаристскую, авантюристическую политику и в том числе пресловутую «культурную революцию», бесчисленные чистки и преследования честных людей, подозреваемых в противодействии политике маоистов, а также клевету Пекина на социалистический строй в Советском Союзе и других братских государствах, являются тезисы об «обострении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией», о «продолжении революции в условиях диктатуры пролетариата», о «борьбе двух путей — капиталистического и социалистического» вплоть до победы коммунизма. Трудно сказать, чего больше в этих рассуждениях — политической демагогии или невежества в области теории научного социализма. Можно было бы подумать, что Мао Цзэ-дун и его последователи, никогда не изучавшие всерьез теорию марксизма-ленинизма, заблудились в трех соснах, спутали социальную обстановку в стране в период сразу после победы социалистической революции с периодом построения зрелого социалистического общества и переходом к коммунизму, как это имеет место сейчас в СССР. Однако совершенно очевидно другое — искусственная притянутость теории о «классовой борьбе» для оправдания антисоциалистических действий и групповой борьбы за власть внутри пекинской верхушки и клеветнических нападок на СССР и другие социалистические страны, где, по утверждениям Мао, «реставрирован капитализм».

Все рассуждения китайских руководителей о классовой борьбе совершенно алогичны и противоречат фактам. Ведь они утверждают, что Китай является социалистической страной, что в Китае в ходе «культурной революции» якобы укрепилась диктатура пролетариата и что, дескать, сама «культурная революция» «представляет собой великую политическую революцию пролетариата против буржуазии и всех других эксплуататорских классов, проходящую в условиях социализма».

Если принимать эти утверждения китайских лидеров всерьез, то неизбежен вывод: либо в Китае вообще не было социалистической революции, кооперации сельского хозяйства, преобразования капиталистической промышленности и торговли, ликвидации эксплуататорских классов и, следовательно, в Китае нет никакого социализма, либо налицо попытка использовать социалистическую фразеологию для проведения противоречащей принципам социализма великодержавно-шовинистической, антинародной политики и для подавления социалистических, здоровых сил в обществе для борьбы против коммунистов, которые оказывают сопротивление маоистской политике.

Как известно, в Китае сохраняются остатки эксплуататорских классов. Но ведь маоисты, объявляя смертельную войну «лицам, идущим по капиталистическому пути», «лицам, стремящимся к реставрации капитализма», под которыми подразумеваются члены КПК, старые революционеры и рабочие, совершенно не задевают остатки эксплуататорских классов. Ведь эти нарочито туманные высказывания о «лицах» — лишь удобное средство расправы с политическими противниками. Для этого нужно лишь наклеить на них ярлык «классового врага».

Усиленная эксплуатация маоистами тезиса об обострении классовой борьбы в условиях социализма — это не что иное, как признание того, что политика маоистов не отвечает интересам и потребностям масс, потребностям развития социализма в Китае, что она вызывает острые конфликты в обществе и противодействие со стороны масс и что эту политику можно проводить лишь в условиях ожесточеннейшей непрерывной борьбы, насилия, перманентных чисток, террора и запугивания. Очевидно, в этом и состоит смысл заявлений Чжоу Энь-лая и Ван Хун-вэня о том, что кампании, подобные «культурной революции», будут повторяться с интервалом в несколько лет десятки раз. Любопытно, что эти кампании маоисты связывают с «борьбой двух линий (маоистской и антимаоистской. — М. А.) внутри партии», причем, по словам Чжоу Энь-лая, эта борьба «будет повторяться еще 10, 20, 30 раз».

При этом для пущей важности и «теоретического углубления» этого тезиса в докладе Ван Хун-вэня делается даже ссылка на некий «объективный закон классовой борьбы», открытый Мао Цзэ-дуном. Этот «закон» гласит:

«Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку. Это повторяется через каждые семь-восемь лет. Всякая нечисть сама вылезает наружу. Не вылезать она не может...»

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

Материалы X съезда и итоги выборов ЦК и руководящих органов партии говорят о том, что различным враждующим кланам внутри маоистской группы удалось достигнуть определенного компромисса как по организационным, так и по политическим вопросам. Об этом свидетельствуют внутренняя противоречивость документов X съезда, попытка сочетать в них взаимоисключающие тенденции. Безусловным успехом наиболее экстремистского крыла маоистов является то, что X съезд подтвердил главный лозунг «культурной революции» — «вести борьбу, критику и преобразования в области надстройки», сделал упор на обострение классовой борьбы и тезис «продолжения революции».

Тот факт, что в документах съезда не нашли отражения некоторые реалистические хозяйственные мероприятия, которые проводились на практике на местах и о которых даже говорилось накануне съезда в печати, также свидетельствует о влиянии экстремистского крыла маоистов на выработку политического курса.

Вместе с тем очевидно, что организаторы съезда не решились полностью игнорировать потребности, диктуемые конкретной ситуацией и текущими потребностями развития страны. С этим связана, очевидно, реабилитация определенной группы старых опытных партийно - государственных кадров, включая таких лиц, как бывший генеральный секретарь КПК Дэн Сяо-пин (в годы «культурной революции» его именовали не иначе, как «лицо № 2, стоящее у власти и идущее по капиталистическому пути»), бывшие члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК КПК Тань Чжэнь-линь, Уланьфу, Ван Цзясян, Ли Фу-чунь, Ли Цзинь-цюань и ряд бывших первых секретарей провинциальных комитетов партии. Они стали членами ЦК КПК, но им отведена роль «спецов», находящихся под тщательным контролем.

Включение в состав руководящих органов партии двух представителей национальных меньшинств Китая (чжуанца Вэй Го-цина и уйгура Сайфуддина) отражает, видимо, стремление ослабить напряженность в межнациональных отношениях в КНР, вызванную шовинистической ассимиляторской национальной политикой Мао Цзэ-дуна.

То обстоятельство, что к «делу Линь Бяо» пристегнут Чэнь Бо-да, который был видной фигурой в группировке Цзян Цин—Кан Шэн, ведущим идеологом маоизма, безусловно, бросает тень как на самого Мао Цзэ-дуна, так и на группу «леваков», включая Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня и т. д.

Многие зарубежные наблюдатели подчеркивают, что «смутное время», переживаемое Китаем, не кончилось, что борьба за власть будет продолжаться и неизбежны новые вспышки. Факты свидетельствуют о том, что ведущие фигуры в группе Мао готовятся к этой предстоящей борьбе и усиленно продвигают своих сторонников в руководящие органы партии и государства. Вероятно, на сессии ВСНП, которая, по словам Чжоу Энь-лая, должна состояться в ближайшем будущем, борьба за расстановку на государственных постах представителей различных группировок разгорится с новой силой.

В этой связи показателен и факт резервирования своих позиций в отношении линии Мао Цзэ-дуна некоторыми видными китайскими деятелями. Наиболее однозные и темные стороны деятельности нынешнего китайского руководства внутри страны («культурная революция», преследование партийных кадров под видом чистки, школы «7 мая», милитаризация страны), а также в области внешней политики (откровенное и беспринципное заигрывание с империализмом на антисоветской основе, солидарность с наиболее агрессивными кругами НАТО, с реваншистами и другими реакционными силами) — все это изображается как акции, осуществляемые по **личной инициативе, под личным руководством** Мао Цзэ-дуна. Не случайно в этой связи и то, что о докладе Линь Бяо на IX съезде КПК сказано, что он «был разработан под личным руководством председателя Мао Цзэ-дуна». Эти деятели, видимо, пытаются выступать перед общественностью и судом истории лишь в роли послушных исполнителей воли и указаний Мао Цзэ-дуна.

Хотя X съезд КПК в какой-то мере «выпустил пары» из перегревшегося котла, ему не удалось устранить ожесточенное соперничество между различными кланами маоистской группировки. Не прошло и месяца после завершения X съезда, как на стенах Пекина и Шанхая вновь появились пресловутые дацзыбао с призывами «оторвать головы новым мошенникам типа Линь Бяо». Под «мошенниками» подразумеваются некие высокопоставленные деятели пекинской верхушки. Итак, снова возник естественный для внутренней механики маоистского режима вопрос: кто следующий?

АРМИЯ И ПАРТИЯ

Как в докладе Чжоу Энь-лая, так и в докладе об изменениях Устава содержится заявление: «партия должна руководить всем», в том числе и армией, и хунвэйбиновскими организациями.

Призывы к усилению роли партии — косвенное следствие «дела Линь Бяо» и одновременно признание несостоятельности и опасного характера тезиса Мао «винтовка рождает власть», который логически привел к формуле «винтовка руководит всем».

Ныне маоисты пытаются сохранить первый тезис и отказаться от второго. На практике это осуществляется путем усиления контроля над армией. Но хотя роль армии в настоящее время не подчеркивается, ее исключительно важные позиции в политической жизни страны сохраняются. Об этом свидетельствует то, что в составе нового ЦК КПК профессиональные военные составляют около 40 процентов. В Политбюро ЦК КПК кадровые военные и лица, занимающие военные должности, образуют абсолютное большинство: восемнадцать из 25 членов и кандидатов в члены Политбюро; в Постоянном комитете Политбюро их шесть из девяти; среди пяти заместителей председателя ЦК КПК — трое из пяти. Сильные позиции у военных и на местах, где в 22 из 29 парткомов и ревкомов провинциального уровня все ключевые позиции также принадлежат им. С этим не могут не считаться в Пекине.

МАОИЗМ — ПУТЬ В НИКУДА!

В целом в области внутренней политики съезд не выдвинул никакой позитивной программы социально-экономического строительства страны. В документах съезда не содержится конкретного анализа развития экономики страны, ее перспектив. Об экономическом плане упоминается лишь вскользь. Однако, перечисляя в самой общей форме задачи страны в области внутренней политики, Чжоу Энь-лай наряду с упоминанием несостоятельных маоистских догм вынужден был, хотя и в столь же общей форме, призвать «усиливать планирование и координацию». Он потребовал от партийных организаций «уделять должное внимание вопросам экономической политики, заботиться о жизни масс, хорошо вести обследование и изучение, как следует выполнять и перевыполнять государственные планы развития народного хозяйства». Но если китайские руководители будут продолжать следовать маоистскому курсу, то все эти призывы повиснут в воздухе, ибо маоизму чужды интересы народа: реальная политика Мао Цзэ-дуна направлена на консервацию низкого жизненного уровня трудящихся, концентрацию всех ресурсов страны для развития военной промышленности и ракетно-ядерного оружия.

РАЗРЯДКА ИХ СТРАШИТ

В материалах X съезда разделы, касающиеся внешней политики, не содержат серьезного и реалистического анализа международной обстановки.

В документах съезда сквозит явное замешательство и недовольство лидеров Пекина разрядкой международной напряженности, которая прежде всего связана с активным мирным наступлением Советского Союза и стран социалистического содружества, является результатом роста мощи и международного престижа сил социализма, и прежде всего социалистического содружества, и которая является также результатом усиления реалистических тенденций в политике ряда крупных западных государств.

Маоисты, вновь рядясь в тогу революционеров, утверждают: «Мы все еще живем в эпоху империализма и пролетарской революции». Прикрываясь превратно истолкованными цитатами из работ В. И. Ленина об империализме, китайские руководители фактически вновь возвращаются к тезису о неизбежности мировой войны. Опасаясь выступать в роли откровенных апологетов войны, китайские лидеры слово «война» заменяют абстрактным термином «колоссальные беспорядки на земле». Характеризуя международную обстановку, они говорят: «Надвигается ливень в горах, и весь терем продувается ветром».

Эти цветистые фразы должны прикрыть курс маоистов на обострение международной напряженности. Именно поэтому в «Политическом отчете» разрядка международной напряженности характеризуется как «явление временное и поверхностное», а «колоссальные потрясения» объявляются «делом хорошим, а не плохим». В этом недвусмысленно проявляются намерения Пекина противопоставить свою политику общей согласованной линии стран социалистического содружества на разрядку напряженности и упрочение дела мира, которая была утверждена съездами коммунистических партий социалистических стран и еще раз четко изложена в коммюнике Крымской встречи руководителей братских партий социалистических стран в июле 1973 года.

Рассматривая международную обстановку, Пекин делает вид, будто нет социалистической системы, нет социалистического содружества.

В документах съезда повторяется прежний авантюристический лозунг о создании «широчайшего единого антиамериканского и антисоветского фронта», который дополнен призывом ко всем странам, и особенно к странам «третьего мира», бороться «против гегемонии двух сверхдержав — США и Советского Союза».

Вместе с тем из общего контекста материалов съезда видно, что критика в адрес американского империализма значительно ослаблена. Главный удар нынешние лидеры Пекина направляют против Советского Союза, всячески клевеща на внутреннюю и внешнюю политику нашей партии, Советского государства.

Китайские руководители особый упор делают на мифическую опасность «внезапного нападения социал-империализма», под которым, как известно, в Пекине имеют в виду Советский Союз. Именно с этим прежде всего связывается и опасность мировой войны. «Социал-империализм» изображается более агрессивным, чем американский империализм. На основании этого китайские руководители пускаются в псевдонаучные рассуждения о возможности компромиссов с империализмом для противодействия «социал - империализму». Тем самым делается попытка оправдать курс на беспринципное сближение с крупнейшими западными державами на антисоветской основе.

Есть на Западе деятели, которые порой спешат приобрести в лице Пекина союзника для достижения определенных политических целей на международной арене. Пусть они не заблуждаются насчет подлинных намерений и возможностей нынешних китайских руководителей! Новому дальневосточному Мюнхену не суждено состояться! Здесь уместно вспомнить китайскую пословицу: «Поднявший камень себе же отшибет ноги!».

В связи с безрассудной антисоветской политикой Мао и его окружения весьма уместным было бы упоминание о некоторых выводах Компартии Китая из уроков контрреволюционного перепорота Чан Кайши в 1927 году и предательства некоторых бывших «левых» гоминдановцев, которые переметнулись в лагерь врагов после нападения Японии на Китай.

Примечательно, что эти выводы были изложены Мао Цзэ-дуном в 1940 году в его работе «О новой демократии».

Вот что он говорил тогда:

«Если Китай хочет стать независимым, то он никак не может обойтись без помощи социалистического государства и международного пролетариата... Отказаться от помощи Советского Союза — значит обречь революцию на поражение».

И далее идут слова, эву-

НАРОДА

чащие как наставление в условиях сегодняшнего дня:

«Теперь положение совершенно ясно: если не политика союза с Россией, если не союз с социалистическим государством, то непременно политика союза с империалистами, непременно союз с империализмом. Пойдешь на союз с ними (империалистами. — М. А.), а они потребуют от тебя «с боем — на Север», и от твоей революции ничего не останется».

Этот вывод из уроков истории Мао Цзэ-дун повторял в 1957 году, когда заявил: «После Октябрьской революции правительство любой страны, если оно откажется жить в дружбе с Советским Союзом, лишь **нанесет ущерб подлинным интересам народа своей страны»** (выделено мною.— **М. А.**).

Выходит, что ныне Мао Цзэ-дун, как и, по словам Чжоу Энь лая, Линь Бяо на IX съезде, интригует против собственных слов и даже, более того, против уроков истории. Выходит, что нынешняя политика Мао — даже с точки зрения его прежних принципиальных установок — является... антикитайской! И это действительно так.

Как известно, линия китайских руководителей на сближение с Западом вызывает широкие комментарии в мировой печати. Все трезво мыслящие наблюдатели подчеркивают, что пекинские лидеры хотели бы использовать свое сближение с Западом и для того, чтобы помешать как общей разрядке международной напряженности, так и нормализации отношений западных государств с Советским Союзом и другими социалистическими странами. За осуществление антисоветской политики Пекин хотел бы получить на Западе не только политическую поддержку своих шовинистических амбиций, но и экономическую помощь.

Однако, проводя эту линию, маоисты вынуждены считаться с тем, что их курс на сближение с Западом имеет свои пределы и чреват для самих маоистов опасными последствиями. Сохраняющиеся социалистические элементы базиса и надстройки в Китае, глубоко укоренившаяся в китайском народе ненависть к империализму, который принес в свое время Китаю огромные бедствия, — все это ставит препоны политике беспринципного сближения с империалистическими государствами Запада. Поэтому маоисты, чтобы ослабить недовольство народа такой политикой, пытаются выдать ее за попытку найти нового союзника перед лицом «агрессии с Севера», то есть Советского Союза, всячески разжигая антисоветизм в Китае.

Другим препятствием к откровенному сближению Китая с империалистическими государствами и блокированию с ними являются, как ни странно, сама гегемонистская внешнеполитическая линия Пекина, а также расчеты Пекина на то, чтобы добиться лидерства в «третьем мире» и использовать союз со странами Азии, Африки и Латинской Америки для укрепления своих позиций на мировой арене как «сверхдержавы». Боязнь еще сильнее подорвать свой авторитет в «третьем мире» вынуждает пекинских лидеров сохранять антиимпериалистические лозунги.

Кроме того, политика блокирования с империалистическими и откровенно реакционными реваншистскими силами на Западе вызывает критику со стороны даже тех друзей маоистов, которые искренне верили в их антиимпериалистические лозунги и принимали за чистую монету революционные фразы Пекина.

СИНТЕТИЧЕСКОЕ ПУГАЛО

В докладе Чжоу Энь-лая и в информационном коммюнике съезда затрагиваются советско-китайские отношения. Можно было бы только приветствовать заявление Чжоу Энь лая о том, что споры между Китаем и Советским Союзом не должны мешать нормализации отношений двух стран на основе пяти принципов мирного сосуществования, пограничные вопросы между Китаем и Советским Союзом должны быть мирно урегулированы путем переговоров в условиях, исключающих всякую угрозу». Однако эти разумные слова, сказанные впервые еще в октябре 1969 года, с тех пор так и не нашли подтверждения в практических делах, а сопровождались безответственными разглагольствованиями о мифической «угрозе с Севера» и бранью по адресу Советского Союза и его политики.

Таким образом, слова китайских руководителей расходятся с делом и красивая фраза, содержащаяся в «Политическом отчете» и гласящая, что китайские лидеры «верны своему слову», опровергается их вероломными действиями и фарисейской политикой.

Ведь именно китайские руководители в начале 60-х годов начали концентрировать войска вдоль всей советско-китайской границы, выселять местных жителей и создавать военные поселения, строить различные военные объекты. Ведь именно по указке Мао на советско-китайской границе стали организовываться одна провокация за другой, вплоть до крупных кровавых столкновений.

Из материалов, опубликованных хунвэйбинами в ходе «культурной революции», известно, что на одном из рабочих совещаний в ЦК КПК в 1963 году бывший тогда начальником Генштаба НОАК и секретарем ЦК КПК Ло Жуй-цин обратился к Мао Цзэ-дуну и Линь Бяо с предостережением о том, что меры по «подготовке на случай войны», активно осуществляемые вдоль советско-китайской границы, могут вынудить СССР принять ответные меры. Согласно тому же источнику, Мао ответил, что якобы Китаю выгодно привлечь внимание Советского Союза к границе с Китаем и что эту границу «надо превратить в сплошную кровоточащую для СССР рану».

Когда же Советский Союз вынужден был для защиты своих рубежей принять необходимые меры по укреплению охраны своей границы, то пекинские руководители подняли невероятный шум «об угрозе с Севера», «о концентрации советских войск на границе» и т. д. и т. п. Одновременно многочисленные предложения Советского Союза, касавшиеся нормализации обстановки на границе и советско-китайских отношений, либо игнорировались, либо отвергались. На съезде маоисты даже не упомянули об этих инициативах СССР. Как сообщил недавно в своем выступлении в Ташкенте Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, китайские лидеры даже не соизволили отметить на предложение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о заключении договора о ненападении между СССР и КНР, выдвинутое в середине июня с. г. Это предложение со всей убедительностью показывает добрую волю и конструктивный подход Советского Союза к вопросу развития отношений с КНР. Ранее маоисты отвергли или оставили без ответа наши предложения о встрече на высшем уровне, о подтверждении действенности Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи (1950 г.), о подписании Договора о неприменении силы, включая обычное и ракетно-ядерное оружие, и целую серию конструктивных инициатив по нормализации межгосударственных отношений. Пытаясь уйти от серьезного обсуждения этих предложений и прикрыть несостоятельность своей политики в отношении СССР и отсутствие реалистического, конструктивного подхода к ней, авторы «Политического отчета» ЦК КПК пошли на жалкий трюк. Рассчитывая, очевидно, на полную неосведомленность людей, они с наигранной наивностью вопрошают: «Неужели он (Китай. — **М. А.**) должен отдать советским ревизионистам всю свою территорию к северу от Великой стены, чтобы продемонстрировать свое одобрение разрядки международной обстановки и готовность улучшить китайско-советские отношения?» Авторам этого риторического вопроса прекрасно известно, что у Советского Союза нет никаких территориальных претензий к Китайской Народной Республике. Спрашивается: зачем ведется столь нечистоплотная игра китайскими руководителями? Как можно верить этим политическим деятелям, которые, зная действительные факты, занимаются дурно пахнущей мистификацией?!

Чем же вызвано столь яростное ожесточение китайских руководителей в отношении Советского Союза? Это связано с рядом причин — главным образом внутренних, а также, конечно, с тем, что в китайском народе, несмотря на многие годы оголтелой антисоветской кампании, по-прежнему сохраняются добрые чувства к Советскому Союзу, подлинному другу китайского народа.

Конструктивные шаги по нормализации советско-китайских отношений, предпринятые нашей страной в последние годы, поставили китайских лидеров в сложное положение.

Содержащиеся в докладе Чжоу Энь-лая и других материалах съезда злобные антисоветские выпады и измышления имеют конечной целью оправдать враждебную Советскому Союзу линию и запугать тех, кто думает по-иному.

Что касается Советского Союза, Коммунистической партии Советского Союза, то они проводят в отношении Китая последовательный, принципиальный, интернационалистский курс, подтвержденный XXIV съездом КПСС. Мы никому не угрожаем, в том числе и Китаю. Мы ни к кому, в том числе и к Китаю, не имеем никаких политических или территориальных притязаний и не намерены вмешиваться в его внутренние дела. Политика угроз и шантажа в корне противоречит принципам Советского государства и нашей партии. Мы сторонники дружбы, сотрудничества и добрососедства со всеми народами, в том числе с великим китайским народом. Об этом наша партия заявляла неоднократно.

Выступая летом этого года в Алма-Ате, тов. Л. И. Брежнев заявил:

«Наш принципиальный курс, сочетающий решительную борьбу против теории и практики маоизма, как враждебного ленинизму течения, с готовностью к нормализации межгосударственных отношений с КНР, курс XXIV съезда остается неизменным». В своем выступлении в Ташкенте 24 сентября с. г. тов. Л. И. Брежнев еще раз подчеркнул, что наша партия и Советское государство ведут курс не только на нормализацию отношений с КНР, но и, более того, на восстановление советско-китайской дружбы, что отвечало бы коренным интересам народов наших стран и всех миролюбивых сил.

Заявления советских руководителей по этим вопросам подкрепляются делами, переводятся на язык конкретных и конструктивных предложений.

Весь советский народ, все советские коммунисты целиком и полностью поддерживают такую реалистическую линию нашей партии в отношении Китая. Политика нашей партии исходит из того кардинального факта, что коренные интересы советского и китайского народов не только не противоречат друг другу, но и совпадают. И поэтому наша партия разоблачает как опасные и вредные для самого Китая попытки пекинских лидеров оправдать свой антисоветизм неким столкновением интересов Китая и Советского Союза, якобы нерешенностью территориального вопроса, надуманными территориальными притязаниями к СССР, затасканными выдумками об «угрозе с Севера». Рано или поздно в Китае должны понять и поймут, что политика враждебности, проводимая китайским руководством, не принесет пользы Китаю, что она лишь вредит прежде всего китайскому народу, делу строительства социализма в Китае.

***

Анализ документов X съезда КПК показывает, что этот съезд не внес какого-либо вклада в решение сложных и актуальных проблем развития Китая по пути социализма, скорее — наоборот. Маоисты использовали этот съезд для ослабления внутренних распрей и упрочения диктаторского режима военно-бюрократической группировки, политика которой представляет собой не только угрозу социалистическим завоеваниям китайских трудящихся, но и наносит серьезный ущерб делу социализма, демократии и мира во всем мире. Более того, маоистский авантюристический внешнеполитический курс создает новый источник напряженности в мире.

ЧИЛИЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-й СТР.

КНИГИ горят особенно ярко. Ярче, чем чистая бумага. Это было замечено, и об этом не без испуга говорили еще во времена инквизиции. Те, кто видел костры из книг на улицах городов фашистской Германии или фотографии тех лет, тоже знают об этом. Говорят, это из-за типографской краски. Может быть. Во всяком случае, костры из книг, сложенные и разожженные хунтой, ярко высветили фашистскую сущность правителей Чили.

Солдаты методично, дом за домом, квартиру за квартирой, комнату за комнатой прочесывают города и деревни. Они ищут людей и книги. Людей арестовывают, куда-то увозят, иногда расстреливают на месте «при попытке оказать сопротивление». Книги выбрасывают в окна, на мостовую, марксистские книги и те, что хунта по своему разумению считает марксистскими. И сжигают их на кострах.

Нечего и говорить о книжных магазинах (а их стало больше за три года существования правительства Альенде), нечего говорить о библиотеках (а в них стало больше книг за годы правительства Народного единства)

Полковник Педро Эвинг, один из деятелей хунты, заявил в интервью, которое было опубликовано реакционной чилийской газетой «Трибуна» (впрочем, нереакционные газеты в Чили не выходят, *они были запрещены* и разгромлены в первый же день переворота): «Книжные магазины должны избавиться от марксистской литературы, если они не хотят, чтобы к их владельцам были применены санкции».

В тот же день во многих городах, включая и городок Винья дель Мар (там, где похоронен убитый хунтой президент Сальвадор Альенде), солдаты почти полностью сожгли муниципальную библиотеку.

Огонь книжных костров, однако, высветил не только злорадное торжество мракобесия, но и тревогу тех, чья пропагандистская задача — представить перед миром генералов из чилийской хунты «борцами за демократию».

«Конечно, — пишет «Нью-Йорк таймс», — в чилийских вооруженных силах имеются офицеры с *фашистскими* замашками, но было бы все-таки неправильным относиться к тому, что произошло в Чили, как к *фашистскому* перевороту».

Спокойнее, спокойнее — увещевает разгорячившихся генералов газета «Вашингтон стар». Генералы должны иметь в виду, что «сохранение либерально-демократического (?!) образа хунты столь же важно, как и победа над Альенде»...

А генералы все никак не возьмут в толк: зачем притворяться демократами, если у них — сила, к чему беспокоиться о создании перед кем-то либерального образа, если можно практически безнаказанно жечь книги и убивать всех, кого хотят уничтожить?

Но, оказывается, надо. И генералы, ненавидя самих себя, отправляют за своей подписью официальное соболезнование вдове Пабло Неруды по поводу кончины поэта-коммуниста и личного друга президента Альенде, и подписывают *они это ненавистное соболезнование* при свете костров, в которых пылают книги и Пабло Неруды.

На беспокойную должность по заботам о создании своего «либерально-демократического образа», то есть должность «хефе де пропаганда», назначен некто с совсем не южноамериканской фамилией Уилоби (фамилия, скорее, североамериканская, в чем, впрочем, ничего удивительного нет). Ибо «хефе де пропаганда» сеньор Федерико Уилоби заведовал делами прессы и рекламы в американской автокомпании «Форд» в Чили, а еще раньше был служащим агентства информации США. На него, многоопытного мужа, и возложены неблагодарные хлопоты.

Это его обязанность отвечать на вопросы иностранных корреспондентов и произносить от имени хунты, например, такие велеречивые слова: «Пабло Неруда был великим поэтом, и его будет не хватать всем чилийцам»... Или: «Хунта — правительство идеалов, она уважает идеи. Хунта не верит, что сожжением книг можно остановить идеи. Но, сами понимаете, солдаты и полиция не всегда действуют в строгом соответствии с политикой своего правительства. Нечто подобное, г-да журналисты, случалось и в отношении книжных костров...» Именно с такими словами выступил сеньор Уилоби, шеф пропаганды хунты, перед иностранными корреспондентами в *Сантьяго*, когда *они* обратились к нему за разъяснениями, выступил, памятуя о необходимости, несмотря ни на что, создавать «либерально-демократический образ хунты».

Пылают костры книг в Чили, костры, которыми история обозначила путь мракобесия и фашизма.

ЛИМА (Перу)

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ДУЭТ

ЗАРУБЕЖНАЯ ПАНОРАМА «ЛГ»

* Перед VII съездом писателей ГДР

* *Рассказывают Моника Витти и Альберто Сорди*

ОНА ждала четыре года, когда наконец Альберто Сорди начнет снимать фильм «Звездная пыль». «Я просто шалею от радости, — говорит Моника Витти, — когда представляется возможность работать с Сорди».

«Звездную пыль» он задумал еще 15 лет тому назад, прочитав сценарий Антонио Пьетранджели. В сущности, это первый «почти» автобиографический фильм Сорди. Он посвящен трагикомической истории двух бродячих актеров — Деи Дани и Миммо Адами — хозяев труппы, громко именуемой «Грандиозные эстрадные представления» — жалкой горстки нищих комедиантов.

— Это верно, Моника, что еще в пятнадцать лет, когда вы решили во что бы то ни стало сделаться актрисой, вы начинали с эстрады?

ВИТТИ: Конечно! Я готова была на все ради подмостков. Даже на разрыв с семьей. Однажды, когда все сидели за столом, я спокойно заявила: «Сегодня я выступала на сцене». Что было! Отец чуть не задушил меня, мать едва не упала в обморок. Потом отец воскликнул: «Никогда!» Старший брат запер двери на ключ, чтобы я не убежала, и тоже закричал: «Никогда!» Представляете, что было бы, если бы я сказала, что согласна выступать даже в варьете... А все-таки, спустя какое-то время, я выступала и в варьете.

— А вы, Альберто?

СОРДИ: А я эстрадой занимался всерьез. Я был еще юнцом и хотел утвердиться в жизни любой ценой. В 1938 году я работал дублером, а по воскресеньям, уложив чемоданчик, отправлялся в Турин, Геную, Рим — выступать в варьете. Потом меня пригласили в «помощники» к одному римскому комику. Выступать помощником было очень легко: на призыв «Иди сюда, кретин», нужно было подойти и получить причитающуюся тебе долю пощечин и тумаков. Вот почему к фильму «Звездная пыль» у меня особое отношение: весь этот мир я знаю «изнутри» и потому лучше других могу показать его.

— Что есть в фильме помимо истории бедных комедиантов?

СОРДИ: Подлинная Италия сороковых годов, хотя показывает ее поколение, даже не знающее, как мы тогда жили: Италия «черного рынка», нищеты, энтузиазма и показного благополучия. Есть и немного тоски по тем временам, когда мы были молоды.

— Как, по-вашему, люди сейчас смеются так же, как и в те времена?

СОРДИ: В то время смеялись по-другому. Люди так нуждались в развлечении, юморе, пусть даже легковесном. Сегодня зрителя не рассмешишь пустячком: он требует более глубокого содержания, большей сдержанности, собранности.

— И вы, Моника, постоянно совершенствуете свое мастерство?

ВИТТИ: Я всегда не уверена в себе. Я обязательно должна чувствовать, что меня окружают люди, верящие в меня. К числу таких людей принадлежит Альберто, который к тому же дает мне свободу. Кое-что он мне подсказывает, а потом говорит: «Ну, а дальше действуй сама». Это замечательно. К Сорди я неравнодушна. Другие рядом с ним похожи на оранжерейные цветы. Да, они создают прекрасные вещи, но все это словно из полуфабрикатов. У Альберто талант инстинктивный, чистый, непосредственный.

— Что, по-вашему, значит достичь творческой зрелости?

ВИТТИ: Испытывать страх. Знаете, наша работа — вечный экзамен, вечное испытание, постоянная надежда сегодня сыграть хоть чуточку лучше, чем вчера. Я голову теряю от радости, когда получаю роль, которая меня увлекает. Такая работа спасает тебя от психологической смерти, от стремления жить просто ради того, чтобы жить. Для меня смысл жизни в том, чтобы она была интересной.

Моника ВИТТИ

Альберто СОРДИ

— Синьор Сорди, как режиссер, вы сейчас работаете над своим шестым фильмом, а как актер — над сто сорок пятым. Как вы относитесь к этому «двойному» амплуа?

СОРДИ: Я считаю, что фильмы комического жанра должны ставить и снимать сами исполнители. Комиком не следует управлять извне: он сам создает юмористические ситуации и просто не может объяснять кому-то, в чем суть его собственной находки. Как режиссер я чувствую себя очень уверенно. Не хочу казаться самонадеянным, но эту работу, которой я занимаюсь вот уже тридцать лет, я постиг по-настоящему глубоко и потому хорошо знаю, что и как мне нужно делать. Наверное, поэтому я почти никогда не раздражаюсь во время съемок, не выхожу из себя.

— Что вам дала ваша творческая зрелость?

СОРДИ: Я испытываю полное удовлетворение достигнутым. Сейчас я уже, можно сказать, вне борьбы. Раньше я всегда чувствовал себя бойцом, которому приходится сражаться против непонимания, против враждебной среды, против соперников. А сейчас я доволен, работаю от души, без нервотрепки. Когда приходит успех — работа становится сплошным удовольствием. Теперь я могу позволить себе и передышку. В сентябре выйдет наконец на экраны снятый мной фильм «Мой брат Анастазиа». Я должен был сделать его еще семь лет назад, а выпустил только сейчас, в самый разгар моды на фильмы о мафии. Но мне все равно. Я часто опережал моду. Думаю, что мой фильм о мафии все равно будет отличаться от других, хотя сегодня сама эта тема уже избита: в моей картине рассказывается история, взятая из жизни. Это история наивного и честного священника — брата известного гангстера Альберто Анастазиа. В фильме сталкиваются две действительности, два мира: мир беззащитных бедняков — итальянцев, живущих в Америке, и преступный мир мафии.

Дина ЛУЧЕ

«ЗУРОПЕО» (ИТАЛИЯ)

КТО, ГДЕ, КОГДА

Премия Шерфигу

Большая литературная премия 1973 года присуждена Академией Дании одному из крупнейших представителей современной датской литературы Гансу Шерфигу. Книги писателя-коммуниста, достигшие в Дании рекордных тиражей, хорошо известны и за пределами его родины. В Советском Союзе опубликованы романы «Замок Фрюденхольм», «Исчезнувший чиновник» и многие другие произведения. Ганс Шерфиг не раз выступал как выдающийся публицист и на страницах советской прессы.

На снимке: Ганс Шерфиг.

«Я расскажу вам о Деремском крае...»

«Я должен рассказать о своей местности, потому что я плоть от ее плоти. В районе деремских копей я жил и живу, здесь я хочу и умереть. Я не перелетная птица», — писал известный английский прозаик, автор переведенных на русский язык романов «День сардины» и «Надзиратели и поднадзорные» Сид Чаплин.

Недавно в Англии вышла книга Чаплина «Дерево с розовыми яблоками», в которой собраны статьи и очерки писателя, посвященные Деремy — северо-восточному промышленному району страны.

Две причины побудили Чаплина собрать свои работы. Первая — глубокий интерес к социологическому анализу, ибо, по его мнению, книги социологического характера «особенно нужны сейчас, потому что в Англии существует мнение, будто все социальные проблемы решены. В действительности это далеко не так». И вторая причина — стремление рассказать о жизнеутверждающем, творческом духе шахтеров, их неиссякаемой энергии, изобретательности.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПАНОРАМА «ЛГ»

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ БРАТСКИХ СТРАН

ГЛУБЖЕ ПОЗНАВАТЬ ЖИЗНЬ

НЕМНОГИМ больше месяца осталось до открытия в Берлине VII съезда писателей ГДР, посвященного проблемам дальнейшего развития социалистической литературы республики. Девятый пленум ЦК СЕПГ поставил перед творческой интеллигенцией страны четкую цель: «Искусство и культура призваны содействовать формированию такого человека, который в упорной международной борьбе между социализмом и империализмом, а также и в нашем обществе твердо стоял бы на социалистических позициях». Пути и возможности наиболее полного выполнения этой задачи стали, разумеется, центральной темой оживленной дискуссии, которая ведется в преддверии съезда на страницах печати ГДР.

О создании произведений социалистического реализма, тесно связанных с жизнью народа, говорят в своих статьях и интервью писатели ГДР разных поколений. В качестве одной из основных задач, стоящих перед современными авторами, выдвигается отображение в литературных произведениях жизни рабочего класса — основной движущей силы общественного прогресса, создание убедительного образа положительного героя наших дней — рабочего.

В этом плане представляет интерес опубликованное газетой «Берлинер цайтунг» интервью с молодой писательницей Ренатой Фейль. Писательница рассказывает о трудностях, с которыми она столкнулась при создании своей новой книги о группе молодых работниц. Она поставила себе целью отобразить своих героинь не только в заводской обстановке, показать их не только хорошими производственницами, но и живыми современными девушками со всеми их радостями и горестями, заботами и интересами.

Проблеме интернационализма в социалистической литературе посвятил свою статью в газете «Нойес Дойчланд» известный поэт Уве Бергер. «Интернационализм — это социалистическая и пролетарская солидарность, это наша классовая позиция по отношению ко всему происходящему в мире. Эту нашу позицию мы противопоставляем буржуазному космополитизму и национализму. Мы стремимся к диалектическому единству национального и интернационального, к тому, чтобы это единство обрело социалистическое содержание». Уве Бергер приводит конкретные примеры сотрудничества между литераторами социалистических стран.

Как бы продолжая его мысль, писатель Герберт Иобст отмечает огромное влияние, оказанное на его формирование как художника советской литературой. Он рассказывает об «открытии», которым стало для него знакомство с произведениями Гладкова, Макаренко, Маяковского, о пробудившейся у него своеобразной «зависти», которая послужила стимулом к самостоятельному творчеству. «Надо бережно отбирать, кого ставишь себе образцом... И я считаю, что у учиться лучше всего у своих братьев по классу... Советская литература была и остается для меня эталоном».

О взаимоотношениях между писателями разных поколений в связи с предстоящими на съезде дискуссиями говорит один из популярных писателей ГДР Вольфганг Иохо. Опровергая теорию о так называемом «конфликте поколений», упорно прокламируемую буржуазными идеологами, он пишет: «Тот факт, что писатели, принадлежащие к различным возрастным группам и обладающие различным жизненным опытом и темпераментом, но объединенные единым мировоззрением и общими задачами, ведут споры о проблемах художественного творчества, я считаю самой естественной вещью в мире: это в сотни раз более ценно, нежели монологи, которые произносятся вхолостую, а подчас и мимо ушей друг друга... Все мы, независимо от нашего возраста, от различий в творческих почерках, в личном жизненном опыте — ветви одного и того же древа нашей литературы».

Вопроса о молодежи, о литературной смене коснулась в своем интервью, опубликованном газетой «Нойес Дойчланд», и старейшая писательница ГДР Анна Зегерс. Отметив наличие в современной литературе ГДР «нескольких подлинных талантов не только среди представителей военного поколения, но и среди молодежи», Анна Зегерс остановилась на общих задачах, стоящих перед писателями всех поколений. Она говорила о необходимости для писателя глубже познавать жизнь, четко определить свою позицию в современном мире, свое отношение к самым актуальным событиям и проблемам сегодняшнего дня. Это, по ее словам, необходимая предпосылка для того, чтобы суметь привлечь на свою сторону читателя, убедить его в своей правоте.

«Последний съезд нашей партии открыл перед нами широкое поле деятельности, предоставил новые грандиозные и разнообразные возможности, — заявила Анна Зегерс в заключение. — Мы живем в период свободного развития социалистических личностей. Для претворения в жизнь решений последнего съезда партии и недавнего пленума нам необходимы не только таланты, но и правильное применение нами наших талантов. Поставить все свои силы на службу делу социализма — такова задача... стоящая и перед нашим Союзом писателей».

КТО, ГДЕ, КОГДА

Роман и пьеса

Известный английский писатель, «ведущий писатель своего поколения», как сказал о нем критик Джереми Бронс, Дэвид Стори выступил этой осенью сразу в двух лицах — как драматург и как романист. На сцене театра «Роял Корт» поставлена его пьеса «Кромвель», а издательство «Аллен Лейн» выпустило роман «Временная жизнь». Факт появления этих работ Стори представляется критикам интересным уже потому, что несколько лет назад автор романа «Такова спортивная жизнь» заявил, что впредь будет работать только для театра. «Авторы романов все больше и больше сосредоточиваются на самих себе. Я грешу этим не меньше, чем другие писатели, и поэтому в пьесах я найду избавление от пристрастия к самоанализу».

Правда, после пьес «Торжество» и «Подрядчик» Стори изменил своему решению и вновь начал писать романы. И вот наконец это «раздвоение личности» преодолено: Стори-драматург и Стори-романист заявили о себе одновременно.

Дитте — на оперной сцене

Композитор ГДР Курт Дитмар Рихтер и либреттист Хубертус Метте работают в настоящее время над оперой, в основу которой положен сюжет известного романа пролетарского датского писателя Мартина Андерсена-Нексе «Дитте — дитя человеческое». Премьера оперы, намеченная на осень будущего года, состоится в театре города Альтенбург (ГДР).

На снимке: Мартин Андерсен-Нексе.

ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ «КЛУБА ДС»

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Евгений ШАТЬКО

ТЕЛЕФОН в кабинете заведующего мебельным магазином звонил непрерывно.

— Товарищ Туров, это Ржавый вас беспокоит. Какой? Из ВТО. Нет, не из ватно-тряпичного объединения, а из театрального общества. Неясно? Вам привет от Стеллы Евгеньевны!

— Ясно.

— Извините, Вениамин Арнольдович, как с кухонными гарнитуром...

— Мало.

— Простите, вы «Гамлета» на Таганке видели?

— Не видел и не знаю такого. На Таганке не наш торг, товарищ.

— Я имею в виду спектакль. Попасть абсолютно невозможно! Но вам дико повезло! Я достал билет через брата того... из министерства рыбной промышленности.

— Пусть брат сам идет.

— Может быть, ваша супруга захочет?

— Не захочет.

— А на «Спартака» пойдете?

— Надо подумать. С кем «Спартак» играет?

— Извините, я имел в виду балет такой. Достал через тетю...

— Пусть тетя идет, дорогой.

***

— Это Арнольд Вениаминович?

— Нет, наоборот!

— Простите, Вениамин Арнольдович, с вами говорит Несветайло из МОСХа. Нет, не из московского холодильника, а из Союза художников. Привет от Стеллы Евгеньевны.

— Мало кухонных!

— Товарищ Туров, вы на выставку Сикейроса не хотите?

— Чего он выставляет?

— Настенную живопись.

— Ковры?

— Нет, это такие картины монументальные...

— Размеры?

— Метров десять на двадцать.

— У меня такой стены нет.

— А вы ликами, Вениамин Арнольдович, не увлекаетесь?

— Кем?

— Иконами, как говорится. Есть тринадцатый век!

— Не верю.

— Восьмой век!

— В бога уже не верю, друг.

***

— Товарищ Туров с литературным приветом Замышляев. Как вы насчет Достоевского?

— Это который из скупки? Меховщик?

— Нет, он скорее писатель-классик. «Преступление и наказание», так сказать.

— Знаю. Кухонных нет.

— Привет от Стеллы Евгеньевны!

— Все равно нет.

— Могу сделать невозможное — подписать вас на двенадцать томов любовной лирики всех времен.

— С картинками будет любовная лирика?

— Непременно! Но за лирику будьте добры спальню-кабинет из двенадцати предметов.

— Один том за один предмет!!

— Ну, так уж и быть! Даю вам еще Кафку!

— Это интересно. Кофеварку давно ищу. Подсылайте парочку. Вторую возьмет Стелла Евгеньевна.

ПЕРСИКИ

Аркадий АРКАНОВ

РАССКАЗ

— ПОЧЕМ персики?

— Три пятьдесят.

— А три?

— За три сам бы ел.

— Ну, давай мне за три, а ты будешь есть за два пятьдесят.

Дядька, который продавал персики, уставился куда-то в сторону и сделал вид, будто продолжать ему этот разговор скучно.

— Хорошие персики. — сказала девушка. — У той тетки по три, но они подпорченные, с бочком.

— Думаешь? — сказал Николай. — Ладно. Грабьте. Давай три кило за десятку. Полтинник — не деньги.

— Тогда за одиннадцать, — буркнул дядька, который продавал персики, но уже ясно было, что сделка состоялась и он стал накладывать на алюминиевую тарелку крупные вызывающе загорелые персики.

— Ну, если до Москвы не довезу — смотри! — весело сказал Николай и протянул десятку.

— Хоть до Сибири. — сказал дядька и спрятал десятку глубоко-глубоко во внутренний карман пиджака.

— Ничего себе, — рассуждал вслух Николай, поглядывая на персики в авоське, — три пятьдесят... Это почти полный день вкалывать.

Девушка, которая шла рядом и которую звали Раей, молчала. Она только остановилась на немного, сняла босоножку и вытряхнула из нее камешек. С этого момента Николай думал уже только о том, как поаккуратнее довезти персики и еще о разном...

Дядька, который продавал персики, накрыл весы тряпкой, попросил тетку слева приглядеть и направился в рядом работавшую шашлычную, потому что проголодался.

В шашлычной, прождав минут тридцать и разозлившись, он заказал салат зеленый с яйцом и со сметаной, суп-харчо полную порцию, два шашлыка по-кавказски, лимонад, хлеба того и другого и бутылку вина «Псоу», потому что пива не было.

Съев все это и выпив с большими перерывами, прождав еще минут тридцать расплаты, дядька сунул официанту десятку, высказал ему свою жалобу по поводу медленности и направился к рядам продавать персики, подумав на ходу, что вот если бы этого здорового официанта да в сады персики выращивать...

Официант сунул десятку во внутренний карман смокинга и подумал, что вот если бы этого куркуля да в шашлычную и заставить весь день побегать с высунутым языком. Но уже через мгновение его мысли обратились к столику у окна, за который села смешанная черно-белая разнополая компания и откуда слышались басовые шутки и высокое женское хихиканье...

— Ты чего, Раюха? — спросил Николай, укладывая персики в только что купленный за два с полтиной фанерный ящик с дырочками. — Ты чего загрустила?

— Жарко, — ответила девушка, которой действительно было жарко, потому что приехала она в этот профсоюзный санаторий на Южном берегу Крыма по горящей путевке в июле месяце вместо сентября, как было указано в заявлении об отпуске.

— Выше нос, Раюха! — бросил Николай, потому что через четыре часа кончался его отпуск вылетом из Симферопольского аэропорта реактивным лайнером «ТУ-124» по маршруту Симферополь — Москва. Заканчивался его срок пребывания в профсоюзном санатории на Южном берегу Крыма, где на четвертый день на пляже познакомился он с Раюхой и предложил ей сплавать до буйка, а потом и на экскурсию катером с баянистом и чешским пивом в буфете. Это показалось ей необычным, и возникла между ними та самая необъяснимая южная взаимосимпатия, по мере развития которой начали они обмениваться друг с другом разнообразнейшей информацией и свежими впечатлениями. Так и узнала она, что он из Москвы, а вы откуда, а я из Тюмени. Так и узнал он, что она читала книжку про дельфинов, а я недавно смотрел «Воспоминания о будущем». Вы не видели? Нет, к нам приезжала Людмила Зыкина. И еще тут где-то есть шашлычная, а в Тюменской области столько нефти нашли, что куда там. А тридцать два градуса в тени и двадцать четыре градуса в воде делали свое дело. И выяснилось еще, что начальник его отдела — человек дубоватый, а у нее в общежитии запретили танцы, и сухое вино после купанья — самый смак, а по телевизору сегодня «Семнадцать мгновений весны». И смотрели они, занимая места друг для друга, семнадцать мгновений весны, вечер за вечером, мгновенье за мгновеньем. И после того, как Штирлиц, устав, заснул в своей машине, случилось между ними то, что заставило его весь следующий день нырять, как сумасшедшего, обыграть в «дурака» профессора и распевать до вечера песни своего любимого певца Эдуарда Хиля, а ее — пугливо озираться, наивно считая, что все на нее смотрят.

Дальше они отдыхали уже на «ты», хотя в столовой питались на «вы». И вообще ему нравилось это место, а ей было жарко, и она с тревогой начала считать дни.

А потом кончилась последняя серия, и начались дожди. И он целыми днями играл с профессором в «дурака» или в шахматы, напевая «Вода, вода, кругом вода» и поглядывая в окно в ожидании перемены климата, потому что он в комнате жил четвертым, и Раюха в комнате жила четвертой. Ей же по-прежнему было жарко, и она продолжала считать дни.

Когда истек срок путевки, Николай отдохнул и окреп. В тот же день снова запалило солнце, и они отправились на базар покупать персики. Николай был мужчиной, и поэтому ему было жалко ее, что она с ним расстается.

— Выше нос, Раюха! — повторял он до самого прихода автобуса. — Ничего не попишешь. Пришло время разъезда. Оглянуться не успели, как зима катит в глаза. Можем переписку вести. Я тебе до востребования, ты мне до востребования. Так и будем вести переписку. Ну чего ты, Раюха?

— Опоздаете, — сказала Раюха.

Она хотела, чтобы поскорей ушел автобус, ушел сегодняшний день, потому что завтра ее срок тоже истекал, и надо дать телеграмму Клобуковой, чтобы она достала к ее приезду все, что нужно. В этом уже Раюха не сомневалась и ни о чем другом думать не могла.

Автобус обступили отдыхающие профсоюзного санатория на Южном берегу Крыма. Николай снес вещи в автобус и поставил ящик с персиками так, чтобы они не подавились.

— Ну, пока, как говорится — сказал он в окошко и помахал рукой так, как машут футболисты, отправляясь на матч.

Автобус фыркнул и выехал за ворота.

Отдыхающие профсоюзного санатория на Южном берегу Крыма махали руками и кричали: «До свидания, до свидания!» Автобус повернул влево, и отдыхающие разошлись, а море, которое только секунду назад было рядом, исчезло, и больше его Николай не видел. Просто он думал о том, как через какое-то время уже будет в Москве.

Срок пребывания Раюхи истек на следующий день, и она улетела в Тюмень где ее ждала Клобукова. На третий день Раюха вышла на работу.

Сотрудники сказали ей, что она очень мало загорела.

В аэропорту услышал Николай про какой-то карантин на фрукты и овощи. У него екнуло сердце. «Как же быть с персиками?» — сразу подумал он и вскоре выпросил в аптечном киоске несколько листов упаковочной бумаги, замотал ящик с персиками и перевязал его шпагатом.

У регистрационной стойки два кавказца (Николай никогда не мог отличить, кто армянин, кто грузин, а кто азербайджанцы), ожесточенно жестикулируя, на полусвоем-полурусском языке возмущались карантином. Перед ними стояли две высокие плетеные корзины с фруктами, а возле регистратора находились начальник смены и диспетчер по транзиту. Начальник смены все время повторял: «Все! Разговор окончен! Я из-за вас в тюрьму садиться не собираюсь! Все!» У кавказцев шляпы были сдвинуты на лоб, и по лицам их буквально текло, но начальник смены был непреклонен, потому что садиться в тюрьму из-за них тоже не добирался.

— А грязные белые можно с собой? — жалобно спросил Николай, увидев на ящике с персиками.

— Все сдавать! — твердо произнесла регистратор, и Николай тоскливо посмотрел, как его вещи с персиками трехнули на багажную тележку. «Хоть так, — подумал он, — а этим придется свои вершиночки — тоже...» И он очень обрадовался, что так ловко перехитрил аэропорт.

В самолете Николай сразу уснул и даже не воспользовался леденцами, а когда проснулся, то уже не было Симферополя, а была Москва.

Когда он направился к «выдаче багажа», его обогнали два кавказца с большими чемоданами в руках. За ними носильщик нес две высокие плетеные корзины с фруктами. «Вот ведь!» — подумал Николай.

Его чемодан показался на конвейерной ленте через сорок минут, а немного погодя — ящик с персиками. На упаковочной бумаге проступило большое мокрое бурое пятно. «Продавили, гады!» — подумал Николай и, взяв вещи, направился к выходу, неся на вытянутой руке ящик с персиками, чтобы не испачкаться.

— Что ж ты телеграмму не дал? — говорила Надежда, целуя Николая.

— Проверка! — усмехнулся он.

— Хитрован! Мы же все с мамой высчитали. Вышло, что сегодня. Куда тебе деться?

— Пап, чего ты мне привез? — приставал Володька.

— Секрет! — сказал Николай.

— Хочу секрет, хочу секрет! — прыгал Володька.

— После обеда! — строго сказал Николай.

После обеда Николай торжественно стал разворачивать ящик с персиками.

— Внимание! — произнес он. — Раз, два, три! Персики!..

И он вскрыл ящик. Добрая половина персиков была чем-то раздавлена и представляла собой довольно скверное месиво.

— Продавили, гады! — сказал он.

— Не выбрасывайте! — высказалась теща. — В компот сгодятся.

Оставшиеся восемь персиков вымыли, выложили на большое красивое блюдо и через две минуты съели.

— Ну и намаялся с ними,— сказал Николай.

— Дорог не подарок — дорого внимание, — высказалась теща.

Надежда стала убирать со стола, а Володька побежал во двор...

Когда Николай уже лежал в постели и читал еженедельник «Футбол-хоккей», вошла Надежда в ночном халате.

— А, между прочим, почем там персики? — спросила она.

— Три пятьдесят кило, — отозвался Николай.

— Надо же! У нас на Центральном рынке и то дешевле, — сказала Надежда и выключила свет.

Ночью он видел себя персиком среди таких же, как сам, николаев в фанерном ящике с дырочками. Было тесно и жарко. Потом крышку сняли, и чья-то рука взяла его из ящика и стала мять и ощупывать, разглядывая при этом внимательно. «Э-э! Да они с бочком!» — услышал он над собой и тут же почувствовал, что чья-то рука размахнулась и бросила его куда-то...

— Что? Что?! — испуганно спрашивала прибежавшая на стук теща.

— С кровати упал, — извиняясь, ответил Николай.

— Чего-то ты до отпуска с кровати не падал, — недовольно пробурчала теща.

Николай потер ушибленный бок и опять улегся.

Утром он сел в сорок восьмой троллейбус и поехал на работу.

Сослуживцы говорили ему, что он совсем не загорел.

— Облупился, — отвечал он. — И дожди были.

КЛУБ СТУЛЬЕВ

ПОДРАЖАНИЯ

Владлен БАХНОВ

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ»

Парусина

Виктору БОКОВУ

Клен, осина, дуб высокий,
Ива-ивушка, сосна.
В море парус одинокий.
А под Курском соловьи.

Из колодца вода льется,
Васильки, ромашка, лен.
Ветер свищет, мачта гнется.
А в Рязани дождь идет.

Ах ты, ох ты,
эх ты, парус!
Спрашиваю лодочку:
Что ты ищешь, чудо-парус,
Не мою ль молодочку!

Ой закаты да рассветы,
Бузина да зверобой.
А в траве-то, в мураве-то
Ты, да я, да мы с тобой!

Ветер свищет, мачта гнется,
Раздается шум и гам.
Из колодца вода льется,
Разливаясь по стихам.

Горный сонет

Расулу ГАМЗАТОВУ

В горах моих,
где горные потоки,
Давно живет преданье
о том,
Что есть на свете
парус одинокий,
Белеющий в тумане
голубом.
Но знает лишь
один старик глубокий,
Один мудрец в селении
моем,
Что ищет тот кунак
в стране далекой,
Что кинул тот джигит
в краю родном.

Я жажду бури!
Где моя папаха!
Где мой кинжал,
не ведающий страха!
Я вдаль хочу,
в неведомый простор!

Любимая,
простимся у порога...
И выхожу один я
на дорогу,
Где ждет меня
в машина мой шофар.

Я

Евг. ЕВТУШЕНКО

Я— парус, мора я
а тумане голубом,
Я сам а саба
белею одиноко,
Я сам себя ищу
а стране далекой
И кинул сам себя
а краю родном.

Ах, я волна,
играю я водою,
И, изменяясь десять раз
на дню,
Я ветер, гнущий мачту
над волною,
И мачта в, и сам себе в гну.
Я разный, я такой
многообразный,
И, расплываясь
в разные края,
Я не бегу от счастья
понапрасну,
Поскольку счастье —
это тоже я!

Я разным:
я струя светлей лазури,
Я солнце,
я луч солнца золотой,
Я буря,
и прошу я только бури
Аплодисментов.
В этом мой покой!

ЧУДАКИ

В. ПЕСКОВ

Георгий ГУЛИА

БОЛЬШЕ НЕ МОГУ

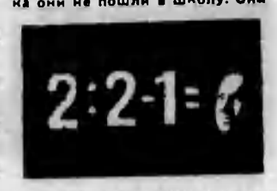
ФЕЛЬЕТОН

Я должен покаяться.

Но прежде я должен изорвать в клочки свой диплом инженера. Изорвать в клочья студенческий матрикул, где против теоретической механики стоит «хор.», против дифференциального исчисления — «отл.», против начертательной геометрии — «хор.», против русского языка — «отл.». И так далее, и тому подобное.

Теперь я стыжусь самого себя. Просыпаюсь по ночам в холодном поту. Бьет меня мелкая, противная дрожь, стучат зубы, и я вынужден принимать седуксен. И все потому, что мне стыдно. Потому что посрамлен. С чувством глубокого недоверия читаю я похвальный отзыв профессора о моем дипломном проекте. И шепчу, подобно древнему мудрецу: «Я знаю, что ничего не знаю...»

И все это из-за них. Из-за детей. Все было хорошо, пока они не пошли в школу. Она доканала меня, вконец погубила. Порою мне хочется принять в припадке отчаяния: «Виноват, братцы, вяжите меня!»



Ибо выяснилась вчера ужасное. И я, мямля сплетать [illegible] зрел. Начнем с того, что [illegible] смог обнаружить [illegible] задачу: она была изложена так, что я долго тер лоб. Пишу я [illegible] дочке 36 [illegible] [illegible] того, я не понимал, что такое орфограмма вообще. А с трудом прочитанное сквозь [illegible] грамму номер 36. [illegible] полностью: «Не является [illegible] причастным [illegible] есть [illegible] союзом «и». Не является [illegible] полными причастиями, при которых нет зависимых слов и нет [illegible] союзом «и». Правильно, [illegible] здесь [illegible] в чем заключить эти [illegible]?

Пошла я отводить [illegible] в школу. Сегодня [illegible] моего сына. Я обошла [illegible] детей. Я выяснила, что [illegible] ничего, оказывается, я знаю. И я понял, что я — пыль [illegible], что я — [illegible] существо, или я [illegible] уловил, что:

а) учитель по русскому языку [illegible] детей [illegible] [illegible] Пушкина [illegible] и владимирская [illegible] совершенно [illegible];

б) учительница по математике [illegible] и [illegible] Пифагора и Пуанкаре, а тем чтобы по возможности выше уничтожить это [illegible] [illegible];

в) учитель по географии [illegible] [illegible] [illegible]